МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. Х.М. БЕРБЕКОВА» (КБГУ)

На правах рукописи

КВАРЧИЯ ВИКТОРИЯ БЕНОЕВНА

ОНОМАСТИКОН ПРОИЗВЕДЕНИЙ ФАЗИЛЯ ИСКАНДЕРА: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Научная специальность - 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор С.К. Башиева

Нальчик, 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....4

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ОНОМАСТИКИ.....13

1.1. Становление ономастики как науки.....13

1.2. Место ономастики в ряду других дисциплин.....19

1.3. Имя собственное: вопросы терминологии и методологии.....28

1.4. Специфика имени собственного в художественном тексте.....34

1.4.1. Языковая картина мира – базовое понятие лингвокультурологии.34

1.4.2. Ономастикон художественного текста как фрагмент языковой картины мира.....40

Выводы.....47

ГЛАВА 2. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОНИМОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ФАЗИЛЯ ИСКАНДЕРА 50

2.1. Феномен Фазиля Искандера в контексте двух языковых культур.....50

2.2. Онимизация апеллятивов в философской сказке «Кролики и удавы»: текстообразующая функция.....59

2.3. Способы и функции идентификации поэтонимов как средств микро- и макротекстологии имени.....66

2.4. Библионимы в аспекте диктемной структуры текста.....71

2.5. Специфика репрезентации прозвищ.....77

2.6. Афоризмы и афористические выражения с онимными компонентами и отонимными апеллятивами.....89

2.7. Онимы как репрезентанты ключевых концептов.....96

2.7.1. Концепт «Сандро».....98

2.7.2. Концепт «Чегем».....107

2.7.3. Концепт «Сухум».....114

2.7.4.Концепт «Бог».....120

Выводы.....137

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....141
БИБЛИОГРАФИЯ.....147
ИСТОЧНИКИ……..165

ВВЕДЕНИЕ

Онимы занимают важное место в составе любого языка. Возрастанию интереса к данным единицам способствует междисциплинарный характер ономастики, изучающей любые имена собственные. Являясь одной из наиболее консервативных частей лексики, они репрезентируют мировосприятие индивида сквозь призму определенной эпохи, этноса, социума. Тем самым аккумулируется специфическая информация не только лингвистического, но и экстралингвистического плана. В настоящее время ключевым понятием, вокруг которого сфокусировано обсуждение важнейших вопросов лингвистики и, в частности, ономастики выступает понятие «языковой личности». Начиная с древних времен, одним из средств вербализации знаний языковой личности выступает художественный текст. Транслируемая информация приобретает одновременно семиотический и аксиологический характеры, что оказывает непосредственное влияние на формирование картины мира языковой личности и, следовательно, обусловливает модель ее поведения.

Языковая картина мира писателя складывается в сознании читателя на основе когнитивных процессов. Одним из наиболее мощных инструментов ее познания в художественном тексте выступают онимы, в совокупности составляющие фрагмент языковой картины мира. Данные языковые единицы являются существенными элементами образной ткани любого художественного произведения. Будучи частью ономастического пространства текста, они взаимодействуют в его рамках как друг с другом, так и с иными компонентами, подвергаются семантизации. Без детального изучения ономастикона произведений писателя не представляется возможным адекватное понимание художественного текста.

Степень разработанности темы диссертации. Изучение имен собственных и их функционирования в художественном тексте осуществляется в литературной ономастике, ценность которой несомненна, так как

собранные сведения способствуют комплексному анализу произведения и лингвистами, и литературоведами. Предпосылки становления русской ономастики зафиксированы в трудах таких ученых, как Ломоносов [Ломоносов, 1755], А.Х. Востоков [Востоков, 1812], Е. Болховитинов [Болховитинов, 1813]. Во многом именно интерес исследователей к вопросам этимологии имени персонажа определил становление науки об именах собственных. Однако впоследствии перечень исследуемых аспектов расширился, стали рассматриваться в том числе вопросы отражения в именах характеристик персонажей, а также влияния на их выбор социального, исторического или культурного факторов. Современная наука располагает значительным корпусом научных трудов, посвященных исследованию ономастикона в художественном тексте [Абодуллоева, 2017; Аксенова, 2005; Алтухова, 2004; Багирова, 2004; Бардакова, 2000; Барковская, 2005; Бондаренко, 2006; Бугакова, 2023; Буевская, 2012; Бунеев, 2011; Бунеева, 2011; Гарипова-Хасаншина, 2004; Голомидова, 1998; Гончарова, 2007; Горбачева, 2008; Гунтарева, 2021; Денисова, 2011; Донченко, 2011; Елистратова, 2015; Зиннатулина, 2005; Ибрагимова, 2010; Иванова, 2009; Катермина, 2020; Кожевникова, 2003; Кожин, 2004, 2005; Косиченко, 2017; Курс, 2013; Лебедева, 2006; Луговая, 2006; Ма Вэньин, 2015; Малютенко, 2008; Маринина, 2003; Медведкова, 2017; Меркулова, 2005; Мирхайдарова, 2005; Никитина, 2006; Новичков, 2012; Нуруллина, 2011; Пронченко, 2007; Соловьева, 2004; Скуридина, 2020; Супрун, 2000; Фомин, 2004; Хамитова, 2007; Хохлова, 2010; Худайбердина, 2012; Шебалов, 2004; Шойбонова, 1999; Яковленко, 2011 и др.], а также изучению литературного творчества русскоязычного писателя Фазиля Искандера [Габуниа, Улимбашева, 2017; Гурцкая, 2008; Иванова, 1990, 2019; Измайлова, 2002; Козэль, 2006; Лачинов, 1998; Романенко, 2016; Сугян, 2012; Табулова, 2005; Урбанович, 2009; Цколия, 2015]. Однако стремительное развитие глобализационных процессов и культурной интеграции, как правило, приводящее к полиэтничности, следовательно, и к билингвизму (русско-инонациональный и

инонационально-русский), обусловливает недостаточную степень изученности ономастикона художественных текстов Фазиля Искандера в аспекте лингвокультурологии, что предопределило **актуальность и выбор темы** настоящей диссертации.

Объект исследования – художественные тексты Фазиля Искандера как лингвокультурологический феномен.

Предмет исследования – имена собственные, репрезентирующие языковую картину мира в художественных текстах Фазиля Искандера.

Цель диссертации – исследование ономастикона художественных текстов русскоязычного писателя Фазиля Искандера в лингвокультурологическом аспекте.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

1) изучить теоретико-методологические сновы ономастики как самостоятельной науки об именах собственных;

2) выявить механизмы пополнения русской и абхазской лингвокультур за счет словотворчества Фазиля Искандера;

3) проанализировать особенности ономастикона произведений Фазиля Искандера как фрагмента языковой картины мира;

4) исследовать онимы как репрезентанты ключевых концептов в художественных текстах Фазиля Искандера.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем **впервые**

1) проведен комплексный лингвокультурологический и лингвокогнитивный анализ ономастикона произведений Фазиля Искандера как уникальной системы концептуализации мира, вербализованной средствами русского языка;

2) рассмотрены такие разновидности онимов, как антропонимы, топонимы, теонимы, входящие в состав ключевых концептов «Сандро», «Чегем», «Сухум», «Бог», аккумулирующих аксиологический ресурс абхазской языковой картины мира;

3) дано системное описание указанных концептов с применением лингвосемиотического подхода, предложенного В.И. Карасиком, полевой модели З.Д. Поповой и И.А. Стернина: описаны ядерные зоны (фиксированные наиболее частотными лексическими единицами) и периферийные зоны концептов;

4) продемонстрирована специфика функционирования имен персонажей с различными апеллятивными конструкциями в произведениях Фазиля Искандера, определившая изучение поэтонимов как одного из ключевых средств текстообразования.

Теоретическая значимость исследования определяется вкладом в развитие основ ономастики и лингвокультурологии, детализацией теоретических сведений о способах вербализации картины мира в художественном тексте, обоснованием роли ономастикона художественного текста как фрагмента языковой картины мира.

Практическая значимость диссертации заключается в возможности широкого использования

1) разработанного автором алгоритма полевого описания концептов при концептуальном анализе других типов дискурса;

2) выявленных, структурированных, описанных вербальных репрезентантов концептов «Сандро», «Чегем», «Сухум», «Бог» – при составлении словарей концептов русской и абхазской культур;

3) теоретических материалов работы – в преподавании лингвистических дисциплин, при подготовке лекционных курсов и заданий для практических занятий по ономастике (общей, литературной, региональной), когнитивной лингвистике, лингвокультурологии, лексикологии;

4) специфики вербализации концептов средствами ономастических единиц в творчестве русскоязычного писателя-билингва как основы для формирования стратегий адекватного перевода с сохранением ключевых абхазских ментальных конструктов – в теории и практике перевода.

Теоретико-методологическую базу диссертации составили труды таких ученых, как Н.Ф. Алефиренко [Алефиренко, 2005, 2006, 2009]; С.А. Аскольдов [Аскольдов, 1997]; У.М Бахтикиреева [2009], С.К. Башиева [Башиева, 2014]; В.Д. Бондалетов [Бондалетов, 1983, 2023]; Н.В. Васильева [Васильева, 2021]; С.Б. Веселовский [Веселовский,1945, 1974]; М.В. Голомидова [Голомидова, 1998]; В.И. Карасик [Карасик, 2012]; Ю.Н. Караулов [Караулов, 2010]; Ю.А. Карпенко [Карпенко, 1986]; В.В. Катермина [Катермина, 2020; Г.Ф. Ковалев [Ковалев, 2014]; Г.В. Колшанский [Колшанский, 1990, 2018]; В.А. Маслова [Маслова, 2005, 2011, 2024]; А.К. Матвеев [Матвеев, 2004, 2005]; Т.М. Николаева [Николаева, 2001]; А.В. Никонов [Никонов, 1965, 1974, 2011]; Н.В. Подольская [Подольская, 1990]; З.Д. Попова [Попова, 2010]; А.А. Реформатский [Реформатский, 1959, 1968]; М.Э. Рут [Рут, 2001]; Ю.С. Степанов [Степанов, 1981]; И.А. Стернин [Стернин, 2010]; А.Х. Султанов [Султанов, 2019]; А.В. Суперанская [Суперанская, 2007, 2019]; В.И. Супрун [Супрун, 2000]; В.Н. Телия [Телия, 1996]; А.С. Щербак [Щербак, 2008, 2009] и др.

В исследовании **использованы** метод сплошной выборки онимов для их статистической достоверности, метод концептуального анализа для выявления скрытых смыслов и культурного кода абхазов средствами онимов, описательно-аналитический метод для систематизации и интерпретации онимов, метод лингвокультурологической интерпретации для реконструкции внутренней формы онимов и способов трансляции национальной ментальности на вербальном уровне, стилистический метод для выявления стилистической окраски и экспрессии онимов.

Гипотеза диссертации. Ономастикон произведений Фазиля Искандера является не только средством художественной коммуникации, но и системным механизмом репрезентации этнокультурного кода, лингвокультурологический потенциал которого реализуется совокупностью ключевых концептов-онимов, прецедентных и интертекстуальных имен, а также специфических вербальных маркеров абхазской этнической культуры,

которые в комплексе формируют у читателя национальную картину мира абхазов, способствуя сохранению культурной памяти.

Положения, выносимые на защиту:

1. Литературное творчество Фазиля Искандера представляет собой синтез двух языковых культур, что способствует обогащению русской языковой культуры за счет индивидуально-авторского словотворчества писателя, использующего лексические средства абхазской языковой культуры и адаптирующего их согласно законам русской словообразовательной системы. При этом русская языковая система не нарушает культурную обусловленность художественного текста, способствует расширению ментальных моделей, консолидации человеческого сообщества и приобщению к мировой цивилизации.

2. Художественные тексты Фазиля Искандера формируют национальную картину мира абхазов, репрезентируя культурный код посредством ономастических единиц, что позволяет читателям освоить ментальные ориентиры и традиции данного этноса. Фокус лингвокультурологической нагруженности ономастикона произведений писателя направлен на концепты-онимы, авторские онимы, отапеллятивные онимы, прозвища как маркеры интертекстуальности и прецедентности, которые наряду с другими основополагающими текстовыми категориями, составляют фрагмент языковой картины мира.

3. Наиболее распространенными способами вербальной репрезентации концептов «Сандро» и «Чегем» являются лексический и стилистический способы. Лексический способ реализован за счет наращивания смыслового диапазона концептов рядом когнитивных признаков, транслирующих различные стороны образа Сандро и уклад жизни чегемцев. Для наиболее полного описания структуры концепта выделены ядерные и периферийные зоны. Многослойная структура концептов «Сандро» и «Чегем» включает базовые слои, ближнюю и дальнюю периферии с комплексом когнитивных признаков. В отличие от них структура концепта «Сухум» однослойна и

состоит исключительно из базового слоя, а также комплекса сигнатур и гештальтов. Концепт «Бог» в благопожеланиях и проклятиях художественных текстов Фазиля Искандера является константой. Через обращение к Богу тексты благопожеланий передают оптативную модальность рядом когнитивных признаков, тем самым становясь медиатором желательности здоровья, счастья, добра, долголетия и прочих благих ценностей, а также адресатом высказывания. Тексты проклятий представлены когнитивными признаками пожелания болезней, смерти, позорной смерти, родового проклятия и самопроклятия.

Степень достоверности и апробация работы.

Достоверность полученных результатов подтверждается комплексом использованных методов, соотвествующих цели и задачам исследования, большим корпусом эмирических материалов, включающих 326 языковых единиц, извлеченных из Собрания сочинений Фазиля Искандера в 10 т. (М.: Время. 2003–2008 г.: Т.1: Путь из варяг в греки, Т.2: Созвездие козлотура, Т.3: Детство Чика, Т.4: Сандро из Чегема 1, Т.5: Сандро из Чегема 2, Т.6: Сандро из Чегема 3, Т.7: Софичка, Т.8: Человек и его окрестности, Т.9: Козы и Шекспир, Т.10: Паром).

Научные результаты изложены в докладах на региональных, всероссийских и международных конференциях, а также международных научных семинарах (V Всероссийская научная конференция «Проблемы региональной ономастики» (Майкоп, 2006); Международная научно-практическая конференция, посвященная юбилею абхазского ученого-этнографа Ш.Д. Инал-ипа, «1-ые Международные Инал-иповские чтения» (Сухум, 2007); VII Международная научная конференция «Проблемы общей и региональной ономастики» (Майкоп, 2010); Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Русский язык и литература в полилингвальном мире: вопросы изучения и преподавания (XVI Кирилло-Мефодиевские чтения)» (Черкесск, 2020); II Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Парадигма современной гуманитарной науки и образования: традиции и перспективы»

(Нальчик, 2024); Всероссийская конференция с международным участием, приуроченная к 30-летию Закона «О языках народов КБР» «Философия и культура народа сквозь призму языка» (Нальчик, 2024); IX Международный научный семинар «Лингвистическое регионоведение» (Донецк, 2024); Международная научно-практическая конференция, «Выдающиеся русисты Кыргызстана», посвященная 100-летию Л.А. Шеймана и Г.С. Зенкова (Бишкек, 2024); X Международная научно-практическая конференция, посвященная 95-летию со дня рождения Г.Д. Гачева «Би-, поли-, транслингвизм и лингвистическое образование» (Москва, 2024); Международный научный семинар «Русский язык в поликультурном мире» (Нальчик, 2025); Всероссийская научно-практическая конференция «Язык и литература в социокультурном контексте» в рамках Южно-Российских научных чтений, приуроченных к 110-летию Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, 2025); II Международная научно-практическая конференция «Тибиловские чтения» (г. Цхинвал, 2025).

По теме диссертации опубликовано 18 работ, из них – пять в журналах, входящих в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК Минобрнауки.

Структура работы. Диссертация изложена на 165 страницах, состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии (181 наименование), лексикографических (14 наименований) и художественных источников (10 наименований).

Введение содержит концептуальные основы исследования: цель, задачи, гипотезу, объект, предмет и материалы исследования. В нем обоснованы актуальность и значимость работы, указаны использованные методы, описана теоретико-методологическая база исследования, практическая и теоретическая значимость и результаты апробации.

В главе 1 определены предпосылки становления ономастики как самостоятельной дисциплины, систематизированы подходы к изучению имени собственного и поэтонима, что позволило определить их место в

диалоге культур во времени и пространстве. Исследованы механизмы функционирования ономастикона художественного текста как маркера прецедентности и интертекстуальности, который наряду с другими основополагающими текстовыми категориями, составляет фрагмент языковой картины мира.

В главе 2 рассмотрен лингвокультурологический потенциал ономастикона произведений Фазиля Искандера, раскрыт феномен писателя в контексте русской и абхазской языковых культур, исследован процесс онимизации апеллятивов как одного из средств текстообразования, проведен анализ концептов «Сандро», «Чегем», «Сухум», «Бог», определен функционал поэтонимов Фазиля Искандера как средств микро- и макротекстологии имени, обоснована роль жанров устно-речевого дискурса и афористики писателя как мощных инструментов трансляции национально-культурной и индивидуально-авторской интерпретаций мира.

В заключении подведены итоги исследования.

Глава 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ОНОМАСТИКИ

1.1. Становление ономастики как науки в Российской Федерации

Сущность имен собственных как специфических лексических единиц вызывала интерес исследователей еще с древних времен. Наиболее ранние свидетельства их практического использования встречаются в административных и хозяйственных документах таких древних цивилизаций, как Шумер и Египет. Глиняные таблички и папирусы содержали многочисленные записи личных имен, географических названий и наименований хозяйственных объектов. Эти документы служили для учета ресурсов, регистрации сделок и управления территориями.

Основы будущей науки об именах собственных были разработаны еще в период античности. В частности, были выделены имена собственные и нарицательные, рассматриваемые еще как единая категория, описаны связи имен и вещей, их значения, истинность и др. Вопросами природы имен собственных занимались такие античные философы как Сократ, Платон, Аристотель, Демокрит, Хрисипп, Диоген Вавилонский, Дионисий Фракийский, Диомед и др. Так, по мнению Платона, ученика Сократа, имянаречение должно быть тесно связано с природой, ее предназначением, тогда это обеспечивает согласованность с прежним рассуждением человека [Платон, 1986: 75]. Аристотель считал, что имени как такового в природе нет, есть членораздельные звуки, которые именами не являются. Имя возникает, когда становится знаком [Аристотель, 1978: 94]. Однако вследствие того, что имена собственные были изучены античными мыслителями в качестве отдельных лексических единиц (имена могли выборочно включаться в словари), комплекс имен не был исследован как система функционирующих в ней единиц. Во II в. до н.э. Дионисий Фракийский вместе с другими философами стал отличать имена собственные от имен нарицательных. В самостоятельный класс имена собственные были выделены стоиками,

согласно концепции которых философия отражает логос (универсальный вселенский разум) в словесно оформленных конструкциях.

Ученые-философы XIII–XVIII вв. (Фома Аквинский, Томас Гоббс, Дж. Локк, Г. Лейбниц и др.) своими суждениями об именах оказали значительное влияние на формирование современных теоретических положений ономастической науки. Так, в трактате «Сумма теологии» крупнейший схоласт и метафизик Средневековья Фома Аквинский рассматривает божественные имена в соответствии с их познанием [Сумма теологии, 2002: 141–170]. Теория познания имени получила дальнейшее развитие в концепции английского философа Томаса Гоббса. В произведении «Of Names» (1655), заложившего основы когнитивного подхода к языку и к имени собственному, Гоббс утверждает, что имя является произвольной меткой, служащей для рождения мысли в человеческом уме [Томас Гоббс, 1989: 83]. В этом смысле первостепенна роль развивающихся в XIX–XX вв. идей о знаковой природе имен собственных, как своеобразных метках, данных индивидам, о специфике имени, его содержании и значении (Дж. Стюарт Милль, Х. Джозеф, А. Нурен, В. Брендаль, Л. Ельмслев, О. Есперсен и др.).

Следует отметить, что лексикографические традиции оформления собственных имен в России и на Западе развивались разными путями. На начальном этапе становления русской ономастики личные имена стали фиксироваться в старорусских лексикографических письменных источниках XI в. По предположению Н.К. Фролова, к этому же периоду можно отнести попытки перевода иноязычных имен на древнерусский язык [Фролов, 2005: 3]. В «Речи жидовськаго языка» XIII в. ономастическая лексика составляла более двух третей всех словарных статей. Однако процесс систематизации ономастических единиц стал возможен к XIV–XVII вв. благодаря появлению разговорников, азбуковников, месяцесловов, словников, призванных разъяснять разновидности антропонимов преимущественно религиозного характера. Основы современной научной этимологии имен были заложены в

труде Максима Грека «Толкование именам по алфавиту» (XVI в.), ставшим ономастическим каталогом, вспомогательным для библейско-литургической экзегезы. Одним из значимых трудов того времени следует также считать церковнославянско-западнорусский словарь энциклопедического характера «Лексикон словенороссийский» Памвы Берынды, составленный в 1627 году. Во второй части словаря «...Имена свойственная» даются толкования и переводы нарицательных слов и собственных имен (около 1400 имен собственных по разрядам: антропонимам, топонимам). Однако уже при создании Словаря Академии Российской 1789–794 гг. имена собственные не были в него включены, так как словарное описание имен собственных предполагало разработку особых дефиниций. Данная традиция частично сохранилась до наших дней (сказанное выше не относится к двуязычным словарям и именам собственным, входящим в состав фразеологической единицы). В отличие от российских, западные лексикографы традиционно включают собственные имена в словари разных типов, в том числе толковые, орфографические и другие.

На сегодняшний день все многообразие имен собственных исследуется научной дисциплиной, известной как **ономастика** (др.-греч. ὀνομαστική ‘искусство давать имена’). Исключительно важным для развития ономастики можно считать проведение I Международного ономастического конгресса, организованного по инициативе Альбера Доза во Франции в 1930 году, впоследствии регулярно проводимого в разных странах. В 1947 году в Париже им был основан специализированный журнал «Onomastica», переименованный позже в «Revue Internationale d'Onomastique» (с 1983 года в «Nouvelle Revue d‘Onomastique»). В 1949 году в Бельгии начинает функционировать Международный ономастический комитет при ЮНЕСКО, издающий журнал «Onoma» и с 1950 года публикующий библиографию по ономастике.

Формирование отечественной ономастики связано с трудами М.В. Ломоносова, А.Х. Востокова, Е. Болховитинова [Востоков, 1812; Болховитинов,

1813]. Так, в разделе «О происхождении притяжательных, отечественных и отеческих имен и женских от мужских», вошедшем в «Российскую грамматику» 1755 года, М.В. Ломоносов совместил в вопросах литературы позиции теоретика и практика, считая имена собственные одними из ключевых тексто- и стилеобразующих средств [Кондратьева, 1967: 97–115]. Описанию личных имен собственных у славяноруссов посвящена работа Е.А. Болховитинова, исследовавшего христианские и прозвищные имена князей, бояр, посадников и иных знатных лиц [Болховитинов, 1983: 6–20]. А.Х. Востоков обратился к анализу имени собственного в рамках грамматического учения [Востоков, 1820: 1831].

У истоков отечественной антропонимики XIX в. стояли И.И. Срезневский [Срезневский, 1863], А.В. Балов [Балов, 1896], Н.Н. Харузин [Харузин, 1898] и др. В.И. Буганов в предисловии к изданию трудов С.Б. Веселовского [1974] рассматривает ономастику как дисциплину, одновременно являющуюся и вспомогательной для исторической науки, и частью лингвистики [Веселовский, 1974: 3], указав на недостаточность внимания, уделяемого данной области. Он перечислил ряд важнейших работ исследовательского и справочного характера: фундаментальный труд по исторической антропонимике «Словарь древнерусских личных собственных имен» Н.М. Тупикова [Тупиков, 1903], который и сегодня по праву считается незаменимым инструментом для исследователей разного профиля; статью А.М. Селищева «Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ», посвященную исторической динамике прозвищ в формировании русских фамилий [Селищев, 1948]. На наш взгляд, особого внимания лингвистов, историков, исторических географов заслуживает справочник С.Б. Веселовского «Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии», составленный на основе летописей, актов, разрядных книг и др. важнейших исторических источников Древней и Московской Руси [Веселовский, 1974]. А.В. Суперанская, указывая на прикладной характер

ономастики, отмечает ее значимость для истории и географии [Суперанская, 2023: 8].

Возникновение ономастики связано с повышенным интересом к ней представителей разных направлений: историков, географов, этнографов, литературоведов, социологов, психологов и др. Это определило ее прикладной характер, так как ономастика на этапе своего становления рассматривалась лишь в рамках «вспомогательной научной дисциплины». Однако в середине XX в. ономастика выделяется в самостоятельную науку, что обусловлено рядом причин. Во-первых, обращение лингвистов к ономастике позволило анализировать ономастический материал лингвистическими методами. Лингвистический компонент ономастики стал доминирующим вследствие того, что каждое имя, являясь словом, функционирует в соответствии с законами языка и анализируется лингвистическими средствами [Суперанская, 2023: 7]. Во-вторых, учитывая лингвистическую основу ономастики, она нередко пользуется данными географии, археологии, истории, социологии, этнографии, литературоведения, теологии, логики и других наук, что способствует установлению лингвистами специфики имени того или иного объекта в связи с традициями его именования. Все это позволило ономастике, несмотря на ее междисциплинарный характер, обрести статус самостоятельной лингвистической дисциплины, несколько автономной от общей лингвистики, обладающей комплексностью предмета исследования, и при этом оставаться прикладной для географов и историков.

Говоря о формировании отечественной ономастики как науки, следует упомянуть об учении В.Д. Бондалетова, выделявшего три основных этапа ее становления: первый этап – донаучный (до XIX в.), предполагавший изучение этимологии имен собственных без учета сравнительно-исторического метода (в частности, любительские этимологии В.К. Тредиаковского, В.Н. Татищева и др.); второй этап – становление ономастики как науки, но еще не ономастический (XIX – начало XX вв.), характеризующийся исследованием преимущественно топонимов в историческом и

географическом аспектах с использованием сравнительно-исторического метода (работы А.Х. Востокова, Н.И. Надеждина, Н.П. Барсова, И. Добровского, А.И. Соболевского, А.А. Шахматова и др.); третий этап – научный, или ономастический (с 20-х гг. XX в. по настоящее время), заключающийся в признании ономастического материала «как особого разряда языка, наряду с лексикой, фонетикой, морфологией и т.д.»... и потому требующий того, чтобы его изучала самостоятельная наука [Бондалетов, 2023: 36–37].

Одним из первоочередных вопросов в науке на сегодняшний день остается вопрос единой ономастической терминологии. По этой причине официальное признание ономастики как самостоятельной науки состоялось относительно поздно, в 50–60-х гг. XX в., что, на наш взгляд, связано с неоднозначными дефинициями термина «ономастика». Как известно, в современной лексикографической литературе термин «ономастика» имеет два значения:

1) раздел языкознания, изучающий любые имена собственные;

2) онимия, то есть совокупность всех онимов.

Так, в «Словаре русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской (1978) термин «ономастика» употреблен в этих двух значениях, что может приводить к терминологическому разнобою [Подольская, 1978: 97, 96]. Однако уже во втором издании этого словаря утверждается, что «ономастика – это раздел языкознания, изучающий любые собственные имена» [Подольская, 1988: 96]. В связи с этим особый интерес вызывают идеи А.К. Матвеева, основателя и руководителя ведущей Уральской топонимической школы. Ввиду того, что современная наука требует однозначных дефиниций, ученый предлагает вообще отказаться от термина «онимия», оставив термин «ономастика» для обозначения совокупности имен собственных, а «для обозначения науки о собственных именах использовать синоним термина «ономастика» слово ономатология» [Матвеев, 2004: 9]. Исследователь убедительно доказывает предложенную им концепцию

коррелирующими рядами терминов, где терминологический ряд *ономастика – ономатология – ономатография – ономастикон* точно соответствует ряду *лексика – лексикология – лексикография – лексикон*. При рассмотрении теоретической литературы мы опираемся именно на этот подход, в рамках которого ономастика определяется как самостоятельная лингвистическая наука, а не как раздел лексикологии, так как ономастика функционирует по своим особым лингвистическим законам [Там же: 7, 9]. Учитывая необходимость совершенствования ономастической терминологии, предлагаем вышеуказанные коррелирующие ряды дополнить терминами *онимизация – лексикализация*, усиливающими необходимую противопоставленность терминологических рядов и одновременно цельность системы. Таким образом, ономастику (ономатологию) понимаем как самостоятельную лингвистическую науку, изучающую совокупность любых собственных имен.

1.2. Место ономастики в ряду других дисциплин

Чтобы обозначить место ономастики в номенклатуре научных дисциплин, необходимо противопоставление ее тем областям знаний, с которыми она тесно связана. Очевидно, что знания, объектом изучения которых выступает человек с различных ракурсов, в определенном смысле имеют ряд точек соприкосновения с языкознанием, так как язык является первоочередным признаком человека [Zgusta, 1962: 173]. К этой системе знаний относится также ономастика, для исследований которой важна взаимосвязь с данным комплексом.

Связь ономастики и лингвистики на первый взгляд может быть рассмотрена в рамках партитивных отношений. С одной стороны, лингвистические методы нередко используются в исследовании и ономастических единиц. С другой стороны, выявление специфики имен собственных в сравнении с именами вообще осуществляется с помощью средств лингвистики и других экстралингвистических компонентов

ономастики. Однако несмотря на то, что ономастика, по справедливому определению А.В. Суперанской, «часть лингвистики, но часть «не вполне укладывающаяся» в рамки целого» [Суперанская, 2023: 9], для ономастических исследований обязательно участие этих дисциплин, что позволяет выводить ее за пределы лингвистики.

Использование лингвистических методов при ономастических исследованиях доминирует над экстралингвистическими. Первые способствуют установлению языковой принадлежности имен для выявления их происхождения, определению их структурной типологии, помогающей классифицировать онимы по разрядам, выявлению морфологических чередований онимов, сопровождающих образование грамматических форм. Также немаловажны диалектологический и текстологический анализ письменных памятников, принадлежащих к той или иной эпохе. Вторые выступают в качестве вспомогательных, так как призваны изучать исторические предпосылки возникновения и изменения имен, традиции именования, хронологию географических открытий и т.д.

Имена собственные могут иметь вспомогательное значение, когда представляют собой лишь материал для изучения других лингвистических понятий, например, когда при изучении их одновременно или вместе с нарицательными выявляются явления, общие для тех и других, и где на первый план выходит исследуемый объект, нежели сами имена собственные. В случае выявления различий между именами собственными и нарицательными, обнаруживается материал, полезный логикам и психологам в вопросах номинации.

Актуальными аспектами, на наш взгляд, являются исследования онимов с позиций синхронии и диахронии, соотносительных, хотя и принципиально различных явлений, с использованием структурных и сравнительно-исторических методов. Современная наука также располагает глобальными, ареальными и региональными ономастическими исследованиями, позволяющими осуществлять разные виды научной

деятельности. Глобальная ономастика способствует выявлению типологических сходств имен собственных разных народов и стран, определению закономерностей, универсальных для имен, независимо от их языковой принадлежности и т.д. Ареальная ономастика занимается вопросом субстрата, и, следовательно, расселения народов и языковой картины в предыдущие эпохи, возможным благодаря выявленным ареалам отдельных ономастических явлений, как правило, не совпадающим с диалектологическими ареалами. Региональная ономастика устанавливает системы имен, закрепленных за определенными территориями, влияющими на понимание как существующих имен, так и на создание новых.

Несомненно, ономастика как научная дисциплина тесно связана с терминологией, а имена собственные с терминами. Это объясняется семиотичностью ономастиконов внутри замкнутых групп, в которых имена, подобно словам с широким спектром биологических, географических, социальных и других явлений, понятны только представителям данных групп и не всегда воспринимаются членами других коллективов. Терминология, как и ономастика, являясь составляющей лингвистики, не может быть ограничена языковыми рамками. Она так же, как ономастика, работает со специальным пластом лексики, а большинство терминов, как и онимы, используется ограниченным кругом специалистов.

Поскольку термины, согласно А.А. Реформатскому, всегда понятны внутри любой области [Реформатский, 1959], они, как и онимы, употребляются членами того или иного коллектива. И терминологию, и ономастику можно считать подсистемами внутри общей лексической системы, распадающимися на более мелкие тематические структуры [Реформатский, 1967: 121–122].

Одними из обсуждаемых в кругу исследователей являются вопросы взаимоотношений языка и мышления. Несомненно, любая мысль может быть реализована средствами языка. Однако языковые и мыслительные выражения

могут не совпадать, так как мыслительная категория в каждом языке излагается по-своему.

Изучение таких базовых терминов лингвистики и логики, как слово и понятие, подробно разрабатывалось еще античными философами. Одними из ключевых предметов дискуссий являлись вопросы соотношения имени и вещи, «правильности» именования, а также языка, как совокупности имен. По мнению И.М. Троцкого, в мифологической картине мира имя и вещь мыслились неразрывно друг от друга, тогда как античная наука способствовала разделению данных понятий, поместив между именем и вещью мысль и в то же время рассматривая слово в контексте смысловой связи с вещью или мыслью [Античные теории языка и стиля, 1996: 26].

Специфика словесной предметности была подробно изучена стоиками, считавшими исходным пунктом логики лектон – нечто бестелесное, категорию чистого смысла, которая семантически соотносится с внутренней речью и свойственна разумным существам [Фрагменты ранних стоиков, 1999: 74]. Говоря о том, что в языке греков и варваров один и тот же предмет понимается по-разному, стоическая философия доказывала мысль о несовпадении языка и мышления.

Интересны также основоположения логики Аристотеля об имени, которое он понимает, как «звукосочетание с условленным значением безотносительно ко времени, ни одна часть которого отдельно от другого ничего не означает» [Аристотель, 1978: 92].

Античные логики первые высказали суждения о различных классах имен несмотря на то, что логическая наука традиционно понимала имя и как собственное, и как нарицательное одновременно. Эту мысль успешно развили логики XVII–XIX вв., занимавшиеся вопросами разграничения имен в соответствии с их принципами.

Как видно, взаимодополняющая роль ономастики и логики очевидна. Их совместная работа может быть особенно полезной в осуществлении исследовательской деятельности специалистов обоих направлений. В то же

время изучение человечества осуществляется взаимодействием целого ряда исторических дисциплин. Крупные блоки в этом комплексе – это, во-первых, этнография в сочетании с этногеографией и, во-вторых, история, дополняемая археологией, изучающей материальную культуру прошлого, генеалогией, изучающей родословные, и такими вспомогательными историческими дисциплинами, как сфрагистика, анализирующая печати, и нумизматика, изучающая древние монеты.

Все эти дисциплины связаны между собой и с языкознанием. Однако важно понимать, что полученные научные факты данных дисциплин могут не совпадать. Так, родство индоевропейских языков не обязательно указывает на родство индоевропейских народов, и наоборот, антропологическая общность не означает обязательную общность языков. Как видно, для получения наиболее полной и объективной картины о происхождении и развитии человечества необходимо комплексное использование данных всех этих научных дисциплин, учитывая при этом возможные расхождения в их выводах.

Поскольку этнография – это обширная область научного знания, изучающая зарождение и эволюцию человеческой культуры во всех её проявлениях: материальной, социальной и духовной, она раскрывает перед нами историю человеческих обществ через призму их повседневной жизни, верований и традиций. Этнографы собирают фрагменты этой истории, рассматривая расселение народов по планете как масштабную карту взаимосвязей, где перемещения этнических групп оставляют свой след в виде культурного обмена и влияния.

В этнографических исследованиях ономастика занимает особое место. Выбор имени для новорожденного, часто сопровождающийся сложными ритуалами и обрядами, является глубоко значимым актом, отражающим мировоззрение народа, его ценности и представления о мире. Этнографы исследуют эти обряды, анализируют саму структуру имён, изучая их происхождение, образное содержание и семантику. Хотя в образности имён

можно найти общие черты, универсальные архетипы, присущие различным культурам, их конкретное применение, интерпретация и значение глубоко индивидуальны и зависят от специфических исторических, социальных и культурных контекстов.

Итак, с жизнью народа, его традициями, религиозными верованиями и мировоззрением тесно переплетены преимущественно прозвища. Они являются своеобразными «маркерами» , отражающими культуру и духовный мир разных народов. Анализ имен помогает этнографам понять, как функционирует общество, какие ценности в нем доминируют, какие события и фигуры считаются значимыми. Интересно отметить, что чем более примитивна культура народа, тем ярче проявляется связь между его ономастикой и повседневной жизнью, обрядами и верованиями. В таких культурах имена несут на себе отпечаток древних традиций, отражая тесную связь с мифологией и архаическими представлениями.

Ономастика также играет ключевую роль в решении важных историко-этнографических задач. Она помогает воссоздать картину прошлого, особенно в отношении народов, исчезнувших или мигрировавших в отдаленные регионы. Анализ сохранившихся имён, прозвищ, топонимов позволяет этнографам воссоздать границы расселения этнических групп в разные периоды, определить временные рамки существования различных артефактов материальной и духовной культуры. Очевидно, что изучение ономастики становится мощным инструментом для реконструкции историко-культурной динамики, позволяя проникнуть в глубинные пласты истории человечества и восстановить фрагменты культурного наследия. Несомненно, этнография, предполагая взаимодействие с ономастикой, позволяет исследователям лучше понять сложность и многообразие человеческого опыта, а также разнообразие культурных форм.

Что касается археологических находок, особенно содержащих свидетельства той или иной письменности, то нередко в таких текстах встречаются имена собственные, позволяющие осуществить частичное

восстановление фрагментов исчезнувших языков. Так, А. Гройле, введено понятие «ономастическая археология», выявлена историко-географическая атрибуция топонимов Германии, а также гидронимов, выявляющих «языковой ландшафт» той или иной археологической культуры [Гройле, 2015]. В.Е. Смирновой средствами ономастической лексики определена референтная соотнесесенность и социокультурная направленность дискурса французских путешественников XVI–XVIII вв. [Смирнова, 2024].

О ведущей роли ономастики в археологических исследованиях убедительна мысль В.А. Никонова, полагающего, что по археологическим памятникам возможно установить материальные культуры прошлого, но невозможно определить носителей этих культур [Никонов, 2011: 11].

В исторической науке многие вопросы до сих пор остаются неясными по причине отсутствия соответствующего фактического материала. Это нередко приводит к тому, что порой некоторые народы в течение длительного времени не могут получить достоверной исторической информации о своем происхождении и т.п. В подобных случаях трудно переоценить роль ономастики, способствующей интерпретации имен, обнаружению корней (истоков) народа, выявлению взаимоотношений с другими этнолингвистическими группами и др. В вопросах внедрения ономастического материала в комплекс исторической проблематики исключителен вклад С.Б. Веселовского, который первый ввел в историческую науку данные топонимии, открыв тем самым серию исследований историко-топонимического и историко-географического характера [Веселовский, 1945], исследовал ономастику феодального периода и многое другое.

В контексте древней истории первоочередное значение ученые придают исследованию родовых имен, так как это позволяет получить ценные сведения о происхождении отдельных племен и контактах с другими племенами. Что касается более поздних периодов истории, то внимание ученых больше фокусируется на географических наименованиях, как

трасляторах былого расселения народов и смешения этнических групп. Несомненно, географические названия, как свидетели прошлого, можно считать в определенном смысле историческими памятниками, способными восстанавливать первоначальное состояние языка благодаря старинным документам.

Ономастика занимает центральное место и в исследованиях, проводимых специалистами в области генеалогии, сфрагистики и нумизматики, так как фактический материал, используемый данными дисциплинами, включает имена собственные (преимущественно антропонимы и топонимы). Анализ имен, отчеств и фамилий, проводимый генеалогами, позволяет проследить линии родства, определить миграционные пути семей, выявить социальный статус предков и даже предположить их профессиональную деятельность. Изучение сфрагистических материалов, особенно в контексте анализа других исторических документов, позволяет уточнить датировку событий и установить генеалогические связи между различными персонами. Исследование надписей на древних монетах позволяет установить географическое происхождение монеты, датировать ее чеканку и установить имя правителя, который её выпустил. В совокупности с данными генеалогии и сфрагистики, нумизматические находки значительно обогащают и уточняют знания ученых об истории имен и их носителей. Можно утверждать, что имена собственные, запечатленные в документах, на печатях и монетах, являются бесценным ключом к пониманию прошлого, позволяя восстановить генеалогические связи, уточнить исторические события и глубже понять эволюцию языка и культуры. Комплексное изучение этих источников в рамках междисциплинарного подхода открывает широкие возможности как для историков, так и для ономатологов.

Несмотря на дифференцированность предметов исследования ономастической и географической наук, их тесная связь очевидна. Поскольку географы в процессе своей работы нередко опираются на имена собственные, то именно взаимодействие с топонимией становится точкой соприкосновения

этих двух дисциплин. Очевидно, что решение различных географических задач требует от географа знания основ лингвистики, так как благодаря исследованию ономастического компонента географических объектов уточняется этимология названий, их написание и способы заимствования. Это способствует более точному пониманию исторического развития географических знаний и формированию современной географической картины мира.

Как географам, так и лингвистам особенно интересны вопросы литературных и диалектных форм топонимов. Дело в том, что сопоставительный анализ вариантов географических названий способен приводить ученых к противоречивым результатам по ряду причин: во-первых, топонимы, выявленные в результате полевых записей, сформированы естественным путем и составляют явления диалектологии, а не литературного языка, и, во-вторых, географы пользуются преимущественно литературной формой языка, а не диалектной. В результате не минуемы расхождения в фиксации диалектного и литературного топонимических материалов, в том числе при составлении крупномасштабных, учитывающих региональные черты, и мелкомасштабных карт, где значительная часть диалетных именований заменена общепринятыми написаниями.

Решением этой и других важных проблем, связанных с географическим фактором в ономастике, призвана заниматься лингвистическая география, изучающая пространственное размещение и перемещение языковых явлений в пределах определенных хронологических уровней [Эдельман, 1968: 3]. Поэтому картографирование материала, как и другие методы лингвистической географии, позволяющие проникнуть в глубь истории, находят широкое применение и в ономастических исследованиях, что способствует более детальному изучению истории, в том чисте за счет аккумуляции в именах собственных большого исторического потенциала.

В современной науке все больше возрастает интерес лингвистов и литературоведов к исследованиям имен собственных в художественном тексте. Литературоведы, придавая особое значение именам собственным в творчестве отдельных писателей, ориентированы прежде всего на решение собственно литературной проблематики, а именно: какие смыслы порождает имя и каково его значение в формировании концепции произведения, в том числе с учетом внетекстовых структур. Лингвисты же, как правило, фокусируют внимание на выявлении текстовых механизмов, приводящих к формированию тех или иных смыслов имени в произведении. Между тем, как нам видится, предельно исчерпывающая и научно обоснованная интерпретация имени собственного в художественном тексте предполагает комбинацию обоих подходов, что в значительной степени снижает риск неправильного или произвольного истолкования имени.

Таким образом, ономастика как самостоятельная наука оказывается связанной с комплексом гуманитарных и естественных наук, выступающих вспомогательными для лингвистики, методами которой осуществляются ономастические исследования. В то же время ономастика выступает в качестве прикладной дисциплины для географов, историков, археологов, литературоведов, помогая извлекать из исследуемых имен неязыковую информацию.

1.3. Имя собственное: вопросы терминологии и методологии

Со второй половины XX в. наблюдается актуализация интереса исследователей к вопросам общей теории ономастики, что привело к детальной разработке ономастической терминологии. Это обусловлено более интенсивным международным сотрудничеством по сравнению с предыдущими годами, что позволило минимизировать расхождения в терминологической базе. С позиции выдающегося русского ономаста А.В. Суперанской, углубленное изучение теории и методологии имени собственного чрезвычайно важно для понимания природы языка, его структуры и

функций, а также для развития ономастики как самостоятельной научной дисциплины [Суперанская, 2023].

Отечественная ономастика 60–70-х гг. XX в. характеризуется расширением теоретической базы и методологического инструментария, разработкой новых принципов и методов, а также формированием классификаций и собственной терминологии. В свет выходят такие важных сборники как «Ономастика» (1969), серия сборников «Ономастика Поволжья» (1971, 1973, 1986 и др.), «Антропонимика» (1970), «Личные имена в прошлом, настоящем и будущем» (1970), «Имя нарицательное и собственное» (1978).

Традиционно среди исследователей принято выделять ряд нерешенных ономастических проблем, требующих детального рассмотрения: определение специфики имен собственных (В.Д. Бондалетов, Е.Ф. Данилина, В.П. Нерознак, В.А. Никонов, А.В. Суперанская, Н.И. Толстой и др.), их семантического потенциала (Н.Д. Арутюнова, О.С. Ахманова, Е.М. Галкина-Федорук, С.Д. Кацнельсон, В.П. Руднев, А.А. Реформатский, А.В. Суперанская, А. Петерсон, А.А. Уфимцева и др.); связь онима и понятия (М.В. Горбаневский, Е. Курилович, А.В. Суперанская, А.А. Уфимцева, О.И. Фонякова и др.); соотношение интенсионала (предметно-понятийного ядра лексического значения) и импликационала (его смысловой периферии – комплекса предметно-образных связей и отношений) в структуре значения онима (Р.Карнап, М.В. Никитин, Г. Фреге); граница апеллятивной и ономастической лексики (Е.С. Кубрякова, А.В. Суперанская, В.И. Супрун, С.М. Толстая, В.Н. Топоров, О.И. Фонякова).

Принято считать, что специфику онимов определяет не только их лингвистический статус, но и экстралингвистические факторы, оказывающие непосредственное влияние на формирование семантического и функционального компонентов имени.

В отношении специфики имен собственных нередко встает вопрос их компонентного состава, что позволяет говорить о широком понимании

количественного состава имени собственного, подразумевающего и слово, и словосочетание, и предложение [Грот, 1876: 360]. В «Русской грамматике» 1980 г. утверждается, что в качестве имен собственных могут выступать «нарицательные существительные или сочетания слов» [Русская грамматика, 1980, т. 1: 461]. О.И. Фонякова справедливо называет онимы «универсальной функционально-семантической категорией имен существительных», «особым типом словесных знаков, предназначенных для выделения и идентификации единичных объектов (одушевленных и неодушевленных), выражающих единичные понятия и общие представления об этих объектах в языке, речи и культуре народа» [Фонякова, 1990: 21]. Согласно А.К. Матвееву, имена, призванные выделять предмет из ряда подобных, могут быть и словом, и словосочетанием, и предложением [Матвеев, 2004: 9]. Мы придерживаемся позиции О.И. Фоняковой, так как в ней отражена семантическая специфика онима.

Вопрос наличия/отсутствия лексического значения у онимов представляется одним из дискуссионных, что позволяет условно свести его к ряду основных концепций. Согласно первой концепции, которая восходит к английскому философу-логику Дж. Ст. Миллю, ониму свойственна полная непонятийность. Дж.Ст. Милль и его сторонники (В. Брёндаль, А. Гардинер, Л. Стеббинг, Б. Рассел) отказывали онимам в наличии и значения, и коннотации [Милль, 1865: 27]. Продолжая идеи данной концепции, Е.М. Галкина-Федорук утверждает, что «имена собственные не заключают в себе ни понятия, ни значения. Они являются только различающими знаками» [Галкина-Федорук, 1956: 53], опознавательными этикетками. В рамках второй концепции интерес вызывает позиция М.Э. Рут, наделявшей оним значением в социолекте, так как «личное имя обладает отсоциумным денотатом и отсоциумным коннотатом. Антропоним сам по себе вбирает в себя культурные коннотации, за счет чего формируются фантомные лексические значения, превращающие его в промежуточную форму между онома и апеллятивом» [Рут, 2001: 64]. В соответствии с третьей концепцией

онимам присуща связь и с лексическим значением, и с понятием. Так, В.А. Никонов выделяет три плана значений имени: прямое, этимологическое и от-антропонимическое, неразличение которых способно привести к путанице [Никонов, 1974: 246–247]. В.Д. Бондалетов наделяет имена собственные, как единицы языка, денотативным (отношение значения слова к предмету), сигнификативным (отношение к понятию) и структурно-языковым (отношение значения слова, а также всего слова к другим словам данного языка) значениями, уточняя, что их качество в имени собственноем несколько отличается от значений нарицательных слов [Бондалетов, 2023: 26–27].

Признавая семантический потенциал имени собственного, мы рассматриваем оним в контексте денотативного и коннотативного значений, имея ввиду способность онимов с помощью лексического значения формировать денотативный каркас, а также дополнительное коннотативное значение, отражающее в том числе культурный код народа, в котором оно функционирует. Не вызывает сомнений тот факт, что имена собственные связаны с ментальной составляющей носителей языка и обладают определенной «культурной памятью» [Николаева, 2001: 38].

Одним из ключевых вопросов специфики онимов по-прежнему остается вопрос границы между ономастической и нарицательной лексикой. В современной науке В.Н. Бондалетов выделяет две точки зрения на этот счет: 1) граница между собственными и нарицательными именами не абсолютная (Л.А. Булаховский, В.А. Никонов, А.А. Белецкий, И.И. Ковалик); 2) эта граница абсолютна, так как между ними нет никаких промежуточных состояний (Ю.А. Карпенко) [Бондалетов, 2023: 28–29]. В силу подвижности лексического состава языка мы признаем относительность границы между собственными и нарицательными именами как в синхронном, так и в диахроническом планах. Нечеткость границ, а также процессы онимизации, апеллятивизации, трансонимизации и деонимизации подтверждают общефилософский тезис диалектики, сформулированный Фридрихом

Энгельсом о том, что «Hard and fast lines (абсолютно резкие разграничительные линии) несовместимы с теорией развития» [Энгельс, 1961: 527–528].

В вопросе дифференциации собственных и нарицательных имен перспективной видится идея А.В. Суперанской о следующих основных отличительных признаках имен: 1) имя дается индивидуальному объекту, а не совокупности объектов, не классу объектов, входящих в этот класс; б) объект, получивший индивидуальное имя, всегда четко определен, отграничен; в) имя, непосредственно не связанное с понятием, не имеет на уровне языка четкой и однородной коннотации [Суперанская, 2023: 324]. Однако, различаясь своими лексическими и грамматическими свойствами, собственные и нарицательные имена в то же время обладают некоторыми сходствами. Это касается, в частности, механизмов образования на основе взаимоперехода. Итак, граница между собственными и нарицательными именами как лексико-грамматическими классами существительных не представляется абсолютно заданной, особенно в диахронии, что, на наш взгляд, вполне естественно.

В рамках настоящего диссертационного исследования мы придерживаемся позиции одного из ведущих направлений в отечественном языкознании, изучающем имена собственные – Московской ономастической школы (А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, В.А. Никонов, М.В. Горбаневский), рассматривавшей имя собственное как особый языковой знак, служащий для выделения из ряда подобных.

Очевидно, что в ономастических науке, как и в других областях знания, с целью осуществления ономастических исследований разного типа предполагается оперирование методологическим аппаратом. Так как современные ономастические работы выполняются в контексте лингвистических методов, то вполне закономерно их использование и в ономастических исследованиях. В связи с этим речь не идет о формировании новых, собственно ономастических методов, а об особой комбинации уже

существующих методов и приемов, применимых для ономастических исследований, что позволило бы определить специфику методологии ономастики.

Перспективной видится позиция ряда исследователей (А.В. Суперанская, В.Э. Сталтмане, Н.В. Подольская, А.Х. Султанов), отраженная в коллективной монографии «Теория и методика ономастических исследований» (2019), где речь идет о четырех основных методах лингвистических исследований, которые в определенной мере могут быть применимы и к ономастике: 1) дескриптивном (описательном); 2) сравнительно-историческом; 3) сравнительно-типологическом; 4) ареальном [Суперанская, Сталтмане, Подольская, Султанов, 2019: 193]. Данные методы в лингвогенетическом аспекте подробно рассмотрены Б.А. Серебренниковым в работе «Общее языкознание. Методы лингвистических исследований» (1973), в которой автор говорит об основных компонентах научно-исследовательского метода: теории метода, комплексе научно-исследовательских приемов и комплексе технических приемов и процедур [Серебренников, 1973].

Проблема набора ономастических методов по-прежнему остается одной из дискуссионных. Авторы названной выше монографии обращают внимание на комплекс методов ономастических исследований, предложенный В.Д. Бондалетовым в работе «Русская ономастика» (1983) (описательный, исторический, сравнительно-сопоставительный, ареальный, семиотический, стилистический, лингвопсихологический, статистический). Неприемлемыми признаются «лингвопсихологический» и «семиотический» методы [Бондалетов, 2023: 38] вследствие того, что первый – это фактически трансформированная психолингвистика со своими методами и приемами, тогда как ономастика содержит лишь психологический аспект исследования, а второй – это фактически определенный подход к материалу, но не метод [Суперанская, Сталтмане, Подольская, Султанов, 2019: 198]. Набор методов В.Д. Бондалетова в некотором смысле созвучен набору методов Н.В.

Подольской в «Словаре русской ономастической терминологии» (1973) (ареальный, исторический, исследования основ, картографический, описательный, синхронического среза, статистический, стратиграфический, типологический, формантный, этимологический) [Подольская, 1978: 84–86], однако отличается от него степенью охвата лингвистических и нелингвистических методов.

Таким образом, учитывая лингвистическую природу методов ономастических исследований, мы склонны придерживаться позиции авторов монографии.

1.4. Языковая картина мира как базовое понятие лингвокультурологии

1.4.1. Специфика имени собственного в художественном тексте

Традиционное понимание культуры как совокупности поведенческих и событийных процессов в аспекте психического мира в середине XX в. претерпело изменения, вызванные актуализацией антропонимической парадигмы в области гуманитарных наук. С возникновением в 1950-х гг. когнитивной антропологии связано более узкое толкование культуры как внутренней системы концептуальных знаний, определяющих поведение индивидов [Лурье, 2005: 235]. В этот же период происходит становление такого исследовательского направления как «образ мира», что, с одной стороны, и привело к формированию когнитивной антропологии, а с другой – к формированию этнонауки.

Не вызывает сомнений тот факт, что носитель той или иной этнической культуры не только транслирует определенную систему категорий, но и одновременно ограничен этой системой. С помощью таких категорий осуществляется познание как своей, так и чужой системы ценностей вследствие того, что каждый язык позволяет интегрироваться в культуру, формируя уникальную картину мира. Отсюда следует, что средствами языка репрезентируется определенная картина мира, а языковая личность призвана

выстраивать речевое поведение в соответствии с этой картиной. Сказанное подтверждается идеей В. Гумбольдта о том, что каждый язык выстраивает границы в пределах своего народа, преодолеть которые возможно лишь посредством изучения другого языка [Гумбольдт, 2000: 80].

Принято считать, что понятие «картина мира» в философский и гуманитарный оборот фактически было введено Л. Витгенштейном, представителем аналитической философии, который в «Логико-философском трактате» (1918) определял картину мира как «результат наших исканий и утверждений» [Витгенштейн, 2005: 160]. Однако, по мнению В.П. Руднева, автором термина «картина мира» является не Л. Витгенштейн, а Л. Вайсгербер, основоположник концепции неогумбольдтианства, назвавший духовное содержание языка конкретного сообщества картиной мира конкретного языка [Вайсгербер, 1993: 210]. На наш взгляд, позиция В.П. Руднева связана со спецификой понимания данного термина обоими учеными. Говоря о соотношении языка и мышления, Л. Витгенштейн предлагал широкое понимание картины мира, отождествляя его с понятиями *модель мира, образ мира, видение мира и мировидение.* Л. Вайсгербер, напротив, в своем учении рассматривал картину мира в качестве термина категориального аппарата, что присуще было всем последователям В. Гумбольдта. В «Энциклопедическом словаре культуры XX века: ключевые понятия и тексты» В.П. Руднев предлагает свою дефиницию картины мира – «система интуитивных представлений о реальности» [Руднев, 2009: 172].

Что касается термина «языковая картина мира», то, как известно, он стал широко разрабатываться в трудах В. Гумбольдта, считавшего, что «только в языке запечатлен весь национальный характер» [Гумбольдт, 1984: 303]. Он первым обратил внимание на понятие внутренней формы языка, связывающей внешние формы с ментальными процессами. По мнению исследователя, внешние формы языков всегда очевидны в силу отличий звукового строя между языками, в то время как внутренние формы, включающие семантические отличия, завуалированы и требуют детальной

исследовательской работы. Позже Л. Вайсгербер утверждал, что данное учение В. Гумбольдта о внешних и внутренних формах языка предвосхитило его (Вайсгербера – К.В.) теорию языковой картины мира.

Языковая картина мира – базовое понятие лингвокультурологии. Впервые оно было предложено Л. Вайсгербером, который продолжал идеи В. Гумбольдта о языке как «духе народа». Начиная с 1930-х гг., он развивал теорию взаимосвязи языковой картины мира и окружающей среды этноса. Впоследствии ученый стал рассматривать языковую картину мира в аспекте ее мировоззренческой, субъективно-национальной, идиоэтнической стороны, подчеркивая роль языка как творческого инструмента познания действительности [Вайсгербер, 2009: 120–136].

К концу XX в. в связи с актуализацией когнитивных исследований интерес к триаде «язык – человек и его сознание – культура» и, следовательно, к проблеме языковой картины мира возрастает. В трудах Г.А. Брутяна, С.А. Васильева, Г.В. Колшанского и др. делаются попытки выяснить, каким образом человеческие знания репрезентированы в языке.

На сегодняшний день термин «языковая картина мира» по-прежнему вызывает ряд дискуссий. Одними из фундаментальных категорий, посредством взаимодействия которых осуществляется исследование языковой картины мира в пространстве художественного текста, выступают понятия «языковая личность», «концепт». Являясь одним из приоритных объектов исследования, языковая личность рассматривается нами как «эффективный механизм синтеза фрагментов картины (универсальной, этнической) мира, культурных и языковых кодов, национальной самобытности и индивидуальных начал, обеспечивающих ей ценность и уникальность» [Башиева, 2014: 155]. Польский лингвист Е. Бартминьский, основоположник люблинской этнолингвистической школы, справедливо относит сюда и стереотип как отражение уникальной для конкретного социума интерпретации окружающего мира [Бартминьский, 2005: 13]. Подтверждение этой мысли находим у В.А. Масловой, считающей концепт и

стереотип ментально-лингвальными конструктами, которые важно не столько выявить и описать, сколько сопоставить между собой, идентифицируя сходства и различия [Маслова, 2024: 38]. Мы разделяем точку зрения В.А. Масловой, согласно которой «языковая картина мира есть репрезентант концептуального мира, а репрезентирующая система всегда беднее репрезентируемого мира, как метаязык беднее естественного языка» [Там же: 42]. Следовательно, языковую картину мира представляем как ментально обусловленное лингвообразование, аккумулирующее концептуально-стереотипное мышление в индивидуальном и коллективном сознании, детерминирующее коммуникативное поведение индивидов и транслирующее способ речемыслительной деятельности.

В современной науке, как известно, термин концепт рассматривается в рамках нескольких подходов. Сторонники лингвокогнитивного направления Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков и др. убедительно представляют концепт как «оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона» [Кубрякова, Демьянков, 1996: 90]. В контексте неразрывной связи концептов с миром культуры в рамках лингвокультурологического аспекта актуальной видится позиция Ю. Степанова, рассматривающего концепт как «сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека», с другой – как то, «посредством чего человек … сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов, 2004: 43]. В.А. Маслова справедливо подразумевает под концептом «лингвоментальное образование, вербализованный культурный смысл» [Маслова, 2011: 384]. В.Н. Телия позиционирует его как всякое знание об объекте на всем протяжении этого знания [Телия, 1996]. С.А. Аскольдов, Д.С. Лихачев, Н.Ф. Алефиренко придерживаются синкретичной теории, полагая, что концепт является конструктом познавательной деятельности, сформированным на основе культурного опыта человека [Аскольдов, 1997; Лихачев, 1997; Алефиренко, 2005].

Перспективным представляется и лингвосемиотический подход к моделированию концепта, предложенный В.И. Карасиком, полагающим, что для всех сторон концепта первичен знак, включающий взаимосвязь означающего и означаемого [Карасик, 2012]. В данном диссертационном исследовании мы опираемся именно на этот подход, в рамках которого концепт представляем как ментальное образование, имеющее знаковую природу и реализующее в результате когнитивной деятельности ценную лингвокультурную информацию.

На современном этапе развития когнитивной лингвистики особого внимания заслуживает вопрос выделения двух форм картины мира: языковой и концептуальной. Соотношение этих двух терминов, как известно, рассмотрено в рамках нескольких направлений. Согласно первому направлению, объем языковой картины мира масштабнее концептуальной (И.Г. Гердер, В. Гумбольдт, Л. Вайсгербер). В контексте второго подхода языковая и концептуальная картины мира тождественны друг другу. Данная позиция представлена в работе Г.В. Колшанского «Объективная картина мира в познании и языке» (1990). Рассматривая лингвогносеологические предпосылки познания объективного мира, а также специфику «картины мира» в логике и лингвистике, ученый полагает, что язык не создает картину мира, а является лишь средством выражения абстрактных идей и понятий, формирующихся в процессе когнитивной деятельности [Колшанский, 1990: 25]. Перспективным видится третий подход, сторонники которого считают концептуальную картину мира значительно более объемной, нежели языковая. В работах Г.Г. Почепцова, Б.А. Серебренникова, В.Н. Телия, В.А. Масловой и др. утверждается, что феномен концептуальной картины мира устроен сложней феномена языковой картины мира. Так, в предисловии к коллективной монографии «Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира» (1988) представлены идеи Б.А. Серебренникова, согласно которым язык сам по себе не способен отражать действительность, он выступает в качестве некоего инструмента, посредством которого

осуществляется концептуализация мира человеком [Роль человеческого фактора, 1988: 6]. Мы придерживаемся именно этого направления, в рамках которого концептуальная картина мира содержит разные типы мышления, в том числе и невербальные, т.е. сведения о мире, по мнению В.А. Масловой, «кодируются не только вербально» [Маслова, 2024: 39]. Соответственно, отношения между концептуальной и языковой картинами мира рассматриваем как отношения целого и его части. Концептуальная картина мира, являясь отражением реального мира, включает в свой состав языковую картину мира как фиксацию этого отражения. Кроме того, специфика обеих картин мира настолько многогранна, что рассмотрение их с точки зрения бинарной оппозиции «шире – уже» не представляется возможным.

Языковая картина мира нередко коррелирует с понятием «наивная картина мира» (Ю.Д. Апресян, С.Г. Воркачев, В.А. Маслова, М.В. Пименова) как системой обыденных донаучных знаний человека об окружающем мире. В этом смысле языковая картина может превратно истолковывать отображаемые знания о реальности (ср. научную и языковую интерпретации таких лексем как свет, атом, энергия и др.). Наивная картина мира во многом складывалась, как нам видится, из суеверных представлений и предубеждений. Так, фразеологизм *ни сном, ни духом* восходит к библейским традициям, когда пророки получали знания через вещие сны или духа.

Языковая картина мира занимает иное положение по отношению к научной картине мира (физической, химической и др.), религиозной, философской, поэтической и др. Она предваряет все другие картины мира, так как осмысление человеком окружающей действительности и своего внутреннего мира возможно благодаря языку, в котором зафиксированы и всеобщие, и национальные базовые знания.

Как видно, языковая картина мира представляет собой систему взглядов о мире, имплицитно присущую всему лингвокультурному обществу, своего рода структурированное национальное достояние, интерпретирующее другие картины мира.

1.4.2. Ономастикон художественного текста как фрагмент языковой картины мира

В последнее время одним из перспективных направлений литературной ономастики является вопрос особого положения онимов в пространстве художественного произведения: наличие целого спектра ассоциативных связей, эксплицитной и имплицитной информаций, прецедентности и интертекстуальности, функционального потенциала и др.

Говоря о системе структурно организованных онимов, в том числе в художественной литературе, мы подразумеваем понятие «ономастикон». Данный термин интернационален и не является новым среди лингвистов, однако до сих пор существует ряд подходов к его определению. В целях внесения терминологической ясности считаем необходимым рассмотрение некоторых из существующих дефиниций данного термина.

Так, в «Словаре русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской термин «ономастикон» представлен двумя значениями: «1) Словарь или список любых собственных имен, составленных обычно раздельно для разных категорий онимов, в частности антропонимикон, топонимикон, с лингвистическими и экстралингвистическими объяснениями. 2) Репертуар собственных имен данного этноса, данного социума, для данного периода; то же, что онимия» [Подольская, 1988: 98].

Вопрос терминологической вариантности понятий «ономастикон» и «онимия», предложенный Н.В. Подольской, в современной науке остается одним из спорных. Согласно Т.В. Шмелевой, бином «ономастикон – онимия» подлежит некоторому упорядочиванию, что позволяет избежать дублетности [Шмелева, 2000: 27–28]. А.К. Матвеев, напротив, усматривает некоторую проблематичность, порождаемую «терминологическим этюдом» «ономастика-онимия», что прямо ведет к появлению производящих форм [Матвеев, 2005: 8]. Мы придерживаемся позиции А.К. Матвеева, т.к. им четко разграничены два блока обозначений, что усиливает ее ценность.

По справедливому замечанию Т.Б. Кузнецовой, ономастикон представляет собой не случайный набор имен собственных, а определенным образом структурированную полевую систему, выстроенную в рамках ономастического пространства и включающую ядерную и периферийные зоны. Ценная этнолингвистическая информация, содержащаяся в онимах разных разрядов, способствует реконструкции уникальной национальной и духовной культуры создателей и носителей ономастикона [Кузнецова, 2005: 10].

Одной из тенденций современной ономастики можно считать анализ специфики имени собственного, включенного в текстовое пространство художественного произведения. Так, В.В. Виноградов, разрабатывая теорию поэтической речи, полагал, что «вопрос о подборе имен, фамилий, прозвищ в художественной литературе, о структурных их своеобразиях в разных жанрах и стилях, об их образных и характеристических функциях…очень большая и сложная тема стилистики художественной литературы» [Виноградов, 1963: 38].

На сегодняшний день комплекс знаний об объективном мире, зафиксированный в языке, в различных концепциях именуется по-разному: «образ мира», «модель мира», «картина мира», «языковая картина мира». Учитывая то, что понятия «картина мира» и «модель мира» нередко считаются тождественными, большинство исследователей признает системную структурированность всех компонентов «модели мира» в отличие от «картины мира». В силу семиотической и аксиологической природы языка, мы опираемся на дефиниции «картина мира», понимая ее как часть «модели мира» (модель мира включает множество картин мира). Вслед за В.А. Масловой в понимании «картины мира» придерживаемся лингвокультурологического подхода, подразумевая систему знаний о мироустройстве, лежащую в основе индивидуального и общественного сознания [Маслова, 2024: 40].

В отношении художественных произведений как правило применим термин «индивидуальная картина мира писателя», который понимаем как авторскую вербализованную интерпретацию окружающей среды, опосредованную субъективным сознанием, а также внутренний мир автора, воплощенный языковыми единицами [Кочнова, 2015: 53]. Данная мысль коррелирует с позицией Л.В. Щербы о тесной связи языка писателя с творческим познанием действительности [Щерба, 1974: 265–304].

В рамках лингвокультурологии полагаем, что картина мира, эксплицитно и имплицитно представленная в художественном тексте, способствует систематизации и вербализации ключевых компонентов индивидуальной картины мира, которую рассматриваем в качестве фрагмента национальной картины мира. Национальную картину мира понимаем как «субстрат» для индивидуальной картины мира, языковыми средствами которой отражается и преломляется национальная картина мира, упорядоченную систему представлений народа об окружающей действительности, сложившуюся в результате исторического опыта народа.

В ряду ключевых элементов картины мира исключительная роль принадлежит онимам как доминантным лексическим единицам картины мира писателя. Изучением онимов в лингвокультурологическом аспекте в числе первых занялась А.С. Щербак, рассматривая в своем диссертационном исследовании когнитивные основы региональной ономастики [Щербак, 2008]. Говоря о соотношении понятий языковая картина мира и ономастическая картина мира, исследователь приходит к выводу, согласно которому представления человека об окружающей действительности складываются на основе онимов, тем самым составляя ономастическую картину мира [Щербак, 2012: 67]; в сравнении с языковой картиной мира в целом ономастическая картина мира содержит более детальные сведения о мире [Щербак, 2008: 3]. Итак, оним, будучи носителем и траслятором обширного пласта историко-культурологических данных, представляем в качестве лингвокультуремы.

В рамках когнитивного подхода А.С. Щербак особое внимание уделяет терминам «ономастический концепт» и «ономастическая категория», понимая первый как «особый тип ономастического знания, определяющего семантику имен собственных, знания об ономастическом фрагменте действительности» [Щербак, 2009: 169], а второй как «объединение имен собственных на основе общего концепта (концепта имени)» [Щербак, 2009: 170]. Согласимся с позицией ученого, которая, признавая идею В.В. Колесова о трех уровнях ментальности, свойственной любому народу [Колесов, 2002, 2004], полагает, что антропонимический и топонимический концепты призваны фиксировать наши знания об имени сообственном, а также правила и средства реализации этих знаний [Щербак, 2009].

На сегодняшний день следует отметить актуализацию исследований интерпретационного ресурса индивидуально-авторских картин мира писателей/поэтов, репрезентированных посредством имен собственных. В ряду фундаментальных следует отметить труды М.В. Горбаневского (1988), В.И. Супруна (2000), С.А. Скуридиной (2007), Н.Б. Бугаковой (2023) и др.

Признавая устойчивый и междисциплинарный интерес к ономастике как научному направлению, на первый план выходит изучение авторских ономастиконов с позиций различных областей знания, включая лингвокультурологическую, семасиологическую, философскую, стилистическую, религиозную и др. Так, например, в работе Е.Ф. Косиченко оним рассматривается в рамках лингвосемиотической концепции, согласно которой художественный ономастикон складывается на основе ономастикона культуры, создавая тем самым уникальный ономастический код произведения. Исследователем вводятся понятия «художественный оним» и «коэффицент ономастической плотности» (КОП), которые, по заключению ученого, являются важной характеристикой структуро- и жанрообразующего потенциала онимов [Косиченко, 2017].

Н.Б. Бугакова, анализируя системную связь модели ономастического пространства и индивидуально-авторской картины мира А. Платонова,

рассматривает генезис, структуру и текстовое взаимодействие имен собственных [Бугакова, 2023]. О.М. Карпова, анализируя описание новых тенденций в шекспировской ономастической лексикографии, отмечает, что пополнение системы ономастиконов У. Шекспира на сегодняшний день возможно не только за счет печатных источников, но и их тематических аналогов и инновационных справочных ресурсов, позволяющих привлечь к чтению текстов великого драматурга и молодое поколение [Карпова, 2023].

В развитие современной ономастики, в том числе литературной, трудно переоценить весомый вклад Воронежской ономастической школы, в частности, ее основателя и руководителя, профессора Г.Ф. Ковалева, по мнению которого онимы в художественном произведении реализуют свой потенциал посредством следующих факторов: *авторского сознания* (причем автор порой не может обосновать причины своего выбора), *системностью именника* (взаимообусловленность имен), *социальной характеристикой* (имя в качестве индикатора социального статуса), *системностью хронотопа* (данная идея является новаторской) [Ковалев, 2014: 3–27].

Исследовательские традиции Воронежской ономастической школы сохранены и последовательно развиваются благодаря научной деятельности учеников Г.Ф. Ковалева – С.А. Попова, В.А. Семушкина, А.А. Ишутина, Т.А. Вороновой, Е.С. Обуховой, С.А. Скуридиной, В.В. Вязовской, И.М. Курносовой и др. Так, С.А. Скуридина предлагает использовать понятие ономастического кода творчества автора, позволяющего выявить в художественном тексте разного рода информацию – автобиографическую, историко-культурную, мифопоэтическую, хронотопическую и др. [Скуридина, 2020]. Итак, очевиден двоякий подход воронежских ученых в вопросах актуализации авторского ономастикона: с одной стороны, подчеркивается наличие универсальных факторов, определяющих выбор онима автором, с другой стороны, средствами ономастического кода обнаруживается индивидуально-авторская специфика выбора имени.

В связи с этим в отношении авторского выбора и организации онимов в рамках художественного произведения предлагаем использование термина «ономастикон художественного текста в индивидуально-авторской картине мира», где индивидуально-авторскую картину мира понимаем как уникальную творческую интерпретацию, наложенную на фундамент языковой картины мира, как ее фрагмент.

Как видно, ономастикон художественного текста выступает в качестве важнейшего инструмента формирования индивидуально-авторской картины мира на базе языковой картины мира. Это обусловлено тем, что в художественном произведении онимы являются трансляторами семиотической информации, так как считаются доминирующим фактором в процессе интерпретации персонажа.

В гиперо-гипонимических отношениях с онимами находятся понятия «ономастическая картина мира», «ономастическая модель мира» и «ономастическое пространство», транслирующие фрагмент картины мира комплексом онимов.

Внимание к художественному тексту как многогранному образованию обусловлено разнообразием существующих подходов. Современные исследования в области лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, психолингвистики, прагматики текста и др. способствовали разработке новых научных парадигм. Благодаря им стала возможна интерпретация имплицитных смыслов, конституирующих художественное пространство текста как специфическую модель репрезентации картины мира, а также выявление новых стилистических приемов и выразительных средств для усиления образности.

Как известно, любой художественный текст, согласно концепции М.М. Бахтина, представляет собой диалог культур во времени и пространстве [Бахтин, 1979]. Верное истолкование художественного текста требует обращения к его смысловым акцентам, концентрирующим ключевые идеи. В этом случае особую актуальность приобретает использование наряду с

традиционными стилистическими приемами таких базовых когнитивных категорий как интертекстуальность и прецедентность.

Проблема прецедентности тесно связана с понятием прецедентного текста, введенного в научный оборот Ю.Н. Карауловым. Вслед за Ю.Н. Карауловым прецедентные тексты понимаем как тексты, когнитивно и и эмоционально значимые для индивида, выходящие за рамки личного опыта и охватывающие широкий социокультурный контекст благодаря своей узнаваемости предшественниками и современниками, которые неоднократно могут возвращаться к таким текстам в пределах своего коммуникативного [Караулов, 2010: 216]. В этом смысле перспективной видится мысль ученого о некоторой тождественности оперирования прецедентными текстами и языковой номинацией, а именно: в номинативной природе прецедентного текста и средств его интеграции в пространство языковой личности. Вместе с тем, восприятие имени фокусирует внимание на соответствующем явлении, восприятие понятия указывает на его семантическое поле, тогда как восприятие названия произведения, цитаты из него, имени персонажа или имени автора актуализируют тем не менее весь прецедентный текст [Там же: 218].

Итак, можно заключить, что имена собственные, в том числе литературные, могут служить маркерами прецедентности, в которых имплицитно заключена этнокультурная информация определенного социума.

В неразрывной связи с прецедентностью находится категория интертекстуальности, которую В.Е. Чернявская понимает как корреляцию текстов и/или их фрагментов в плане содержания и в плане выражения, что позволяет одному тексту актуализироваться во внутреннем пространстве другого [Чернявская, 2007: 49].

Несомненно, одними из элементов интертекстуальности выступают прецедентные лексические единицы, которые играют ключевую роль в формировании языковой картины мира, транслирующей культурный код и аксиологические принципы определенного этноса. Прецедентная лексика в

составе ономастикона художественного текста призвана формировать концепцию произведения, фокусировать внимание читателя. В исторических антропонимах, топонимах и других разрядах онимов, как носителях энциклопедической информации, как правило, обнаруживаются коннотативные значения, отражающие культурные традиции общества. Выступая в качестве доминантных обозначений, онимы создают эффект достоверности и реальности происходящего, а также способствуют восстановлению черт прошлого. Асссоциативное поле таких онимов достаточно разнообразно за счет целого спектра фоновых знаний, актуализирующих контекстуальную информацию.

Топонимы также нередко включены в состав прецедентных имен, организуя тем самым основной лингвокультурный фонд и участвуя в создании топонимической картины мира. С позиции Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, они не являются «простыми терминами географической науки, они обладают яркими культурными компонентами в своей семантике» [Верещагин, Костомаров, 1980: 175]. В ономастической парадигме именно за ними закреплена роль локализаторов ключевых событий в жизни героев. Фазиль Искандер в своих произведениях использует национально-прецедентные топонимы, узнаваемые в культурном пространстве Республики Абхазия (*Чегем, Мухус, Гагра, Эшеры, Анастасовка* и др.), а также универсально-прецедентные топонимы, знакомые всем (*Москва, Ленинград, Смоленск, Нью-Йорк* и др.).

Таким образом, ономастикон художественного текста в силу большой информативности рассматриваем в качестве маркера прецедентности и интертекстуальности, который наряду с другими основополагающими текстовыми категориями, составляет фрагмент языковой картины мира.

Выводы

1. Становление ономастики как самостоятельной дисциплины было подготовлено переходом от разрозненных этимологических изысканий к

системному научному подходу, анализом ономастического материала лингвистическими методами, фиксацией онимов в лексикографических письменных источниках,комплексностью предмета исследования. Ономастику (ономатологию) понимаем как самостоятельную лингвистическую науку, изучающую совокупность любых собственных имен.

2. Ономастика как самостоятельная наука оказывается связанной с комплексом гуманитарных и естественных наук, выступающих вспомогательными для лингвистики, методами которой осуществляются ономастические исследования. В то же время ономастика выступает в качестве прикладной дисциплины для географов, историков, археологов, литературоведов, помогая извлекать из исследуемых имен неязыковую информацию.

3. При определении сущности имени собственного мы разделяем позицию одного из ведущих направлений в отечественном языкознании, изучающем имена собственные – Московской ономастической школы (А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, В.А. Никонов, М.В. Горбаневский), понимавшей имя собственной как особый языковой знак, служащий для выделения из ряда подобных. Признавая семантический потенциал имени собственного, мы рассматриваем оним в контексте денотативного и коннотативного значений, имея ввиду способность онимов с помощью лексического значения формировать денотативный каркас, а также дополнительное коннотативное значение, отражающее в том числе культурный код народа, в котором оно функционирует. Граница между собственными и нарицательными именами как лексико-грамматическими классами существительных не представляется абсолютно заданной, особенно в диахронии, что, на наш взгляд, вполне естественно.

4. Ономастикон художественного текста в силу большой информативности рассматриваем в качестве маркера прецедентности и интертекстуальности, который наряду с другими основополагающими текстовыми категориями, составляет фрагмент языковой картины мира.

5. Языковая картина мира в рамках настоящего исследования понимается как базовое понятие лингвокультурологии, аккумулирующее концептуально-стереотипное мышление в индивидуальном и коллективном сознании, детерминирующее коммуникативное поведение индивидов и транслирующее способ речемыслительной деятельности.

6. При определении сущности концепта мы разделяем позицию сторонников лингвосемиотического подхода (В.И. Карасик), рассматривая его как ментальное образование, имеющее знаковую природу и реализующее в результате когнитивной деятельности ценную лингвокультурную информацию.

Глава 2. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОНИМОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ФАЗИЛЯ ИСКАНДЕРА

2.1. Феномен Фазиля Искандера в контексте двух языковых культур

Научный интерес к произведениям Фазиля Искандера обусловлен языком писателя, благодаря которому можно говорить о феномене Фазиля Искандера в контексте русской и абхазской лингвокультур. По мнению исследователей, в полиэтническом и поликультурном пространствах особую актуальность приобретает диалог двух языков (даже если они не связаны родством), предполагающий уважительное отношение к лингвокультурам других этнических групп с целью устойчивого и гармоничного развития своих лингвокультурных систем. Ключевым маркером полиэтничности традиционно выступает билингвизм как широкоформатное, неоднородное и многоаспектное явление, интегрирующее разные сферы человеческой [Башиева, Дохова, Шогенова, 2022: 266].

Анализ двух языковых культур, представляющих в творчестве Фазиля Искандера картину мира русских и абхазов, чрезвычайно важен для понимания феномена писателя. Особенности литературного творчества писателя рассмотрены в нескольких фундаментальных исследованиях [Лачинов, 1998; Козэль, 2006; Цколия, 2014]. Например, проблема мира и человека в художественной системе Фазиля Искандера поднимается в работе А.В. Лачинова. По его мнению, данная концепция «отражает гармонию единичного и общего, диалектику «микрокосма» и «макрокосма»» [Лачинов, 1998: 20]. О.С. Козэль рассмотрены поэтические приемы и способы художественного изображения действительности Фазиля Искандера, что позволило выявить в полной мере новаторство писателя [Козэль, 2006]. По заключению К.Р. Цколия, «национальный дискурс определяет важнейшую тематику произведений Фазиля Искандера» [Цколия, 2014:7].

Говоря о культуре как о системе, исследователи нередко связывают данное понятие с его происхождением. Так, согласно М.С. Кагану, и филогенез, и онтогенез являются подтверждением мысли о всеобъемлющем воздействии культуры на процесс «очеловечивания человека» и всего человеческого рода, подразумевающий формирование не присущих природе [Каган, 2003: 38]. Такая трактовка культуры, несомненно, позволяет рассматривать язык как элемент системы, составляющий его подсистему, который, согласно определению, данному в «Словаре лингвистических терминов», представляет собой «важнейшее средство общения, знаковый механизм общения; совокупность и система знаковых единиц общения в отвлечении от многообразия конкретных высказываний отдельных людей» [Словарь лингвистических терминов, 2010: 473].

Следует отметить, что вопросы морфологии культуры многопланово изучены в философии и культурологии, однако проблемы культуры языка требуют дальнейшей детальной разработки. Поскольку первостепенное значение языка в жизни человека и общества не вызывает сомнений, языковая культура является одним из важнейших видов культуры, занимающих особое положение в системе культуры. Проникая во все сферы деятельности человека, язык составляет основу социума и культуры, тем самым образуя своего рода единство системы. Как видно, «фактическое единство языка и культуры, выражаемое тем, что язык пронизывает все другие ее феномены…» [Ячин, 2010: 14], свидетельствует о следующем: языковая культура как часть культуры содержится в определенной степени во всех сферах культуры.

Известно, что межкультурная коммуникация интегрирует два типа мышления, представляющих ценность для обеих культур. В этом смысле не вызывает сомнений объединяющая роль русской языковой культуры, благодаря которой возможна консолидация человеческого сообщества и приобщение его к мировой цивилизации. Однако изменения, происходящие в мировоззрении общества конца XX–начала XXI вв., обусловили появление

новых возможностей в функционирования русского языка, а именно – возникшую необходимость сохранения русского языка как на территории Российской Федерации, так и за ее пределами. Это способствовало реализации и другой важнейшей функции русского языка – русская языковая культура стала одной из форм выражения иной культуры, что доказывает ее первостепенное значение в вопросах межкультурной коммуникации. Результатом изменения мировоззренческих представлений в обществе явились понятия «русскоязычная литература», «русскоязычный писатель», «национальный писатель», ставшие базовыми в синтезе национальных культур с русским языком и, соответственно, русской национальной культурой. В этом ключе естественно становление русско-инонационального билингвизма (с доминантным русским языком). У.М. Бахтикиреева, связывая билингвизм с взаимодействием русского и иных национальных языков как русско-инонациональный и инонационально-русский (где русский язык является доминантным и субдоминантным), справедливо отмечает, что «этническая и языковая идентичность могут не совпадать» [Бахтикиреева, 2024: 288].

Художественное творчество Фазиля Искандера – чегемского мудреца – представляет собой феномен в том плане, что писатель, пишущий только на русском языке, принес в русскую литературу и культуру богатый мир абхазской бытовой и культурной жизни. Ст. Рассадин как-то писал: «В русской литературе у него положение особое. Он не просто абхазец, пишущий по-русски; он, став русским писателем, не перестал быть абхазцем. Колорит родного юга в его книгах уже не только свойство материала, но свойство кисти… В превосходной русской речи Фазиля Искандера живет очень национальная, южная, кавказская интонация» [Рассадин, 1994: 21]. Согласимся с позицией З.М. Габуниа, полагающей, что с появлением Фазиля Искандера «отечественная русская литература обрела новый тип русскоязычного художественного творчества, достигшего всеобщего

признания, когда план содержания и план выражения зарождаются на разных языках, в разных образных мышлениях» [Габуниа, 2017: 3].

Писатель родился и вырос в Абхазии, однако Россия стала для него второй Родиной. В его творческом сознании переплетаются две языковые культуры – русская и абхазская. В свое время на вопрос корреспондента газеты «Труд» С. Цыганковой, «каким писателем Вы себя ощущаете?» Фазиля Искандер ответил фразой, впоследствии определившей основные мотивы его творчества: «Я пишу по-русски, но родился в Абхазии и практически все, что пишу, посвящаю ей. Так что можно сказать, что я русский писатель, но певец Абхазии» [Цыганкова, 2004: 2].

На вопрос читателей, каким писателем он себя считает, абхазским или русским, Фазиль Искандер размышлял так: «Я никогда не задумываюсь о том, чтобы быть ярко национальным абхазским писателем. Это должно получаться само собой. Я беру тот или мной момент абхазской жизни не потому, что он абхазский, а потому, **что вижу в этом талант действительности.** ПИСАТЕЛЬ ВИДИТ ТАЛАНТ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В МОМЕНТАХ ЖИЗНИ. «Вот это интересно, – я говорю, – об этом интересно поговорить». А потом это же оказывается и национально более ярким» [Советская Абхазия, 1998].

На наш взгляд, некоторые суждения Фазиля Искандера и Г.Д. Гачева в вопросах межкультурных связей созвучны и дополняют друг друга**.** В частности, в творчестве писателей весьма перспективной видится идея выстраивания процессов взаимопонимания и интеграции между народами мира. По предположению Фазиля Искандера, «гений нации самым слабым, отсталым формам национальной жизни придает самый цветущий вид. В этом, может быть, подсознательно сказывается благородный пафос лечения нации» (Паром, 2004: 358), так как «существование национального гения доказывает, что все народы должны стремиться к сближению» (Там же: 359). Развивая свою ключевую философскую мысль, Г.Д. Гачев полагал, что между разными народами не должно быть конфликтов на национальной

почве, поскольку все они, с одной стороны, обладают уникальными ценными качествами а, с другой стороны, создают единое пространство, представляя «большой симфонический оркестр человечества», в котором у каждого своя партия. Главное, «питать друг друга смыслами» [Гачев, 2007: 423], «чтобы каждый возлюбил в другом – его непохожесть: что другой умеет и видит так, как я не умею и не вижу» [Гачев, 2002: 13].

В аспекте взаимодействия и взаимопроникновения национальных культур и русского языка особую актуальность, на наш взгляд, приобретает тезис Г.Д. Гачева, понимавшего каждый национальный мир «как Космо-Психо-Логос, то есть единство местной природы, характера человека и склада мышления» [Там же: 12]. Исследователем был внесен большой вклад в изучение национальных моделей мира, согласно которому «…каждый народ видит мир особым образом. Зависит это от того участка мирового бытия, который предоставлен каждому народу в качестве жизненного пространства: от особого сочетания первостихий – земли, воды, воздуха, огня – которое отлилось и в составе человека (этническом и духовном), и в быту, и в слове. Оттого и история народов своеобразна, и особы в ней извивы и сочетание общей миру цивилизации и исконно выросшей у народа каждого культуры [Гачев, 1990: 180]. Как видно, мыслитель трактует триаду «космо-психо-логоса» следующим образом: «природа каждой страны есть текст, исполненный смыслов, сокрытых в Материи. Народ = супруг Природины (Природы + Родины). В ходе труда за время Истории он разгадывает зов и завет Природы и создает Культуру, которая есть чадородие их семейной жизни. Природа и Культура находятся в диалоге: и в тождестве, и в дополнительности; Общество и История призваны восполнить то, чего не даровано стране от природы [Там же: 11].

Ранее нами было установлено, что «особый интерес в контексте национальной специфики этносов вызывает наблюдение Фазиля Искандера по поводу достаточно распространенной на Кавказе привычки, когда «…*о каком-то человеке рассказывают, обязательно называют национальность.*

Один армянин, говорят, один грузин, один абхаз, один мингрел. Я сам такой. Конечно, все люди делают одно и то же, но каждый делает немножко по-своему, согласно своей национальности. И потому мы называем нацию, чтобы картина была ясней» (Сандро 3, 2005: 118). Исключительно важной в этом смысле можно считать идею писателя, переданную словами дядюшки Самада:

– *Нехорошо, Самуил, отрекаться от нации,… лучше быть падшей женщиной, чем отрекаться от нации!*» (Созвездие, 2004: 185)» [Кварчия 2024, 73].

Что касается безупречного русского языка Фазиля Искандера, то Наталья Иванова вспоминает маленькую историю, однажды услышанную от писателя: «Уже после того, как он стал известным, к нему в Абхазии подошел прозаик, который полагал, что все трудности издания в Москве происходят от плохих переводчиков, и попросил Искандера познакомить его со своим переводчиком. Платой за предстоящее знакомство должно было быть грандиозное застолье. Искандер сказал, что проблему решит, и застолье состоялось. Незадачливый прозаик спрашивает – а где же твой переводчик?» [Иванова, 1990: 6].

Поскольку ни одна культура не существует в отрыве от окружающих ее культур, а, напротив, испытывает на себе различного рода влияния, в том числе и на языковом уровне, можно наблюдать, как пополняется словарный состав языка за счет словотворчества писателя-билингва. Результатом синтеза двух языковых культур в творчестве Фазиля Искандера стали окказиональные образования, как неотъемлемый компонент индивидуально-авторского стиля писателя.

Так, у Фазиля Искандера авторское новообразование-глагол *искамчил* (избил камчой – *аҟамчыла дипҟеит*) оформлено по моделям русской словообразовательной системы, когда глаголы прошедшего времени образованы от субстантивов префиксально-суффиксальным способом типа *седло – оседлал, колесо – исколесил*. В «Стоянке человека» читаем *камча* –

искамчил: «*Я его* (Уту Берулава – К.В.) *(тут Чагу не найдя соответствующего русского глагола, по-абхазски добавил)* ***искамчил****! Всего искамчил! Даже рука устала*» (Софичка, 2004: 711). Надо сказать, что удар палкой или камчой Фазиль Искандер считает самым страшным оскорблением по абхазским обычаям. «*Такое оскорбление смывается кровью и только кровью оскорбителя. Ударил камчой или палкой – значит, приравнял тебя к скоту, а зачем жить, если тебя приравняли к скоту?!*

Кстати, удар камчой или палкой считается нешуточным оскорблением, …если кто-то без разрешения ударил его лошадь. Особенно возмутительно, если кто-то по невежеству или из присущей ему наглости ударил лошадь, на которой сидит женщина. Конечно, если женщина промолчит, а никто из родственников этого не заметил, все может обойтись мирно. Но если ударивший лошадь вовремя не принес извинений, дело может кончиться очень плохо» (Сандро 2, 2004: 292).

В повести «Созвездие козлотура» Фазиль Искандер обращает внимание читателей на слова *чангалист и зачангалить*, адаптируя их к русской словообразовательной системе, а именно, когда субстантивы выступают в качестве производящей основы при образовании глаголов. В данном случае на базе имени существительного создан глагол со значением «действия (занятия) лица, названного в мотивирующей основе»: «*Кстати, слово* ***чангалист****, кажется, употребляется только у нас в Абхазии и означает – любитель выпить на чужой счет. Производное от него –* ***зачангалить****, то есть подцепить кого-нибудь, взять на абордаж, и не обязательно с тем, чтобы выпить, но и в более широком смысле*» (Созвездие, 2004: 70).

Интересен также прием олицетворения, используемый писателем для передачи абхазского глагола. Так, если у русских «солнце садится», то у абхазов, испокон веков живших у моря, «солнце приводняется», т.е. погружается в воду – *амра нзаалон*. Именно так передает закат Ф. Искандер, создав индивидуально-авторский неологизм *приводнялось*, и адаптирует его под словообразовательную систему русского языка: «*Я сел на свою лошадь, и*

как раз, когда мы входили в ворота нашего двора, солнце ***приводнялось*** *(пересоздаю слабую копию абхазского глагола)*» (Софичка, 2004: 708). К тому же Фазиль Искандер сам объясняет лексическое значение данного глагола: «*…почему мы про закат говорим такими словами: солнце приводнилось, погрузилось, окунулось, занырнуло за горизонт? Разве из этого не ясно, что наши праотцы, создавшие наш язык, жили у моря и всегда видели, как солнце в него заходит?*» (Сандро 2, 2004: 631).

Так, в романе «Сандро из Чегема» нередко встречается авторский оним *Хрущит* – вариант онима Хрущев, прозвище, передающее специфику местного колорита:

«*Заявления были подписаны на имя Хрущева и Ворошилова.*

– Как ты думаешь, ***Хрущит*** *поможет? – спросил он, называя его на абхазский манер*» (Сандро 1, 2005: 57).

В художественных текстах Фазиля Искандера в отдельную группу следует выделить лексические единицы, образованные достаточно продуктивной моделью – эхо-редупликацией, чаще м-редупликацией тюркского происхождения: *зелень-мелень, лобио-мобио, суперфорфат-муперфорфат, мелиция-челиция.* Такого рода слова встречаются, как правило, в разговорно-бытовых ситуациях и используются для усиления эмоционально-экспрессивной окраски, комического эффекта, а также для обобщения.

Ярко выраженным национальным колоритом у Фазиля Искандера обладают специфические речевые конструкции, содержащие прямое указание на несоблюдение орфоэпических и стилистических литературных норм, что связано, на наш взгляд, с усилением лексической выразительности и достижением специального художественного эффекта:

– ***Нэнавидит****, – сказал председатель почти восторженно* (Созвездие, 2004: 85);

– Все пониманиет, ***несмотря что*** **девочка**, *– с обидой заметил он* (Там же: 99);

– *Между прочим,* ***через рыбалку*** *я сделал в горах интересное открытие, – ответил он, немного помолчав* (Там же: 17).

Сравнивая экспрессивные возможности русского и абхазского языков, Фазиль Искандер считает, что нередко действие, выраженное на русском языке несколькими словами, «по-абхазски передается одним словом и потому выразительность его в переводе несколько тускнеет» (Сандро 3, 2005: 83).

Не вызывает сомнений и то, что благодаря диалогу двух культур происходит духовное обогащение двух народов и, следовательно, уважительное, доброжелательное отношение к культурному коду другого этноса. По мнению Фазиля Искандера, «чтобы созрел великий национальный писатель, необходимо, чтобы он прошел межнациональное перекрестное опыление. …Предварительным условием углубленного национального самопознания является знание чужого, прививка чужого» (Паром, 2004: 359).

Можно сделать вывод о том, что именно благодаря овладению русским языком стали более отчетливо слышны «голоса» национальных литератур и языковых культур. Особенно актуальной в наши дни видится мысль Б. Окуджавы, полагающего, что «для всех, в том числе кавказцев, русская культура может и должна выступить главным объединительным стержнем» [Гусейнов, 2004: 76]. Определяя основополагающую роль русского языка в развитии национальных литератур, У.М. Бахтикиреева справедливо констатирует: «Русскому языку в XX веке удалось доказать свою культурно-историческую функцию и миссию – стать одним из средств отражения иной национальной культуры, приобщить всех русскоязычных читателей, в том числе – носителей русской культуры, к мироощущению другого народа. А это доказывает высокую кодируемость русского языка. Такого не удалось даже латинскому языку: более 75 национальных литератур на русском языке за полвека!» [Бахтикиреева, 2009: 4].

2.2. Онимизация апеллятивов в философской сказке Фазиля Искандера «Кролики и удавы»: текстообразующая функция

Имена собственные занимают важное место в составе любого языка. Возрастанию интереса к данным единицам способствует междисциплинарный характер ономастики, изучающей любые имена собственные. Фундаментальные работы исследователей посвящены анализу экспрессивных и функциональных возможностей имен собственных в художественной литературе [Супрун, 2000; Васильева, 2021; Калинкин, 1999]. В частности, проф. Е.С. Отиным и другими представителями донецкой ономастической школы дается лексикографическое описание коннотативных имен собственных, исследуются ономастические пространства художественных произведений, рассматриваются вопросы поэтонимосферы художественного текста, а также другие аспекты изучения литературного онима [Отин, 2004; Буевская, 2012; Федотова, 2015]. Проблемам дериватологии, общей и региональной ономастики и поэтонимологии посвящены многочисленные труды проф. Р.Ю. Намитоковой и других специалистов майкопской ономастической школы [Намитокова, 2016; Абрегов, 2000; Беданокова, 2016]. Тем не менее многие вопросы ономастической науки нуждаются в дальнейшей разработке. Одним из них является такой аспект, как специфика имени собственного в творчестве русскоязычного писателя Фазиля Искандера.

Дефиниция имени собственного в целом базируется на противопоставлении имени нарицательному. А. Гардинер определяет имя собственное как слово или словосочетание, специфической целью которого является идентификация [Gardiner, 1954]. Н.В. Подольская рассматривает его как оним, под которым подразумевает «слово или словосочетание, которое служит для выделения именуемого им объекта среди других объектов: его

индивидуализации и идентификации» [Подольская, 1978: 95]. В настоящей работе будем опираться именно на данное определение.

Как известно, онимы представляют собой один из важнейших элементов создания образной ткани любого литературного произведения. Будучи частью ономастического пространства текста, они взаимодействуют друг с другом, а также с другими компонентами текста, подвергаются «семантизации, включению в зоны художественного смысла»» [Кожин, 2004: 55]. Имя «обретает качественно новые характеристики и начинает выполнять новую роль» [Катермина, 2020: 60]. И эта роль онимов в построении текста связана с их текстовой функцией, которая реализуется в процессе вступления онимов в различные синтагматические и парадигматические связи, что является «текстовой осью» [Супрун, 2000: 51].

Учитывая специфику литературного онима, в частности, отапеллятивного, считаем необходимым коснуться вопроса границ между онимами и апеллятивами как единицами, противопоставленными друг другу.

По этому поводу современная наука предлагает две точки зрения. Согласно первой, граница между онимами и апеллятивами нечетка, размыта, возможны промежуточные состояния [Булаховский, 1953; Никонов, 1965; Белецкий, 1972; Бондалетов, 1983]. Согласно второй, эта граница абсолютна и четка, так как между именами собственными и нарицательными нет пограничных состояний [Карпенко, 1986]. В данной работе мы склонны придерживаться первой точки зрения, и на примере богатого фактического материала будут продемонстрированы онимы, являвшиеся ранее апеллятивами.

Что касается специфики имени собственного в художественном тексте, то здесь ситуация с онимизацией и апеллятивизацией иная. По Н.В. Васильевой, «в мире текста имя – вовсе не этикетка, хотя индивидуализирующая и идентифицирующая функция имени все равно остается главной» [Васильева, 2021: 191].

Исследуя специфику литературного онима, В.И. Супрун отмечал, что «онимы вплетаются в текстовую ткань как обязательный и организующий компонент» [Супрун, 2000: 118]. Определив ономастическое пространство как полевую структуру, ученый выделяет следующие функции имен собственных в тексте:

«1) онимы служат **текстовой вехой** (обозначение главного/-ых персонажа/-ей);

2) создают **ономастический фон**;

3) выступают в качестве опознавательного знака **факультативного** характера» [Там же: 118].

Вопрос функционирования имен собственных в художественном тексте детально изучен в фундаментальном труде В.М. Калинкина «Поэтика онима», в котором автор пишет, что «функциональная сторона поэтики онимов – наиболее разработанная и одновременно пестрая как часть теоретического наследия» [Калинкин, 1999: 277]. При этом он полагает, что целостная классификация, охватывающая все функции имен собственных, на данный момент отсутствует [Там же: 279]. Согласимся с Н.В. Васильевой, которая считает вполне «законченной» классификацию Д. Лампинга, выделившего семь функций имен собственных в художественном тексте. Это идентификация, создание иллюзии реальности, характеризация, выделение и группировка, перспективация, эстетическая и мифологическая функции [Lamping, 1983].

Функционирование отапеллятивных литературных онимов подчиняется законам литературной ономастики, поэтому, как отмечают А.В. Суперанская с соавт., «процессы перехода апеллятивной лексики в ономастическую и ономастической в апеллятивную беспрерывны. Одно и то же слово и сочетание слов может быть и именем собственным, и апеллятивом» [Суперанская, Сталтмане, Подольская, Султанов, 2019: 38]. Например, у Фазиля Искандера это: *старый мудрый кролик – Старый Мудрый Кролик; косой – Косой.*

По мнению Н.В. Подольской, онимизация – это «переход апеллятива или апеллятивного словосочетания через смену функции в имя собственное» [Подольская, 1978: 95].

В настоящей работе нами рассматривается преимущественно онимизация, реже трансонимизация в сказке «Кролики и удавы» Фазиля Искандера. Диапазон их встречаемости в тексте настолько существенный, что составил предмет отдельного исследования.

Имея отношение к транспозиции языковых форм, процессы онимизации и трансонимизации выступают одним из мощных инструментов создания искусственной номинации. В отличие от естественного искусственное именование – это номинативный акт, который, по мнению М.В. Голомидовой, принадлежит сфере институированной коммуникации и ставит своей целью создание наименования, рассчитанного на априорную узуализацию [Голомидова, 1998]. Как показано нами ранее, из 76 онимов, составляющих ономастическое пространство «Кроликов...», лишь три являются реальными (Бог, Иуда, Африка), остальные – вымышленные. Это объясняется в первую очередь жанровым своеобразием сказки. Искандеровские окказиональные онимы отличаются высоким уровнем словотворчества писателя, например: *Таблица Размножения* (подобно таблице умножения), смысл которой заключался в размножении кроликов с опережением; *Ля-ля-ля-чий Брод* (завуалирован Лягушачий Брод, напоминает напевание незамысловатой детской песенки) [Кварчия, 2023, 126]..

Как видим, Фазиль Искандер в зависимости от жанра и проблематики произведения одновременно и продолжает существующие традиции имянаречения, и создает уникальные авторские новообразования, составляющие основу идиостиля писателя. По справедливому замечанию профессора З.М. Габуниа, «Искандер Фазиль Абдулович во второй половине XX века достиг такой высоты профессиональной зрелости, которую можно охарактеризовать как феномен, поразивший всю русскую и мировую литературу...» [Габуниа, 2017: 3].

Рассмотрим наиболее частые способы онимизации искандеровских зоонимов. Н.В. Подольская отмечает, что «во всех славянских языках как онимизация апеллятива, так и трансонимизация могут быть разделены на грамматическую и семантическую... Поскольку в процессе грамматической онимизации возможно изменение структуры апеллятива с помощью служебных морфем, сложения корневых морфем или синтаксических средств, то семантическая онимизация не изменяет формальной структуры апеллятива, и он остается в пределах своей лексической системы» [Подольская, 1990: 43].

Рассматривая семантическую онимизацию как лексико-семантический способ образования имен собственных, Н.В. Подольская подразделяет ее на простую, метафорическую и метонимическую. Создавая зоонимы для кроликов и удавов в сказке, Фазиль Искандер пользуется всеми названными способами семантической онимизации, из которых наиболее распространены первые два.

Известно, что «простой семантической онимизацией апеллятива можно назвать те случаи, когда ИС, возникшие из ИН без деривации, отражают природные свойства именуемого объекта в момент номинации и сохраняют семантику апеллятива лишь до определенной степени» [Там же: 43]. Например, удав *Коротышка*, кролики *Находчивый, Задумавшийся* и *Возжаждавший*. Зооним *Коротышка* встречается первоначально в виде апеллятива *удав-коротышка.* Путем простой семантической онимизации автор преобразует в имя собственное лишь часть апеллятива – *Коротышка*.

Как отмечает критик Н. Б. Иванова в книге «Смех против страха, или Фазиль Искандер» (1990), «среди развращенных воровством кроликов находятся те, кто подвергает сложившуюся систему критическому осмыслению» [Иванова, 1990: 24]. Это кролик *Задумавшийся* и его ученик *Возжаждавший*. Задумавшийся размышлял о смысле жизни и пришел к шокирующему для всех умозаключению: «Наш страх – это их гипноз! Их

гипноз – наш страх!» (Козы, 2007: 53)[1]. Кстати, данный оним также имеет форму pluralia tantum – *Задумавшиеся*, которая придает повествованию экспрессивности. Так автор демонстрирует отчасти тщеславное желание Возжаждавшего стать ближе к своему учителю Задумавшемуся, думать вместе с ним, знать истину.

Нередко в сказке встречается метафорическая онимизация, которая образуется «на основе действительного или кажущегося сходства именуемого объекта или субъекта с другим объектом» [Подольская, 1990: 44]. Нами было обнаружено, что для Фазиля Искандера это имена придворных удавов: *Удав-Скульптор,* который обладал способностью в точности восстанавливать форму проглоченного кролика по форме живота*;* *Удав-Холодильник,* который одним своим взглядом погружал в сон вышедшего из гипноза кролика и вовремя убирал мертвых животных; *Удав-Пустынник,* который из-за отглота Задумавшегося был оставлен в пустыне на отшельническое существование.

Пример метонимической онимизации продемонстрирован в основном мотиве сказки – мотиве предательства. Так, с помощью приема антономасии писатель обращает внимание читателя на один из самых ярких библейских образов – Иуду, предавшего своего Учителя за 30 серебряников. В сказке вдова Задумавшегося именно так называет кролика Находчивого, предавшего его за право быть допущенным к королевскому столу.

В «Кроликах и удавах» отмечен единичный пример трансонимизации, когда наименование должности переходит в разряд зоонима. Так, наибольшей экспрессивностью и ироничностью отличается образ старого мудрого кролика, который получил сотрясение мозга от упавшего на него желудя с морковного дуба. По данному факту он сначала был назначен на должность Старого Мудрого Кролика, а затем это стало его личным именем. Здесь же встречается вариант данного зоонима, образованный путем

[1]Цитируется по изданию: Искандер Ф. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9. Козы и Шекспир. М.: Время, 2007. 704 с.

словосложения без соединительной гласной – *Стармуд*. Эта кличка вносила в его должность «некоторую шутовскую двусмысленность» (Козы, 2007: 63).

Одним из наиболее распространенных приемов в сказке Фазиля Искандера является авторское эллиптирование отапеллятивных литературных онимов, выполняющее эстетическую функцию художественного образа. Так образованы 15 онимов из 75. Эллипсису обычно подвергаются двухкомпонентные модели имен-фраз. Отсекаются, как правило, адъективы, например: *Главный ученый – Ученый*; *Королевский Пантеон – Пантеон*; *Великий Питон – Питон*; *Великий Дракон – Дракон*; *Главный Казначей – Казначей*; реже субстантивы с предлогом и без: *Цветная Капуста – Цветная*; *Буря Разочарования – Буря*; *Допущенные к Столу – Допущенные*.

Нередко эллипсис накладывается на уже эллиптированный оним, привлекая внимание своей яркостью, например: *Первый Королевский Поэт – Первый Поэт – Поэт*; *Начальник Королевской Охраны – Начальник Охраны – Начальник*; *Стремящиеся Быть Допущенными к Столу – Стремящиеся Быть Допущенными – Стремящиеся.*

Также наблюдается обратный эллипсису процесс наращивания дополнительного компонента онима с целью уточнения, например: *Глашатай – Королевский Глашатай*; *Дракон – Великий Дракон.*

Единично употреблен оним, варианты которого образованы сначала эллиптированием исходной модели, а затем наращиванием уточняющего элемента: *Удав-Пустынник – Пустынник – Великий Пустынник.*

Зоонимы, занимая околоядерное пространство, выступают чаще всего в качестве ономастического фона. Однако «частотные характеристики дают основание рассматривать собственные имена животных как окраинную субзону центра ономастического пространства» [Супрун, 2000: 118]. Следовательно, приближаясь к ядерным онимам, зоонимы в сказке «Кролики и удавы» призваны выполнять, помимо характеризующей, эстетической и экспрессивной функций, еще и текстообразующую функцию, поскольку они

обладают различными перифрастическими и прономинальными заменами в тексте. По мнению В.И. Супруна, «ономастичность – важный параметр текстуальности, необходимый фактор текстообразования» [Там же: 119].

Как видно, функциональный потенциал отапеллятивных онимов в сказке Фазиля Искандера «Кролики и удавы» очевиден. На это указывает их стилистическая специфика и расширение функционального диапазона, когда номинация уступает место экспрессивной, характеризующей, стилистической функциям, в том числе и текстообразующей. Являясь важным элементом смысловой структуры текста, отапеллятивные литературные онимы призваны воплощать авторский замысел и служить средством эстетического воздействия.

2.3. Способы и функции идентификации поэтонимов как средств микро- и макротекстологии имени

Современная наука считает изучение ономастикона произведения одним из приоритетных аспектов анализа художественного текста. Это объясняется, прежде всего, тем, что «имена и названия являются неотъемлемым элементом формы художественного произведения, слагаемым стиля писателя, одним из средств, создающих художественный образ. Они могут нести ярко выраженную смысловую нагрузку, и обладать скрытым ассоциативным фоном, иметь особый звуковой облик; имена и названия способны передавать местный колорит, отражать историческую эпоху, к которой относится действие художественного произведения, обладать социальной характеристикой» [Горбаневский, 1988: 4].

Являясь объектом литературной ономастики, поэтоним с его ближайшим окружением, свойствами и функциями, выступает как средство микро- и макротекстологии имени и позволяет писателю глубже реализовать свой идейный замысел. Термин «поэтоним» впервые был введён В.М. Калинкиным, который в монографии «Поэтика онима» (1999), отметил, что поэтонимы «отличаются принципиальной динамичностью содержания,

неустойчивостью принадлежности к ономастической или апеллятивной лексике» [Калинкин, 1999: 62]. В настоящей работе будем опираться именно на данное определение.

В «Словаре русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской, поэтоним – это «имя в художественной литературе, имеющее в языке произведения, кроме номинативной, характеризующую, стилистическую и идеологическую функции. Как правило, относится к категории вымышленных имён, но часто писателем используются реально существующие имена или комбинация тех и других» [Подольская, 1988: 108]. По мнению В. А. Никонова, «имя персонажа – одно из средств, создающих художественный образ; оно может характеризовать социальную принадлежность персонажа, передавать национальный и местный колорит…» [Никонов, 1974: 234].

Очевидно, что функция идентификации имени собственного вообще и в пространстве художественного текста является одной их ключевых наряду с другими функциями (индивидуализацией, характеризацией и др.). Интерес к ней обусловлен рядом причин. Прежде всего, исследование способов идентификации имени персонажа позволяет проанализировать его микро- и макротекстологию. К тому же, изучение проблемы «сцепления» имени с персонажем способствует выявлению ономастических интродуктивных стратегий в художественном тексте.

В разработке данного вопроса фундаментальной является монография Н.В. Васильевой «Собственное имя в мире текста» (2021), где соотношение текста и онима рассматривается с точки зрения интегративного подхода, включающего понятие ономастической информации. Под ономастической информацией ученый понимает «имеющийся (или формирующийся) у говорящего комплекс знаний о СИ (собственных именах – К.В.), куда входят информация о СИ как языковой единице, информация о носителе СИ, а также ассоциации/коннотации, которыми обладает данное СИ для

отдельного носителя языка и/или для данного лингвокультурного сообщества» [Васильева, 2021: 29].

Отметим, что ономастическая информация и анализ ближайшего окружения имени как средства микротекстологии имени способствуют более детальному исследованию ономастикона художественных текстов писателя.

Семантика микротекстологии имен собственных в текстах Фазиля Искандера позволяет выделить ряд способов идентификации поэтонимов.

1. **Апеллятивный идентификатор располагается слева от имени**. С синтаксической точки зрения в таких сочетаниях имеются в виду приложения, когда в отношения определяющего и определяемого вступают имена существительные. Апеллятив, как правило, один. Нами выделено 7 тематических групп апеллятивных идентификаторов при онимах, подчеркивающих:

а) **род занятий персонажа**: ***учительница*** *Александра Ивановна,* ***охотник*** *Тендел,* ***доктор*** *Жданов,* ***следователь*** *Григорьев,* ***авиатор*** *Кузьминский,* ***вор*** *Тико,* ***инженер*** *Бартмер,* ***головорез*** *Нахарбей,* ***лошадник*** *Мустафа,* ***тачечник*** *Бичико,* ***кочегар*** *Паша,* ***продавец*** *Месроп,* ***чистильщик обуви*** *Пити-Урия,* ***рыбак*** *Спиро,* ***комиссар*** *Васильич,* ***товаровед*** *Цурцумия,* ***бармен*** *Адгур,* ***шофер*** *Юра;*

б) **родственную принадлежность персонажа/-ей)**: **дядя** Кязым (Кезым), **дядюшка** Коля, **тетя** Нуца, **тетушка** Хрисула, **племянник** Кемальчик, **брат** Боцмана Христо, **дочь** дяди Сандро Тали, **братья** Старостины, **семья** Лариных, **род** Зархиди;

в) **положение персонажа в иерархической структуре знати**: **князь** Шаховский, **князь** Чачба, **госпожа** Старосельская, **царица** Тамара, **царевна** Фекла, **боярыня** Морозова, **барон** Мюнхгаузен;

г) **возрастные характеристики персонажа**: **старик** Первушин, **старик** Сундарев, **дедушка** Шабан, **девочка** Ника;

д) **звание и должность персонажа**: **майор** Пронин, **полковник** Левдиков, **генерал** Франко, **адмирал** Нельсон, **академик** Лев Леонидович Скворцов, **президент** Кеннеди;

ж) **гендерную принадлежность персонажа**: **девочка** Мамлакат, **девушка** Вика, **парень** Арчил;

3) **расовую принадлежность персонажа**: **негретянка** «Мечтательница фасоли».

2. **Апеллятивный идентификатор располагается справа от имени.**

Подобное расположение оценочных слов-идентификаторов встречается реже, употребимы двух- и трехкомпонентные модели: *Сарья,* ***жена Нестора****; Самад,* ***горький пьяница****; Аслан,* ***знаменитый абрек****; Алихан,* ***продавец восточных сладостей****; Лев Николаевич Толстой,* ***враг технической цивилизации.***

3. **Апеллятивный идентификатор располагается с обеих сторон от имени.** Такая текстовая стратегия используется писателем тогда, когда необходимо дать дополнительную информацию о персонаже: «*И когда этой весной открылась болезнь у* ***сына Исы, огнеглазого*** *Адгура,* ***цветущего двадцатилетнего парня,*** *родственники… решили не пускать детей в этот выморочный дом*» (Сандро 1, 2005: 574); «*… он просто подбирался к ее* ***двоюродной сестре*** *Фирузе****, старшей дочери многодетной тети Маши***» (Там же: 590).

По структуре следует выделить следующие конструкции идентификаторов:

1) **«адъектив + оним»**. Хотя онимы, индивидуализируя отдельные объекты, по своей природе не нуждаются в дополнительных характеристиках, каковыми являются адъективы, Фазиль Искандер в своем творчестве довольно часто использует подобные сочетания, несущие некую текстовую информацию: *старый* Хабуг, *бедный* Мартов, *добренький* Мартов, *мощный* Андрей Таркилов, *маленький* Заур, *веселый* дядя Митя, *великий* Сократ;

2) **«адъектив + субствантив + оним»**: *старый охотник* Тендел, *известный художник* Андрей Таркилов, *русский миллионер* Смицкий, *молодой архитектор* Юра Васильев, *известный табачник* Коля Зархиди.

Ранее нами выяснено, что «для создания в читательском сознании коммуникативной ясности и идентификации цепочки «имя-персонаж» писатель использует определенные текстовые ситуации введения имени и персонажа. Согласно Н.В. Васильевой, существует 5 таких текстовых ситуаций:

1. Комплексная интродукция, когда персонаж и имя вводятся одновременно: «Один из них ***дружок*** *дяди Сандро* ***по имени Аслан***» (Там же: 134); «*Рядом с Асланом стоял веселый* ***головорез Теймыр****, неизменный исполнитель черновой, но почетной работы умыкания*» (Там же: 136). К примеру, в романе «Сандро из Чегема» имя главного героя выносится в заглавие и вводится сразу в первом же предложении.

2. Ономастическая антиципация, когда сначала вводится имя, затем персонаж: «***Дядя Сандро*** *прожил почти восемьдесят лет, так что даже по абхазским понятиям его смело можно было назвать старым человеком*» (Там же: 8); «*С* ***Тенгизом*** *я познакомился в доме дяди Сандро во время скромного пиршества…*» (Там же: 485).

3. Ономастическая ретардация, когда сначала вводится персонаж, затем имя, служащая возбуждению читательского интереса: «*Соперницы, одна из них –* ***пятнадцатилетняя дочь дяди Сандро Тали****, или* ***Талико****, или* ***Таликошка****, другая –* ***девятнадцатилетняя внучка охотника Тендела, Цица****, разыгрывали между собой первый чегемский патефон…*» (Там же: 547).

4. Вводится имя и не вводится персонаж: «*А ты* ***Ной Жордания****, что ли? – ответил тот, что был у лошади…»* (Там же: 19); «*Не успел я додумать это интересное научное наблюдение* (Лумумба – типично абхазская фамилия – К.В.), *как в газетах появилось мрачное имя* ***Чомбе.***

(Между нами говоря, правильнее было бы сказать ***Чомба)***» (Там же: 468). Таким образом имена лишь упоминаются в тексте.

5. Персонаж вводится без имени: «***Первый охранник,*** *оставив оба бурдюка на брезенте, вернулся.* ***Второй охранник*** *притащил из палатки стаканы и расставил их на этой солдатской скатерти*» (Там же: 228)» [Кварчия, 2024: 173].

Помимо основных стратегий ономастической интродукции в произведениях Фазиля Искандера, нами обнаружены и другие приемы. Так, имя вводится посредством прямой речи: – ***Зойка***! – *кричали* ***подружки спутницы Сергея****, но та им сначала ничего не отвечала* (Созвездие, 2004: 618); – *Ничего,* ***Иосиф****! – воскликнул Ворошилов, потрясенный тем, что* ***вождь*** *не только понимает его обиды, но и ставит их рядом со своими…* (Сандро 1, 2005: 374).

Как видно, микротекстология имени выходит далеко за пределы только его близкого окружения. Возникает непрерывная связь микро- и макротекстологии, преследующих различные коммуникативные задачи.

2.4. Библионимы в аспекте диктемной структуры текста

Известно, что исследование структуры ономастического пространства и поля художественного текста невозможно в отрыве от изучения заглавий произведений, как одного из важнейших разрядов онимов, так как «уже само название художественного произведения является именем собственным. Эта ономастическая единица входит в специфический ряд с его характерными признаками. Нередко в ней фигурирует имя главного персонажа или места действия, что создает двойной фон» [Супрун, 2000: 119]. Для обозначения особой роли заглавия художественного текста с точки зрения психологии номинации С.Д. Кржижановским был введен в научный оборот термин «поэтика заглавия», предполагающий, что «книга и есть – развернутое до конца заглавие, заглавие же – стянутая до объема двух-трех слов книга» [Кржижановский, 1931: 3].

В силу ономастического подхода к заголовочным единицам художественного текста считаем необходимым внести терминологическую ясность в отношении понятия «библионим», активно используемого представителями Воронежской ономастической школы – С.А. Скуридиной [Скуридина, 2022], Н.Н. Устиновой [Устинова, 2022], Н.Б. Бугаковой [Бугакова, 2023], К.И. Суховой [Сухова, 2023] и др.). Термин зафиксирован во втором издании «Словаря русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской (1988) как «название, заглавие любого письменного произведения художественного, религиозного, научного, политического и т.д.» [Подольская, 1988: 42]. Однако вопрос относительно специального раздела ономастики, который исследовал бы заглавия текстов, на тот момент еще не был разработан. В трудах Ю.А. Карпенко (1986) и И.В. Арнольд (1999) находим первые указания на необходимость создания такого раздела ономастики.

В рамках данного исследования для нас особый интерес представляет библионимия/библионимика, в частности, литературная как раздел ономастики, изучающий литературные библионимы. Тем не менее вопросы, касающиеся теории заголовочных единиц, их функциональной и онтологической специфики, требуют дальнейшей разработки. На наш взгляд, к некоторым терминологическим затруднениям может приводить использование термина «библионим» для обобщения разных типов заглавий. Учитывая качественную дифференциацию заголовочных единиц, мы разделяем позицию представителя Волгоградской ономастической школы В.В. Дащинского, предлагающего различать три типа библионимов с латинскими индексами-различителями:

1) **библиототоним** (totum – ‘целое’) – заглавие всего произведения;

2) **библиопартионим** (pars – ‘часть’) – названия его составных частей;

3) **интрабиблионим** (intra – ‘внутри’) – наименование иноавторских произведений, функционирующих в художественном мире текста [Дащинский, 2026: 6]. Как видно, данные термины позволяют

исследователям оставаться в пределах терминологической системы ономастики и вместе с тем не вытесняют уже существующие понятия «заглавие», «внутренний заголовок» «заголовочная единица» и др. С учетом вышесказанного здесь и далее по тексту для обобщения системы заглавий художественных текстов мы будем использовать термин «библионим», а для дифференциации их типов – библионимы с индексами-различителями, что позволит оставаться в русле ономастического подхода.

Вопросам библионимов посвящены некоторые фундаментальные исследования [Калинкин, 1999; Блох, 2000]. Анализ библионимов Фазиля Искандера в рамках теории диктемной структуры текста, предложенной М.Я. Блохом, представляется весьма перспективным и предполагает понимание заглавия, как части текста, его своеобразной вершиной, выраженной диктемой особого рода (тематически и стилистически завершенной элементарной единицей дискурса) [Блох, 2000: 61]. Так как библионим является результатом писательской деятельности и представляет собой наименование произведения, то возможно его определение как диктемного имени текста.

Очевидно, что библионимы многофункциональны и многоаспектны. Следует выделить различные подходы лингвистов к вопросу их функционирования. Н.А. Фатеева обозначает внешние («позиция читателя») и внутренние («позиция автора») функции [Фатеева, 2010: 26].

На основе предложенных исследователями классификаций возможно выделение следующих основных функций библионимов, присущих в том числе библионимам Фазиля Искандера:

1) именующей;

2) концептуально-содержательной;

3) аттрактивной.

Несомненно, именующая функция характерна для всех библионимов, так как диктемное имя называет художественный текст. Концептуально-содержательная функция предполагает раскрытие, соответственно,

концептуальной и содержательной сторон всего произведения. Аттрактивная функция способствует привлечению внимания и возникновению читательского интереса. Следовательно, функциональный потенциал библионима свидетельствует о его широких возможностях как части художественного текста.

Имя собственное, вынесенное в самую сильную позицию текста – его заглавие – довольно распространенное явление в поэтике онима. Так, в художественных текстах Фазиля Искандера библиототонимы «Сандро из Чегема», «Созвездие козлотура», «Детство Чика», «Козы и Шекспир», «Софичка» реализуют преимущественно интеграционную и коммерческую функции. Библиопартионимы «Чегемская Кармен», «Харлампо и Деспина», «Лошадь дяди Кязыма», «Дерево детства» (самая многочисленная группа), наряду с номинативной и информативной функциями, присущими всем типам библионимов, выполняют делимитативную функцию (функцию обособления). Интрабиблионимы «Медный всадник», «Капитанская дочка», «Война и мир», «Преступление и наказание» осуществляют, как правило, характерологическую и сюжетообразующую функции. Перечень выявленных функций не окончательный и может быть дополнен.

Среди библионимов Фазиля Искандера следует выделить библиопартионимы с антропонимным компонентом, когда личность главного героя оказывается в центре внимания: *«Принц Ольденбургский», «Колчерукий», «Софичка», «Ремзик», «Анита».* Библиопартионимы с апеллятивным компонентам более распространены и позволяют указывать на ключевой символ произведения: *«Игроки», «Детский сад», «Милосердие», «Скорбь», «Просьба», «Красота».*

Особый интерес вызывает группа библиопартионимов, созданных на основе антитезы, построенной по принципу «резкого противопоставления понятий, положений, образов, состояний и т.п.» [Энциклопедический справочник, 2003: 56]. Подобный бинарный контраст представлен, как правило, сочетанием двух субстантивов: «*День и ночь Чика*», «*Ночь и день*»,

«*Детство и старость*», «*Старик и старуха*», «*Жил старик со своей старушкой*», «*Огонь, вода и медные трубы*», «*Душа и ум*», «*Тело и мысль*», «*Кролики и удавы*», «*Сон о боге и дьяволе*». Однократно встречается библиопартионим, оформленный на основе оксюморона – «*Веселый убийца*».

Черты антитезы также обнаружены в составе библионимов на материале собственно ономастических единиц. Подобные контрастные в эмоциональном и содержательном планах онимы воспринимаются как коррелирующие знаки, создающие интертекстуальную ономастическую оппозицию. В связи с этим считаем уместным использование понятия «ономастическая» антитеза, разработанного В.М. Калинкиным. К тому же собственно онимный материал приобретает черты оксюморона, так как имена антагонистов в читательской проекции воспринимаются как пары онимов, соединенные воедино.

Так, в заглавиях стихотворения «Моцарт и Сальери» и эссе «Моцарт и Сальери» Фазилем Искандером средствами «ономастической» антитезы *Моцарт* и *Сальери* реализована ключевая идея пушкинской трагедии – «гений и злодейство – две вещи несовместные». Идея несовместимости двух начал подтверждается искандеровскими словами: «гений не только нравственно, но, можно сказать, и физически не может быть злодеем» (Паром, 2004: 409); «гений не может быть злодеем еще и потому, что у него никогда нет свободных энергетических ресурсов на это» (Там же: 410). Однако парадокс такого контраста, по мнению писателя, заключается в единстве несовместимых вещей, мистическую причину которого писатель видит в том, чтобы сделать «из большего Сальери хотя бы маленького Моцарта» (Там же: 418).

Особого внимания в ономастическом пространстве произведений писателя заслуживает апеллятивация собственного имени, или деонимизация – процесс, прямо противоположный онимизации апеллятивов. Как полагает А.В. Суперанская, возможность апеллятивации онимов возникает в двух случаях:

1) «денотат имени приобретает достаточную известность у всех членов определенного языкового коллектива, получивших некоторый общий минимум воспитания и образования;

2) имя собственное перестает связываться с одним сколько-нибудь известным денотатом и делается типичным для многих чем-либо похожих друг на друга людей, географических объектов и т.д.» [Суперанская, 2023: 116].

Наши предыдущие исследования показали, что «на базе контрастных прецедентных имен Моцарт и Сальери автором созданы отонимные апеллятивы *сальеризм*, *сальерианство*, *моцартианство*. С помощью морфем -изм, -анство, передающих семантику идейных течений, возникают уникальные авторские новообразования-субстантивы, реализующие мотивы бездарности и таланта, зависти и благородства. Очевидно, что процесс апеллятивации онимов Моцарт и Сальери частичный, контекстуальный. Следует отметить, что в целом для текстов Фазиля Искандера явления апеллятивации онимов менее продуктивны. Наиболее частотны случаи онимизации апеллятивов, служащие одним из средств текстообразования [Кварчия, 2024: 80].

Особой экспрессивностью и эмоциональностью отличаются библиопартионимы с фразеологическим компонентом, аккумулирующие фразеологическую картину мира, которая, по мнению С.К. Башиевой, «объективирует сегменты окружающего мира,…не похожа ни на одну картину мира, так как в ней запечатлено то, что преломляется через субъективное восприятие уже номинированных предметов, явлений, процессов, событий» [Башиева, 2021: 101]. Реже встречаются библиопартионимы, созданные по модели уже имеющейся фразеологической единицы: «*Чик знал, где зарыта собака*», «*Страна моя – и смех и грех*», «*Тринадцатый подвиг Геракла*» (Двенадцать подвигов Геракла),

Средствами аллегорического олицетворения в библиопартионимах персонифицируются некоторые понятия, тем самым превращаясь в особую

группу поэтонимов: «*Битва при Кодоре, или Деревянный броневик Ной Жордания», «Молния-мужчина, или Чегемский пушкинист», «Умыкание, или Загадка эндурцев», «Муки совести, или Байская кровать», «Беседа со слепым, или Любовь к истине», «Молния, или Поэма света».* По мнению С. Кржижановского, «возникновение внутри заглавия союза «или» говорит не столько о расчленении темы или о писательском приеме двоения ее, сколько о расслоения читателя, на которого рассчитано заглавие и книга» [Кржижановский, 1931: 8].

Таким образом, библионимы Фазиля Искандера являются неотъемлемым компонентом всего текста, указывают на главных персонажей, содержат дополнительную экспрессию и особым образом воздействуют на читателя.

2.5. Специфика репрезентации прозвищ

Как известно, в последние годы современная наука при изучении различных явлений опирается преимущественно на антропоцентрический подход, осуществляющий познание окружающего мира сквозь призму человека и его личностных параметров. В этом аспекте особую актуальность приобретают антропонимические характеристики человека, его идентификация в социуме ономастическими единицами, в том числе, прозвищами. В связи с этим перспективным представляется лингвокультурологический анализ прозвищв художественных текстах Фазиля Искандера на уровне их сигнификативных значений.

Онимы, как элементы ономастического пространства художественного текста, призваны раскрыть авторскую идею и его замысел, выполняют ведущую роль в создании семантической композиции текста, так как «имя способно передавать национальный и местный колорит, отражать историческую эпоху, к которой относится действие, обладать социальной характеристикой» [Намитокова, Абрегов, 1998: 66]. В полной мере это

подтверждается ономастиконом, представленным в произведениях Фазиля Искандера.

Так как прозвища являются неофициальными именованиями человека, это согласуется с одной из дефиниций данной лексемы в «Словаре русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской – «вид антропонима, дополнительное имя, данное человеку окружающими людьми в соответствии с его характерной чертой, сопутствующим его жизни обстоятельством или по какой-либо аналогии» [Подольская, 1978: 115]. Особенности прозвищ в русском языке рассмотрены в ряде фундаментальных исследований [Чичагов, 1956; Данилина, 1979; Стрельцова, 2010]. Например, основы изучения русских прозвищ, а также их связь с древнейшей именной системой заложены в работе В.К. Чичагова, полагающего, что прозвища – это «слова, даваемые людям в разные периоды их жизни по тому или иному свойству или качеству этих людей и под которыми они известны обычно в определенном, часто довольно замкнутом кругу общества» [Чичагов, 1956: 5]. Аксиологический компонент прозвищ, по заключению Е.Ф. Данилиной, как важнейший аспект восприятия номинации личности, реализует одну из ключевых функций прозвищ – характеризующую [Данилина, 1979: 294]. Денотативные типы и структурно-семантические модели прозвищ представлены в работе М.Ю. Стрельцовой, полагающей, что прозвища «обладают следующими категориальными признаками: неофициальность, вторичность, факультативность, экспрессивность, непринужденность, мотивированность [Стрельцова, 2010: 9].

По В.И. Супруну, «ядро антропонимии составляют личные (крестные, полные) имена и их гипокористические (краткие, домашние) формы. Уменьшительно-ласкательные и увеличительно-уничижительные формы, а также отчества и фамилии располагаются в околоядерном пространстве с разной степенью отдаления от ядра в сторону периферии, а прозвища и псевдонимы образуют антропонимическую периферию» [Супрун, 2000: 8].

Как известно, национально-культурная маркированность семантики прозвищ подразумевает наличие у них фоновых коннотаций лингвокультурологического характера, способствующих трансляции объектов и явлений культуры. Такая способность прозвищ отражать культуру, как правило, зависит от мотивации и источника мотивации и позволяет делить их на две группы. Данная классификация основана на принципе, предложенном британскими учеными Дж. Морганом, К. О'Нилом и Р. Харрэ [Morgan J., O'Neill Ch., Harre R., 1979: 9, 36–42], суть которого заключается вовлиянии внешних и внутренних факторов на процесс имянаречения. Одна группа включает внешне мотивированные прозвища, созданные на базе экстралингвистических факторов (внешности, характера, поведения личности, профессии), другая – внутренне мотивированные прозвища лингвистического плана.

Группа внешне мотивированных прозвищ в художественных текстах Фазиля Искандера включает прежде всего отапеллятивные онимы (высокой продуктивностью отмечена простая семантическая онимизация, отражающая природные свойства именуемого объекта в момент номинации), онимы с апеллятивом в составе (апеллятив несет культурно обусловленные коннотации и является важным показателем способности отражать культуру) и онимы, созданные на основе антономазии (имя известной личности становится ярлыком, указывающим на конкретные качества).

Согласно нашим предыдущим заключениям, прозвища первой группы образованы путем первичной номинации и включают имена-характеристики, идентифицирующие личность в обществе:

1) **особыми приметами во внешности носителя**: *«У **Славика** было нежное румяное лицо, и он нравился девочкам. За все это он получил прозвище **Суслик»*** (Детство Чика, 2004: 360); *«У него* (Ремзика – Г.В.) *были огромные наивные глазища, из-за которых дядя шутя называл его «**Птица Феникс**»*» (Путь, 2004: 465);

2) **отдельным эпизодом из жизни его носителя**: «*Однажды Богатый Портной пришел в нашу школу, открыл класс во время урока, просунул туда голову, нашел глазами своего любимчика и, протягивая ему кулек, сказал:*

– Оник, горячие пончики…

Класс, конечно, повалился от хохота. Даже учительница не смогла сдержаться от смеха. Несколько лет после этого ***Оника*** *в школе называли* ***Горячий Пончик*** *или просто* ***Пончик***» (Путь, 2004: 532). «*В этот санаторий, расположенный в Абхазии, на берегу Черного моря, он* (Виктор Греков – Г.В.) *попал впервые. Санаторий предназначался служителям искусств, и путевки выхлопотала жена* (певица – Г.В.). *«****Зиночкин муж****», называли его здесь за глаза, но он на это нисколько не обижался»* (Человек, 2004: 507) [Гурцкая, 2008].

Вторичная номинация прозвищ более распространена и позволяет актуализировать следующие ассоциативно-семантические признаки носителя средствами выразительности:

1. Свойства характера (на основе метафоры): *«В нашей деревне, – начал Абесоломон Нартович, – недалеко от нашего дома жил пастух по имени* ***Гедлач****. У него было прозвище* ***Железное Колено,*** *данное ему за неутомимость»* (Сандро 3, 2005: 457), *«Однажды в училище, занимаясь боксом, он* (Алексей Ефремович – Г.В.[2]) *получил от противника сильный удар и пришел от этого в такую ярость, что ответным ударом выбросил противника из ринга, тот пролетел между канатами. После этого он получил прозвище* ***Железный Абхаз,*** *и прозвище это его радовало»* (Человек, 2004: 658), *«По тротуару, ведущему ко входу на базар, шел* ***Мотя Пилипенко****. Считалось, его и пуля не берет, и потому он имел прозвище* ***Мотя Деревянный***» (Детство Чика, 2004: 613).

Как видно, физическая и духовная несгибаемость героев у Фазиля Искандера сравнивается с твердостью металла и дерева и обозначается эпитетами *железный, деревянный*. Культ железа, характерный для культуры

[2] . Гурцкая Виктория (Гурцкая – девичья фамилия автора работы)

абхазского народа, является одним из мощных пластов традиционных верований, символизирующих сверхъестественную силу (*агәамч ҩәҩәа – железная воля*). Это созвучно с глубоким сакральным смыслом железа и стали в культуре русского народа, символизируя долголетие, твердость, несломленность,крепкое здоровье и др.: *железный / стальной характер, железная / стальная воля, железные / стальные нервы, железная хватка, железный организм, железные / стальные мускулы, железные / стальные руки, железная дисциплина, железное здоровье, железный аргумент, железная логика, железная гарантия, стальной голос, стальной взгляд* и др. Хотя дерево в традициях обоих народов издревле наделялось мощной жизненной силой, коннотативные значения эпитета «деревянный» в русской культурной традиции в отличие от эпитетов «железный» и «стальной» несут ярко выраженную негативную характеристику, уподобляя ее твердому и нечувствительному материалу, тем самым указывая на бесчувственность, бестолковость и неподвижность человека: *деревянное лицо, деревянный взгляд, деревянный голос, деревянная голова, деревянная походка*. В абхазской лингвокультуре эпитет «деревянный» также обладает отрицательными метафорическими штампами (*аҟәызгáа – деревянное лицо, идыс́у – деревянная походка*), однако Фазиль Искандер придает ему и положительное значение жизнестойкости подобно тому, как твердость дерева приравнивается к твердости металла (*Мотя Деревянный*).

Особого внимания заслуживает образ старика Шаабана Ларба, по прозвищу Колчерукий, в неофициальном имени которого вербально репрезентирована лингвокультурологическая информация: «*Старик **Шаабан Ларба**, по прозвищу **Колчерукий**, лежал, говорят, в городской больнице не то с аппендицитом, не то с грыжей (хотя по-русски правильней было бы сказать Сухорукий, но Колчерукий точнее соответствует духу, а следовательно, и смыслу прозвища)*» (Сандро 2, 2005: 326).

Так как взаимопроникновение культур неизбежно влечет за собой языковую интерференцию, можно наблюдать, как пополняется словарный

состав русского языка за счет словотворчества писателя-билингва. В творчестве Фазиля Искандера результатом синтеза русской и абхазской лингвокультур стали окказиональные образования, ставшие неотъемлемым компонентом индивидуально-авторского стиля писателя. Так как прозвище *Колчерукий* соответствует абхазскому анапыхьараҵь, т.е. «сухору́кий прил. анапҩа́, анапы́хьараҵь» [Касландзия, Джонуа, 2016: 313], у Фазиля Искандера индивидуально-авторский оним *Колчерукий* оформлен по моделям русской словообразовательной системы, когда имя прилагательное образовано сложением с интерфиксацией типа *колченогий, сухорукий*. Прозвище характеризуется наличием одновременно и первичной, и вторичной номинации.

Первичная номинация прямо указывает на физический недостаток героя (полувысохшую руку в результате попадания княжеской пули). Вторичная номинация с помощью стилистического способа, представленного метафорой, усиливает авторское отношение к персонажу, обращая внимание на «колчерукость» характера Шаабана Ларба, который «*и при жизни никому, говорят, покою не давал, а после смерти и вовсе распоясался*» (Там же: 327).

2. Привычки (на основе иронии и метафоры): *«**Зина Грекова** была певицей, и многие считали ее очень талантливой и предрекали ей большое будущее... Впрочем, ей легко все прощали за ее талант. В том числе и некоторое, еще, правда, не слишком опасное, пристрастие к выпивке. За это ее иногда шутливо называли **Пьющим Соловьем***» (Человек, 2004: 505)*;* «*Что я ему ни скажу, он мне отвечает: «Потом, потом». Я его даже называю про себя «**Андрей Потом**»*» (Там же: 492); «***Датуша** имел прозвище **Чистюля**. Он был физически необычайно опрятен и, кроме того, когда брался за какое-нибудь дело, доводил его до блеска, казавшегося окружающим излишним и даже глуповатым*» (Козы, 2007: 399). Примечательно, что прозвища, созданные на основе иронии, отличаются особенной популярностью во многих лингвокультурах, в том числе в абхазской.

3. Уникальные качества (на основе антономазии): «*Рядом со мной сидел тихий и скромный ученик. Звали его* ***Адольф Комаров****. Теперь он себя называл Аликом и даже на тетради писал Алик, потому что началась война и он не хотел, чтобы его дразнили* ***Гитлером****. Все равно все помнили, как его звали раньше, и при случае напоминали ему об этом*» (Там же: 56); *«Время от времени к Коле заходил единственный букинист нашего города. Звали его Иван Матвеевич. Имея в виду его деревянную ногу и свирепый океанский загар, мы его между собой называли* ***пиратом Сильвером***» (Софичка, 2004: 612); «*У* ***Анести*** *было прозвище* ***Боцман****, потому что он умел свистеть сочетанием любых пальцев. Это у него хорошо получалось*» (Детство Чика, 2004: 354); «*Тебя,* ***Карташов*** (летчик по профессии – Г.В.)*, чекисты заметут, – кричал Коля потом. – Мухус – Магадан будет твоим первым беспосадочным перелетом! И не будет снимка в «Правде» – Джугашвили облапил нового* ***Чкалова****!*» (Софичка, 2004: 611). Как видно, данные отпрецедентные прозвища обусловлены сходством с именем известной исторической личности или лица определенного рода деятельности.

Итак, мотивирующие признаки прозвищ в художественных текстах Фазиля Искандера отражают основные характеристики носителей средствами первичной или вторичной номинации.

Функцию вторичной номинации, несомненно, призваны выполнять собственно прецедентные онимы, обладающие такими компонентами коннотативного значения, как эмоциональность, оценочность, социальность и экспрессивность. В этой связи перспективной видится позиция Е.А. Нахимовой, которая рассматривает прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации с позиций когнитивно-дискурсивной парадигмы, как неотъемлемую часть национальной культуры в ее историческом развитии, тесно связанную с национальными ценностями и традициями [Нахимова, 2011]. При этом систему прецедентных феноменов, включающую в том числе прецедентные онимы (помимо прецедентных высказываний, прецедентных текстов и прецедентных ситуаций),

представляем как «один из инструментов трансляции «культурной памяти» народа от одного поколения к другому и одновременно способ объединения народа вокруг культурных ценностей и нравственных идеалов. Прецедентные феномены часто выступают как нравственные эталоны нации, фиксирующие ее оценку реальности» [Там же: 13].

Обладая комплексом коннотативных признаков, прецедентные онимы также располагают широким потенциалом для смыслового варьирования средствами стилистических эффектов речи. Так, использование антономазии как гибрида перифразы и метафоры (дефиниция Т.Г. Хазагерова и Л.С. Ширина), основанного «на использовании собственного имени, обычно широко известного, вместо нарицательного, называющего другое лицо» [Хазагерова, Л.С. Ширина, 1999: 208] позволяет указывать в художественных текстах Фазиля Искандера на «вечные образы» мировой культуры, что нередко приводит к компрессии смысла:

– *Грязный, провинциальный* ***Дон-Жуан****, – сказал он про Марата, – никакой идейности* (Человек, 2004: 540), имея в виду аморального и ненасытного соблазнителя женщин;

– *А еще говорил, что в любви* ***Наполеон****, – наконец упрекнула его* (Марата – К.В.) *прекрасная незнакомка* (Сандро 3, 2005: 66), намекая на всепоглощающую, почти болезненную страсть героя.

– *Мадам, – тихо ответил ей Марат, улыбаясь блуждающей улыбкой, – у всякого* ***Наполеона*** *есть свой* ***Ватерлоу*** (Там же: 66), отмечая, что даже самый успешный и самоуверенный человек рано или поздно сталкивается с сокрушительным поражением или крахом своих амбиций;

«*Я – стареющий* ***Ромео*** *и она – все еще молодая* ***Джульетта***» (Софичка, 2006: 253), подчеркивая вечное и жертвенное чувство юношеской влюбленности, преодолевающее время.

Нередко с целью обобщения социального или психологического типа уникальной исторической личности или литературного героя Фазиль Искандер употребляет антономазию во мн.ч., тем самым указывая на

аллюзию имени, а также типичность описываемых явлений и качеств для общества или эпохи. Так, для обозначения наивных мечтателей и бескорыстных идеалистов, самоотверженно борющихся за справедливость, часто не замечающих безнадежности своих усилий, писатель использует прецедентное имя **Дон Кихоты**: «*Культура должна определить цивилизацию и возглавить племя. Возможно ли? Не будем унывать.* ***Дон Кихоты*** *всего мира, по коням!*» (Сандро 3, 2005: 420). В «Случайных записках», рассуждая об американском национальном характере, Фазиль Искандер проводит параллель с прецедентным именем **Робинзоны,** позразумевая способность американцев начать новую жизнь и выживать в самых суровых условиях: «*В свое время они* (американцы – К.В.) *пересекли океан, чтобы начать новую жизнь. В те далекие времена пересечь океан было почти то же самое, что переселиться на другую планету. Сознание, что ты начинаешь новую жизнь на новой земле, означало собрать все силы для новой жизни в условиях, когда можно было надеяться только на самого себя. Миллионы* ***Робинзонов*** *основали Америку. Энергия и предприимчивость стали национальной традицией»* (Паром, 2004: 518). Размышляя о бунте ненависти и бунте любви в «Капитанской дочке», Фазиль Искандер отождествляет прецедентное имя **Пугачевы** с советской тоталитарной эпохой, на которую выпали его детство и юность, чем объясняет свое подсознательное отторжение от любой тирании и тягу к народной нравственности и человеческому достоинству: «*Но я-то читал этот роман, когда* ***малые*** *и* ***большие Пугачевы*** (государственные деятели и партийные руководители разного уровня власти – К.В.) *правили страной, и хотя сознательно, конечно, этого не понимал, но бессознательно, поэтически был равнодушен к Пугачеву и любил Савельича*» (Там же: 457).

Как видно, прецедентность онимов в художественных текстах Фазиля Искандера выступает одним из мощных инструментов смыслообразования.

Группа относительно немотивированных прозвищ незначительна и, как известно, не позволяет установить мотив создания прозвища либо мотивированность со временем утрачивается:

– Привет, ***Урюк****! Я тебя давно ожидал, Урюк!*

– Ты, – говорю, – дружок, обознался. Меня зовут ***Адгур****…*

– Нет, – кричит, – ты Урюк!..

*Теперь я думаю, где сушеный абрикос, где я? Если б я худой был, тогда другое дело****.*** *Видно, в самом деле псих* (Сандро 3, 2005: 36).

В текстах Фазиля Искандера прозвищами нередко наделяются и неодушевленные объекты. Так, буйвол Широколобый дал своему сопернику-трактору прозвище, тем самым олицетворяя его: *«Однажды он* (Широколобый – В.Б.Г.В.) *увидел, как трактор возле фермы проспал дней двадцать. Спит и спит... Обычно про себя его называл* ***Сонливый Крепыш.*** *А когда злился –* ***Тупой Крепыш***» (Там же, 2005: 252)***.**

Как известно, одной из макротекстологических задач в пространстве художественного текста является интродукция имени, в том числе и прозвища, что оказывает значительное влияние на его дальнейшее существование в произведении. Нами выявлены следующие способы интродукции прозвищ:

1) введение имени, затем прозвища. Данный способ интродукции прозвища является традиционным и отличается высокой частотой употребления, нежели другие: «*У* ***Михаила Аркадьевича*** *прозвище* ***Белобандит****. Так следователь назвал его когда-то*» (Человек, 2004: 80);

2) введение прозвища, затем имени. Данный способ встречается однократно: «***Богатый Портной,*** *как и положено Богатому Портному, занимал три комнаты в верхнем этаже нашего дома... Вообще-то звали его* ***Сурен,*** *но Богатым Портным его сначала называли его за глаза, но потом, видя, что он не обижается, все чаще и чаще стали называть его так и в глаза*» (Путь, 2004: 525);

3) одновременное введение имени и прозвища: *«Он вспомнил мягкие, сильные руки своей массажистки* ***Элеоноры Леонтьевны Картуховой*** *или* ***Картучихи,*** *как ее обычно называли гагринцы, да и сам принц, когда бывал шутливо, или, наоборот, сердито настроен»* (Сандро 1, 2005: 70);

4) введение прозвища с помощью прямой речи: «*Но,* ***Лаврик,*** (Лаврентий Павлович Берия – Г.В.) *пойми... Мне было стыдно, и он совсем не рассердился*» (Там же: 378); «*Как ты думаешь,* ***Хрущит*** (Никита Сергеевич Хрущев – Г.В.) *поможет? – спросил он* (дядя Сандро – Г.В.)*, называя его на абхазский манер* (Там же: 57).

Как видно, порядок ввода прозвищ в текстах Фазиля Искандера выступает одним из средств их идентификации.

По наличию/отсутствию прозвища героев Фазиля Искандера можно разделить на три группы:

1) герои, у которых есть и имя, и прозвище: *Мотя Пилипенко – Мотя Деревянный; Шаабан Ларба – Колчерукий – Шаабан Колчерукий – Сухорукий; Иосиф Сталин – Покровитель – Присматривающий – Хозяин – Старший в Доме – Коба;*

2) герои, у которых есть имя, но нет прозвища: *Нури, Хасан, Хабуг, Аслан, Щазина, Марат.* Таким образом писатель не дает дополнительной характеристики героев и не фиксирует внимание читателя на их отличительных чертах;

3) герои, у которых есть прозвище, но нет имени: *«Впрочем, больше никому не удалось покататься на лошади, потому что пришел хорошо известный на этой улице драчун и заводила по прозвищу* ***Кабан****»* (Детство Чика, 2004: 266); *«К ним приближались два брата-близнеца... они всегда оставались серьезными. За все это им дали общее прозвище –«****Два Брата - Гроб да Лопата****»*» (Там же: 375)**.** Наличие прозвища напрямую связано с устоявшимися качествами его носителя/ей и лучше отражает характер.

Вторым способом образования прозвищ в текстах Фазиля Искандера является единичный пример трансонимизация, когда личное имя переходит в разряд прозвища. Так, значительной экспрессивностью отличается образ 13-летнего мальчика Чика (возможно, Чик от «мальчик»), любознательного и смелого, имя которого ассоциируется с простотой, непосредственностью и

детской наивностью. Известно, что «*у Чика прозвища не было, потому что многие самое его имя воспринимали как прозвище*» (Там же: 354).

Одним из наиболее распространенных приемов в текстах Фазиля Искандера выступает авторское эллиптирование отапеллятивных прозвищ, реализующее эстетическую функцию персонажа. Эллиптируются как правило двухкомпонентные конструкции. Отсекаться могут как субстантивы, так и адъективы: *Тыквоголовый Красавчик – Тыквоголовый; Горячий Пончик – Пончик.*

Нередко искандеровские прозвища образуются путем словосложения с интерфиксами -о- и -е- или без них (сращением), что способствует реализации стилистической функции благодаря выразительности речи: *Белобандит, Тыквоголовый, Большеусый, Науходоносор.*

Крайне редко в текстах Фазиля Искандера встречается ситуация, когда «прозвища имитируют народную традицию обращения к уважаемому человеку по отчеству, однако фактически это онимоупотребление пародируется, тем более, что в интеллигентной среде эта форма обращения не допускается» [Данилина, 1979: 102]. Так, например, учитель русского языка Акакий Македонович имел прозвище *Закидонович* за свою привычку писать правила русской грамматики в стихах, когда другим учителям такие «закидоны» и в голову не пришли бы.

В романе «Сандро из Чегема» прозвищами обладают и политические деятели советской эпохи: *Иосиф Виссарионович Сталин – Коба, Хозяин, Старший в Доме, Присматривающий, Вилгелм Телл, Большеусый; Лаврентий Павлович Берия – Лаврик; Никита Сергеевич Хрущев – Хрущит; Нестор Аполлонович Лакоба – Глухой.* При их использовании возникает ситуация, которую Н. В. Васильева обозначает как «ономастическая контрабанда», подразумевая ««протаскивание» имени в свою личную сферу, когда на то у говорящего нет никаких официальных прав» [Васильева, 2021: 177]. Очевидно, что использование подобной формы именования исключительно в заглазном нарративе позволяет говорящему подчеркнуть

свою приближенность кругу именуемого лица. Так, в романе «Сандро из Чегема» читаем: – *Лаврентий, – тихо сказал Сталин… – Оказывается,* ***Глухой*** (Лакоба – Г.В.) *не только в кадрах разбирается…* (Сандро 1, 2005: 356); «***Большеусый*** (Сталин – Г.В.), *когда у него хорошее настроение, подзывает к себе своего ребенка, чтобы дать ему конфету*» (Путь, 2004: 426).

По структуре все прозвища, функционирующие в текстах писателя, можно разделить на две группы:

1) однокомпонентные, преимущественно отапеллятивные: *Водолаз, Силач, Хозяин, Покровитель, Боцман, Науходоносор, Суслик, Белобандит, Чистюля, Пончик, Большеусый, Колчерукий, Глухой, Сухорукий, Тыквоголовый,* реже отонимные: *Гитлер*, *Сильвер*, *Чкалов*;

2) поликомпонентные, созданные по следующим моделям: а) адъектив+субстантив (*Горячий Пончик, Тыквоголовый Красавчик, Железный Абхаз, Богатый Портной, Сонливый Крепыш, Железное Колено;* б) субстантив+адъектив (*Мотя Деревянный*, *Шаабан Колчерукий*, *Георгий Свирепый*); приложения (*Философ-мистик*, *Теймыр-головорез*, *Андрей-Потом*, *Два Брата-Гроб да Лопата*).

Очевидно, что поликомпонентные прозвища дают более детальную характеристику о его носителе, выполняя, помимо аксиологической и характеризующей функций, еще и эмоционально-экспрессивную функцию.

2.6. Афоризмы и афористические выражения с онимными компонентами и отонимными апеллятивами

Проблема вербализации этнокультурных ценностей видится одной из важнейших в современной науке. В этом контексте, на наш взгляд, особый интерес представляет «афористический дискурс как неоднородное коммуникативное явление, предусматривающее создание и воспроизведение текста под влиянием определенных нелингвистических факторов, которые детерминированы намерениями участников общения, их жизненными установками, психологическими потребностями, нравственными позициями,

особенностями самооценки, эмоциональным настроем и т.д.» [Башиева, Шогенова, 2023: 96].

Одной из наиболее актуальных проблем во фразеологической науке остается определение ее объема. К настоящему моменту сформировалось два подхода в ее решении: «узкий» и «широкий». Согласно «узкому» пониманию (А.И. Молотков, В.П. Жуков, А.И. Федоров, Ю.А. Гвоздарев, В.Н. Телия, В.М. Мокиенко и др.), к фразеологии относится только ядро фразеологии, представленное фразеологическими сращениями и фразеологическими единствами. Так, основатель ростовской фразеологической школы Ю.А. Гвоздарев в своей монографии «Основы русского фразообразования» (2010) говорит о фразеологических единицах в «узком» смысле, как о «целостных сущностях языка, языковых знаках, являющихся наравне со словами строительным материалом для речи» [Гвоздарев, 2010: 16]. Сторонники «широкого» понимания (В.В. Виноградов, В.Л. Архангельский, Н.М. Шанский, А.М. Мелерович, С.Г. Гаврин и др.) включают в состав фразеологии не только ядро, но и периферию, т.е. все четыре группы фразеологических единиц, в том числе фразеологические сочетания и фразеологические выражения, куда входят афоризмы, пословицы, поговорки, крылатые выражения и т.д. Полагаем, что с точки зрения ядерно-периферийных отношений в языке оба подхода дополняют друг друга. В данной работе мы придерживаемся «широкого» понимания объема фразеологии, как наиболее соответствующего поставленной цели и задачам.

Очевидно, что в ряду ключевых вопросов фразеологии и афористики стоит проблема определения границ между их центральными понятиями – фразеологической единицей и афоризмом. Согласно «Словарю лингвистических терминов» О.С. Ахмановой, фразеологическая единица – «словосочетание, в котором семантическая монолитность (цельность номинации) довлеет над структурой раздельностью составляющих его элементов (выделение признаков предмета подчинено его целостному обозначению), вследствие чего оно функционирует в составе предложения

как эквивалент отдельного слова» [Ахманова, 2025: 503]. Что касается афоризма, то Л.Б. Савенкова, указывая на его этимологию (от др.-греч. «определение»), предлагает одну из известных дефиниций данного термина – «изречение, выражающее в сжатой форме значительную мысль» [Савенкова, 2002: 70]. По мнению С.К. Башиевой и М.Ч. Шогеновой, «афоризмы информативны, экспрессивны, ситуативны и влияют на сознание людей своей идейностью и перспективностью, дают основание для их использования в общении как средство оценки и способ самовыражения» [Башиева, Шогенова, 2023: 96].

В работе мы опираемся именно на данную интерпретацию афоризма, что обусловлено поставленной целью. В контексте авторства афоризма актуальной видится позиция Н.Ф. Алефиренко и Н.Н. Семененко, рассматривающих афоризм как «устойчивое книжное выражение, кратко и оригинально излагающее авторское мнение относительно какого-либо жизненного явления или философского понятия» [Алефиренко, Семененко, 2009: 242]. В понимании афоризма мы придерживаемся фразеологического подхода, разработанного А.В. Корольковой, которая указывает на ряд смежных признаков фразеологизмов и афоризмов, таких как: наличие в структуре слов-концептов, краткость (не более трех предложений), паспортизированность, воспроизводимость и раздельнооформленность. О генетическом родстве фразеологии и афористики свидельствует также соотнесенность семантических полей русской афористики с фразеологическими полями русской фразеологии на фоне единых концептуальных доминант [Королькова, 2006: 5]. Однако, несмотря на наличие у них общих признаков, фразеологизмы и афоризмы не могут быть тождественны по той причине, что фразеологизм представляет собой незаконченное в семантическом и грамматическом отношениях словосочетание [Молчкова, 2013; Щукина, 2012], тогда как афоризм всегда обладает законченностью. Таким образом, афоризм считаем самостоятельной языковой единицей фразеологического порядка.

Учитывая лингвокультурологический характер данного исследования, считаем необходимым актуализацию таких базовых понятий лингвокультурологии, как культура и метаязык. Так, В.Н. Телия позиционирует культуру как «особый тип знания, отражающий сведения о рефлексивном самосознании человека в процессах его жизненных практик» [Телия, 1996: 18]. В операциональной концепции Р. Якобсона метаязык назван «решающим внутриязыковым фактором» [Якобсон, 1985: 382]. Несомненной в таком случае остается реализация фразеологизмами, в том числе и афоризмами, «функции вербализованных знаков «языка» культуры» [Фразеология в контексте культуры, 1999: 23].

В связи с этим в лингвокультурологических исследованиях следует отметить исключительную роль обращения к человеку как носителю и творцу языка и культуры, поскольку лингвокультурология – «достояние собственно антропологической парадигмы науки о человеке» [Телия, 1996: 222].

Анализ афористической системы русскоязычного писателя Фазиля Искандера позволяет утверждать, что в целом она носит антропоцентрический характер, так как семантически ориентирована на человека, его духовную и морально-нравственную жизнь, психологическую деятельность, личностные характеристики и др.

Предыдущие исследования обнаруживают некоторые способы вербализации лингвокультурологической информации в афоризмах и афористических выражениях. Одним из них является использование лексических средств за счет расширения семантического объема афористических единиц комплексом аксиологических и антиаксиологических доминантов, транслирующих средствами русского языка ряд важнейших компонентов национальной и индивидуально-авторской картин мира писателя. Выделим следующие некоторые ценности и антиценности с онимными компонентами и отонимными апеллятивами:

1) **Бог / Христос как абсолютная духовная ценность**: «*Без Бога человеку некуда расти! Он плющится*» (Козы, 2004: 666), «*Все в его* (Бога – К.В.) *руках... Если он захочет, женщина и медвежонка родит...*» (Сандро 2, 2005: 92), «*Он* (Великий Весовщик – К.В.) *придумал нашу бессмертную душу для нашей земной жизни. Для чего? Для того, чтобы человек ужасался от мысли, что его загрязненная душа будет вечно смердеть в вечности, как горящий навоз*» (Сандро 3, 2005: 523), «*Богу абсолютно все равно – поэт ты или дворник. Он ревниво следит только за тем, насколько человек близок к исполнению его заповедей*» (Паром, 2004: 478), «*Блудный сын пришел к отцу, когда ему стало совсем плохо. Так и человечество придет к Богу*» (Там же: 519), «*Без Бога нельзя объяснить появление нашего мира. И это абсолютно логично. Но с Богом трудно, неимоверно трудно объяснить его терпимость к подлостям нашего мира. Отсюда можно заключить: Я знаю, откуда взялся Бог, но я не знаю, куда он потом делся*» (Там же: 538), «*Если бы все человечество выбрало одну точку во вселенной и стало считать эту точку Богом, исчисляя всю свою жизнь именно от этой точки, исчисление оказалось бы правильным, независимо от условности этой точки*» (Там же: 538), «*Бог – тоска по смыслу*» (Там же: 565); «*Космический холод мира преодолевается лаской. В этом чудо учения Христа*» (Там же: 583) [Кварчия, 2026].

2) **А.С. Пушкин как фундаментальная ценность русской культуры**: «*Пушкин – Гольфстрим русской культуры*» (Там же: 407), «*Пушкин – наш последний шанс. И если мы еще иногда способны шутить – это тоже Пушкин*» (Там же: 370), «*Пушкин умудряет молодость и молодит старость. Вживляет юмор в личинку смерти. Ювелирная работа*» (Козы, 2004: 510); «*Я бы предложил в порядке шутки, похожей на правду, будущим политическим деятелям России, положив руку на томик Пушкина, давать клятву народу, что перед каждым серьезным политическим решением они будут перечитывать Пушкина, чтобы привести себя в состояние мудрого пушкинского равновесия*» (Паром : 370);

3) **Россия как ценность народовластия и государственности**: «*Россия должна забеременеть демократией. И когда народ поймет, что это уже случилось, он успокоится*» (Там же: 406);

4) **Моцарт / моцартианство как ценность бескорыстия:** «*Для меня Моцарт не столько идеал солнечного таланта, сколько идеал солнечного бескорыстия*» (Там же: 414), «*Быть рядом с Моцартом, более признанным музыкантом, – это получать дополнительное благо от музыки, облагородить свой облик духом моцартианства*» (Там же: 414);

5) **Сальери / сальерианство / сальеризм как антиценность алчности**: «*Направленность пафоса Сальери в том, чтобы как можно больше благ иметь от музыки*» (Паром, 2004: 414), «*Сальерианство возможно на достаточно высоких уровнях таланта, лишь бы при этом знаменатель, то есть корысть, был бы соответственно большим*» (Там же: 414), «*Через сто лет победа сальеризма обернется пусть временной, но кровавой победой фашизма*» (Там же: 422);

6) **Байронизм как антиценность нравственности**: «*Байронизм – подоблачная пошлость*» (Там же: 513).

Нередко в афоризмах Фазиля Искандера репрезентируются универсальные ценности и антиценности без онимного компонента, выраженные апеллятивами и понятные всем людям, независимо от их культурной принадлежности:

1) **Жизнь как высшая базовая ценность**: «*Жизнь – это домашнее задание, данное человеку Богом*» (Козы, 2004: 657), «*Мы живем для того, чтобы любоваться этой жизнью*» (Сандро 2, 2005: 141), «*Жизнь – это бесконечная склонность к порче, но, что особенно важно, и бесконечная склонность удерживаться от порчи*» (Сандро 3, 2005: 551);

2) **Добро / доброта как высшая нравственная ценность**: «*Самое крошечное добро есть великое добро, когда оно делается без всякой задней мысли, от чистого сердца!*» (Козы, 2004: 659). Как видно, для усиления экспрессии внутри афоризма употребляется фразеологизм «*без задней*

мысли», имеющий значение «без скрытого умысла», а также эпитет «*чистое сердце*», подразумевающий искреннего человека. «*Самое великое свойство души – доброта. Самое естественное состояние доброй души – добродушие*» (Сандро 3, 2005: 305); «*Если каждый делает добро в пределах своих возможностей, возможности добра становятся беспредельными*» (Паром, 2004: 527);

3) **Совесть как личностная ценность**: «*Совесть – это стыд передо мной* (Богом – К.В.), *но многие люди еще недостаточно разумны, чтобы это понимать*» (Козы, 2004: 666), «*Совесть – практика Бога, которую люди не очень спешат подхватить*» (Паром, 2004: 583), «*Аппарат совести тоньше устроен, чем аппарат ума*» (Там же: 555);

4) **Предательство как социальная антиценность**: «*Предательство – это всегда убийство чужими руками своего человека*» (Козы, 2004: 94), «*Животные вообще никого не предают, предают только люди*» (Сандро 1, 2005: 400), «*Лучше погибнуть от предательства друга, чем заранее заподозрить его в предательстве*» (Козы, 2004: 656),

7) Убийство как абсолютная экзистенциональная антиценность: «*Убийство человека – это плевок в Бога*» (Там же: 459), «*Миллионы нитей от человека к Богу искусственно обрываются, когда люди убивают людей*» (Там же: 459).

Как видно, в афористическом материале писателя ряд морально-нравственных ценностей и антиценностей тесно связан с онимами, отонимными апеллятивами и апеллятивами.

Вторым способом вербализации лингвокультурологической информации в афоризмах и афористических выражениях является использование стилистических средств выразительности, усиливающих индивидуально-авторское восприятие окружающего мира. Так, в высказываниях, построенных по принципу градации на основе синтаксической анафоры, в пределах которых происходит нарастание интенсивности мысли, реализована функция фокусировки внимания на

проблему аморфного влияния толпы на человека, что в свою очередь определяет выбор эксплицитной и имплицитной концептуальной информации: *«Человек в толпе смелее себя – толпа воинственна. Человек в толпе трусливей себя – толпа неожиданно шарахается в панике. Человек в толпе подавляет свой ум – опасно высовываться. Человек должен быть равен самому себе, и потому ему не место в толпе»* (Паром, 2004: 477). Конструкции подобного типа тесно связаны с такими жанрами устно-речевого дискурса как благопожелания, напоминающими в том числе и застольные тосты, столь распространенные на Кавказе. Лексическое сочетание «*человек в толпе*» повторяется трижды, участвуя в создании однотипных синтаксических конструкций для реализации функций когезии и когерентности. Градационная организация данного фрагмента подразумевает обращение к культурному коду, понятийным аппаратом которого является концепт «*человек»*. Автор также использует антитезу *смелее-трусливей, воинственна-шарахается в панике* для создания контраста и усиления экспрессивного эффекта. К тому же на лингвокультурологический потенциал афористического высказывания наслаивается прагматический аспект посредством употребления лексемы *человек*, транслирующей концептуальный смысл на человека вообще, а не на какого-то конкретного.

Нередко афористические выражения, проецирующие бинарные концепты «*женщина*» и «*мужчина*» как отражение гендерных стереотипов, построены на основе сравнения, лексических повторов и антитезы, выполняющих функции создания контраста и усиления выразительности: «*Женщина по отношеню к внешним приметам жизни гораздо наблюдательней мужчины. Думаю, это идет от древнейшего инстинкта защиты своего ребенка. Надо было зорко озираться, чтобы защитить своего ребенка от внешних угроз. И зоркость к внешним проявлениям стала привычкой. Мужчина с самого начала больше сосредотачивался на внутренней жизни. Ему надо было обдумать модель будущей охоты, чтобы прокормить семью. И это стало привычкой. От обдумывания модели*

будущей охоты он дошел до обдумывания ***модели*** *мира, в котором мы живем. Разумеется, в живой жизни бывают исключения в обе стороны*» (Там же: 495).

2.7. Онимы как репрезентанты ключевых концептов

Несомненно, ономастикон произведений Фазиля Искандера представляет собой один из наиболее эффективных механизмов объективации культурных кодов. В силу большой информативности он составляет фрагмент языковой картины мира, транслирует лингвокультурные сведения о социуме, выступает маркером прецедентности и интертекстуальности, является одним из средств расширения смыслового объема конкретных географических объектов и образов до культурно-нравственных пространств и понятий благодаря синтезу общенациональных и личностных установок. В связи с этим художественные тексты Фазиля Искандера становятся материалом актуализации таких ключевых концептов, как «Сандро», «Чегем», «Сухум» и «Бог», представляющих картину мира абхазов, передают и передающих систему их взглядов, убеждений и этнических привычек. Для выявления специфики их моделирования в данной работе использован лингвосемиотический подход, предложенный В.И. Карасиком [Карасик, 2012; 2021]. В соответствии с ним для концепта первичен знак, включающий означающее и означаемое.

При рассмотрении структуры концепта мы опираемся на полевую модель концепта З.Д. Поповой и И.А. Стернина [Попова, Стернин, 1999], предполагающую описание ядра как базового слоя с информационным содержанием и внутренней формой слова и периферийных зон (ближней периферии, содержащей энциклопедические сведения, и дальней периферии, охватывающей социокультурный контекст, с комплексом когнитивных признаков).

Следует отметить, что в структуре концепта могут отсутствовать многочисленные когнитивные слои, что исключает последующее наслоение

значений, однако базовый когнитивный слой с чувственно-образным ядром есть у всех концептов (например, однослойная структура концепта «Сухум»). Такой подход способствует как анализу структуры концепта, так и выявлению механизмов сохранения национальной самобытности в условиях культурной интеграции.

2.7.1. Концепт «Сандро»

Изучение концепта «Сандро» имеет первостепенное значение для осмысления национальной картины мира абхазов, их мировоззренческих представлений и уклада жизни. В предисловии к роману Фазиля Искандер заметил: «Начинал я писать «Сандро из Чегема» как шуточную вещь, слегка пародирующую плутовской роман. Но постепенно замысел осложнялся, обрастал подробностями, из которых я пытался вырваться на просторы чистого юмора, но вырваться не удалось» [Искандер, 2014: 1].

Говоря об интерпретации значения онима Сандро, мы исходим из объяснения этимологии данного онима – «ит. Sandro усеч. Алессандро (Александр)» [Суперанская, 2005: 194], что явно созвучно с фамилией писателя – Искандер, которая «ведет свое начало от восточного варианта древнегреческого имени Александр, …«одерживающий победу, победитель»» [Попов, Гундарин, 2022: 37].

Очевидно, что оним Сандро как именование главного героя романа «Сандро из Чегема» занимает особое место в литературном творчестве Фазиля Искандера, поэтому он вынесен автором в название романа. К тому же данный оним обладает ономастической вариативностью, выступающей одним из средств создания художественного образа. Самым частотным вариантом именования является *дядя Сандро* – 1490 ед. (весь город называл его именно так), менее частотны *Сандро* – 187 ед., *Сандро из Чегема* – 9 ед., *Сандро Чегемский* – 8 ед., *товарищ Сандро* – 7 ед., *Сандро Чегемба/Чегенба* – 2 ед., *Сандро Хабугович* – 1 ед. В связи с этим очевидна ключевая роль онима Сандро в концептуализации художественного мира писателя.

В работе выявлено два основных способа вербальной репрезентации концепта «Сандро». Один из них предполагает использование лексических средств путем наращивания лексического объема концепта «Сандро» совокупностью когнитивных признаков, транслирующих различные стороны образа Сандро. Так как компоненты концепта «Сандро» представляет собой иерархию слоев, следует выделить ядерный и периферийный участки, составляющие его полевое описание. Многослойную структуру концепта «Сандро» можно сравнить со структурой концепта «Чегем» [Кварчия, 2024], также имеющего базовый слой, ближнюю и дальнюю периферии с комплексом когнитивных признаков. Однако ближняя периферия концепта «Сандро» представлена большим количеством лексических средств, что свидетельствует о богатстве вербальной составляющей данного концепта.

Для Фазиля Искандера Сандро прежде всего – тамада, что согласуется с дефиницией данной лексемы – «распорядитель пира, застолья» [Ожегов, Шведова,1992: 1980], поэтому ядро концепта «Сандро» составляет понятие «вечный тамада». В связи с этим Фазиль Искандер подчеркивает, что «*за столом вообще лучше его нет человека*» (Сандро 1, 2005: 504); без Сандро «*никто ни к чему не хочет притронуться*» (Там же: 67); Сандро свое «*чутье* (на возможности гостеприимства – К.В.) *развил до абсолютного слуха, что отчасти позволило ему стать знаменитым в наших краях тамадой, так сказать, самой веселой и в то же время самой печальной звездой на небосклоне свадебных и поминальных пиршеств*» (Там же: 15); Сандро «*настоящий профессионал, привыкший к настоящим мастерам застолья*» (Сандро 2, 2005: 50); достигший славы «*одного из лучших украшателей стола, веселого и мудрого тамады*» (Сандро 1, 2005: 45); находит «*время на всякое мало-мальски заметное застолье (в пределах Абхазии)*» (Там же: 140), к тому же имевший «*твердость в ногах при питье*» (Там же: 105) и сделавший блестящую карьеру «столодержца». Однако следует отметить, что в тексте романа нет ни одного описания того, как Сандро вел застолье. По признанию самого писателя, он намеренно «*избегал такого рода сцен, тем*

самым создавая в воображении читателя мифический ***образ великого тамады****, который только и соответствует величию* ***лучшего дирижера кавказского застолья****. В этом деле* ***он*** (Сандро – К.В.) ***божество****, а пытаясь зафиксировать реальность божества, мы неизменно ослабляем его божественную реальность*» (Сандро 3, 2005: 453).

Как видно, в данном фрагменте Фазиль Искандер пользуется приемом авторского мифотворчества с целью создания специфического образа реальности, а также для имманентности человеческого сознания, что позволяет автору выстроить систему образов языковой картины мира.

Несмотря на явную мифологичность образа Сандро, в новелле «Харлампо и Деспина» встречается упоминание о вполне реальных физических возможностях дяди Сандро, ведь его могла перепить только тетушка Хрисула, большая любительница домашней водки, которую «*никто не переговорит, не переест и даже не перепьет! Дядя Сандро, может, и смог бы ее перепить, да ведь она его сначала заговорит до смерти, а потом уж и перепьет*» (Сандро 2, 2005: 276).

Очевидно, что для концепта «Сандро» характерен синтез реального и фантастического пространства и времени. Благодаря раздробленности и хронологической непоследовательности новелл в романе, образ Сандро обретает почти фантастическое бессмертие. Так, вначале романа дяде Сандро почти 80 лет, «*так что даже по абхазским понятиям его смело можно назвать старым человеком*» (Сандро 1, 2005: 8), а уже во второй новелле описывается время, когда он был молод и «*прогремел как один из лучших танцоров знаменитого абхазского ансамбля песен и плясок под руководством Платона Панцулая*» (Там же: 44). Дядя Сандро то умудренный опытом старик, то веселый и изворотливый молодой человек, бессмертный, как и сам народ, который как «*море никогда не пропадет*» (Сандро 2, 2005: 617). По справедливому замечанию Н. Ивановой, «неукротимый дух дяди Сандро неподвластен времени, и с последних страниц романа он удаляется упругой, полной сдержанного достоинства походкой» [Иванова, 1990: 230].

Пространственная организация концепта «Сандро» также принимает формы реального и ирреального. Так, герой и плут Сандро динамично перемещается из родного села Чегем в выдуманные писателем города Мухус, Эндурск и Кенгурск, из новеллы в новеллу возвращаясь в «милый Чегемчик», что позволяет читателю выйти за рамки конвенционального нарратива.

Ближняя периферия концепта «Сандро» представлена важнейшими лексическими единицами, транслирующими специфику образа Сандро:

1. **Психологический портрет Сандро**, отражающий поведенческий аспект и представленный когнитивными признаками, как:

1) любознательность и внимательность (*–Дарю тебе* (цейсовский бинокль – К.В.) *за любознательность и остроглазие, – сказал принц Ольденбургский и кивнул на бинокль адъютанта*) (Сандро 1, 2005: 96), ***дерзость*** («*Скотопромышленник обратился к своим сторонникам, но те, сломленные дерзостью Сандро, ... решили, что он все-таки должен продолжать игру* (в нарды – К.В)») (Там же: 124);

2) развитое критическое мышление (*– Меня не проведешь, – улыбается он* (Сандро – К.В.) *довольный. – Сандро из Чегема кое-что видел на свете…*) (Там же: 51);

3) безотказность к просьбам соседей (*– Зятя впускают в дом, – пояснил он причину посещения женщины, –… хотят, чтобы я был тамадой. Невозможно отказать – соседи*) (Там же: 40); ***везение*** (*– Ах ты, везунчик, – сказал переводчик по-абхазски*) (Там же: 96), («*любимец самой жизни*») (Сандро 2, 2005: 553);

4) известность («*участник ансамбля известный Сандро Чегемский*») (Сандро 1, 2005: 329);

5) требовательность («*взыскательный взгляд дяди Сандро*»);

6) скептицизм («*дядя Сандро не был бы дядей Сандро, если бы тут же не вносил в свое утверждение долю сомнения*») (Там же: 209);

7) эксплуатация чужого труда («*вечно присматривающий, кто бы из окружающих мог бы на него поработать*») (Сандро 2, 2005: 278);

8) хитрость (*«дядя Сандро любил прогуливаться с камчой, но не потому, что стремился оседлать ближнего. Здесь была своего рода военная хитрость, самооборона. Если у тебя вид человека, стремящегося оседлать ближнего, … то уж, во всяком случае, тебя не слишком будут стремиться оседлать другие»*) (Сандро 1, 2005: 144), («дядя Сандро *при всем своем* ***лукавстве*** *не мог нарушить законы дружбы, даже ради своей пламенной страсти»*) (Сандро 2, 2005: 137);

9) здоровый эгоизм (*«верный своему правилу за большими общественными делами не забывать маленьких личных удовольствий»*) (Сандро 1, 2005: 142);

10) умение по-настоящему дружить («дядя Сандро *при всем своем лукавстве* ***не мог нарушить законы дружбы****, даже ради своей пламенной страсти»*) (Сандро 2, 2005: 137);

11) надежность (*«проверенный человек»*) (С 1, 2005: 505);

12) стремление быть около власти (*«нравилось дяде Сандро находиться при власти и он, естественно, хотел, как можно дольше находиться при ней»*) (Там же: 316);

13) симпатии окружающих (*«продолжали его любить»*) (Там же: 316);

14) бесцеремонность и привлекательность (*«наглое обаяние дяди Сандро начинало действовать на принца»*) (Там же: 90);

15) шустрость и храбрость (*«расторопный и храбрый молодой человек»*) (Там же: 10);

16) жизнь ради жизни (*«он живет для того, чтобы жить»*) (Сандро 2, 2005: 141).

2. **Внешность Сандро**, репрезентированная такими когнитивными признаками, как:

благовидность (*«Это был на редкость благообразный старик с короткой серебряной шевелюрой, белыми усами и белой бородкой. Розовое прозрачное лицо его светилось почти непристойным для его возраста*

младенческим здоровьем… В его лице уживался благостный дух византийских изращений с выражением риторической свирепости престарелого льва») (Сандро 1, 2005: 35);

красота («*это был красивый старик с благородным, почти монетным профилем, … с холодноватыми, чуть навыкате голубоватыми глазами*») (Там же: 35), («*любовался этим серебряноголовым неправдоподобно сохранившимся стариком*») (Там же: 40) [Кварчия, 2025];

стройность, статность и величие телосложения («*оказался … высоким, стройным стариком, широкогрудым и узкобедренным, что несколько размывало иконописность его облика*») (Там же: 17), («*затянул кавказским поясом свою прямо-таки осиную талию*») (Там же: 40); («*оглядывая свою сановитую фигуру*») (Там же: 138), («*любуясь его величественной и немного оперной фигурой*») (Там же: 42);

сочетание стройности и силы («*во внешности дяди Сандро стройность сочеталась с мягкой мощью*») (Там же: 497);

нерешительность («*на лице дяди Сандро … запечатлелось выражение гамлетизма*») (Сандро 2, 2005: 136);

сила и гибкость ног («*сильные, гибкие ступни ног*») (Сандро 1, 2005: 34);

легкость и молодцеватость походки («*дядя Сандро шел легкой гарцующей походкой*») (Там же: 40), («*дядя Сандро прошел … походкой щеголеватого пророка*») (Там же: 67).

3. **Социальный и политический статус Сандро**, когнитивными признаками которого являются ***контроль над окружающими*** (*– Сандро не из простых, он из присматривающих, – сказал старик… По-абхазски слово «присматривающий» означает также и «руководящий»*) (Там же: 31), **соседство с окружающими** (*– Для тебя весь город соседи, – сказала жена… – И ты можешь гордиться этим, – заметил дядя Сандро*) (Там же: 40), ***гарант надежности и безопасности социума*** («*народ, у которого есть дядя Сандро,… никогда не пропадет*») (Сандро 2, 2005: 617), («*За вами мы,*

как за большой крепостью») (Сандро 1, 2005: 39), ***обостренное чувство землячества*** («*Мы, земляки, должны друг другу помогать*») (Там же: 42), ***социальная значимость*** и ***ответственность*** («*лучшее, что создано нашим прошлым*» (Сандро 3, 2005: 423), («*слово дяди Сандро чего-то стоит*») (Там же: 161), («*почти в любом* (ресторане Абхазии можно было заказать форель – К.В.), *но только в том случае, если вы находитесь в обществе дяди Сандро*») (Сандро 2, 2005: 178), («*выполнял свой общественный долг* (на поминальных застольях – К.В.) *с тем печальным достоинством, которое завещано нам дедами*») (Сандро 1, 2005: 500), (– *Когда будешь заказывать стол, скажи, что дядя Сандро будет за столом, а то тебе подсунут плохое вино*) (Сандро 2, 2005: 174), ***высокая оценка своей значимости*** («*Моя жизнь у всей Абхазии на виду. Люди гордятся мной*») (Сандро 3, 2005: 443), ***уважение окружающих*** («*всеми уважаемый человек*») (Там же: 446), ***политическая независимость*** (*– А ты не меньшевик? – наконец спросил хозяин… –Нет, – гордо сказал дядя Сандро, – я сам по себе, я Сандро из Чегема*») (Сандро 1, 2005: 14).

4. **Негативные представления Сандро об эндурцах,** аккумулирующие следующие когнитивные признаки: ***бедность*** («*откуда у этих эндурских голодранцев лошади*») (Там же: 18), ***дурная кровь*** («*кровь подпорчена эндурской примесью*») (Там же: 56), ***аферизм*** («*эндурские аферисты*») (Там же: 537*)*, ***глупость*** («*эндурская дурость*») (Сандро 2, 2005: 168), ***изворотливость и хитрость*** («*испокон веков ядами промышляют. Они с такой хитростью яды пускают в ход – ни один прокурор не подкопается*») (Там же: 168), («*какая бы чума на нашу* (чегемскую – К.В.) *голову ни свалилась, а эндурцам, глядишь, все на пользу*») (Там же: 286), ***опасность*** («*на эндурца всегда надо в перевернутый бинокль смотреть, подальше от него держаться*») (Там же: 170), ***коварство*** («*эндурец, признающий коварство эндурцев, …это и есть самый коварный эндурец*») (Там же: 178), ***властолюбие*** («*эндурцы захватили власть в Москве*») (Там же: 179), («*установили полный контроль над правительством*») (Там же:

183), («*эндурцы нас* (чегемцев – К.В.) *по рукам и ногам*») (Там же: 172), ***ум*** («*не такой дурак*») (Там же: 172). Как известно, эндурцами в Абхазии считали «*жителей Эндурского района, независимо от их национального происхождения*» (Сандро 1, 2005: 19). Фазиль Искандер объясняет, что эндурцы, как и кенгурцы, были придуманы им еще в детском саду, «*эндурцы – это и наш предрассудок, и образ дурной цивилизации, делающий нас чужими самим себе*» (Искандер, 2014: 2). На основе вымышленного топонима *Эндурск* писателем созданы индивидуально-авторские новообразования – онимы *Эндурия, Эндурский район*, а также отонимные апеллятивы *эндурство/неэндурство, эндуристость* (наличие/ отсутствие свойства эндурцев – К.В.), *эндургенция* (большая часть интеллигенции, утратившая истинный смысл данного слова – К.В.), *доендурил* (довел до дурости, по аналогии с просторечным докумекал – К.В.). А по мнению бригадира Кязыма/Кезыма, «*от Чегема до Москвы одни эндурцы*» (Сандро 2, 2005: 446) и даже «*Сандро первый эндурец в мире. Нет, второй эндурец. Первый в Москве сидит*» (Там же: 446).

5. **Чувство связи с Богом**, репрезентированное когнитивными признаками ***контроль Бога над всеми людьми*** («*оттуда, сверху, Главный Тамада следит в небесный бинокль за всеми людьми, чтобы каждый делал предписанное ему в согласии с Его великим замыслом*») (Сандро 1, 2005: 165), ***противоречивость в положении Бога*** («*с одной стороны, …сама огромность расстояния между наблюдателем на небесах и землей создает в душе Главного Тамады неимоверную тоску по человеку…А с другой стороны, беспощадная острота зрения, естественная для Всевидящего, не оставляет никаких иллюзий относительно характера подобных внеисторических проявлений*») (Там же: 169). Очевидно, что одним из способов именования Бога в текстах Фазиля Искандера является онимизация апеллятивов, в частности метафорическая онимизация, которая образуется «на основе действительного или кажущегося сходства именуемого объекта или субъекта с другим объектом» [Подольская, 1990: 44] и выполняет текстообразующую

функцию. Так, отапеллятивный оним *Главный Тамада* указывает на важнейшее предназначение Бога, который, подобно «столодержцу», присматривает за всеми людьми, согласно его великому замыслу.

Дальняя периферия представлена ***морально-нравственным кодексом***, включающим следующие когнитивные признаки:

1. **Неукоснительное соблюдение обычаев** («*это не положено по нашим обычаям…Раз ты пил здесь воду, значит, надо спуститься ниже, если хочешь вымыть ноги, или смочить чувяки, или платок постирать… Зачем обычай нарушать? Не мы его придумали*») (Сандро 1, 2005: 64), («*за отца сыновья должны отомстить*») (Там же: 55), («*сила патриархального воспитания: уважение к старости*») (Там же: 199).

2. **Трепетное отношение к женщине** («*гораздо больше ему* (Сандро – К.В.) *нравились те женщины, что краснели, встречаясь с ним глазами, и, опустив голову, быстро проходили мимо. Дядя Сандро считал, что стыд – это самое нарядное… и дразнящее платье… из всех, которые украшают женщину*») (Там же: 317).

Вторым способом вербальной репрезентации концепта «Сандро» является использование стилистических средств выразительности и образности. Так, гиперболы способствуют привлечению читательского внимания к исключительным свойствам героя и его лошади: «*то, что он* (родственник шларбовцев – К.В.) *выпьет, я* (Сандро – К.В.) *в ухо налью*» (Там же: 39), «*когда пьешь, все время приходится держать ее* (нежную складку на шее – трудовую мозоль тамады – К.В.)» (Там же: 61), «*знаменитый эндурский тамада Бичико лопнул, когда хотел перепить Сандро Чегемского*» (Сандро 2, 2005: 545), «*если неожиданно в темноте крикну, всадник иногда падал с коня*» (Сандро 1, 2005: 15), «*такую шею имеет…– пароход может поднять* (лошадь дяди Сандро – К.В.)» (Там же: 126). Эпитеты *серебряные усы*, *серебряная шевелюра, светлая голова, осиная талия*, конкретизируя внешность героя, усиливают его эмоционально-экспрессивное восприятие. Фразеологические единицы, воплощая

«аксиологические ориентиры… человека» [Башиева, 2024: 82], реализуют стилистическую функцию: («*За вами мы,* ***как за большой стеной***») (Там же: 39), «*дяде Сандро* ***пальца в рот не клади***» (Там же: 22), «***легкость на ногу,*** *когда дело касалось опасных приключений*» (Там же: 105), «*лошадь (дяди* Сандро – К.В.) *вместе со всадником* ***провалилась в тартарары***» (Там же: 125).

Очевидно, что посредством синтеза общенародной и авторской характеристик Сандро из Чегема, включающих когнитивные и личностные конструкты концепта, подчеркивается архетипичность героя.

2.7.2. Концепт «Чегем»

Внимание к художественным текстам Фазиля Искандера обусловлено языком писателя, который благодаря синтезу русской и кавказской культур отражает этнокультурную и индивидуально-авторскую картины мира. По мнению исследователей, в полиэтническом и поликультурном пространствах особую актуальность приобретает «софукционирование двух языков… с учетом сохранения принципов взаимопонимания людей разных этнических групп» [Башиева, Дохова, Шогенова, 2022: 266].

Анализ специфики вербальной репрезентации концепта «Чегем», представляющего в творчестве Фазиль Искандера картину мира абхазцев, чрезвычайно важен для понимания системы их взглядов, убеждений, этнических привычек, обусловливающих неизменный интерес лингвистов. Особенности концептуализации мира в произведениях писателя рассмотрены в нескольких фундаментальных исследованиях [Табулова, 2005; Гурцкая, 2011; Габуниа, 2017]. Например, Чегем, Мухус и Эндурск представлены как ключевые концепты, «объединяющие произведения Фазиля Искандера в гипертекст», который репрезентирует специфику миропонимания писателя, в работе Г.Б. Гурцкой. По ее мнению, «они являются культурно-ментальными смысловыми сгустками, порождающими группы новообразований,…

дающими возможность читателю включиться в культурный контекст авторского миропонимания» [Гурцкая, 2011: 5].

З.М. Габуниа концепты сгруппированы триадами «Бог – Дух – Энергия», «Дом – Семья – Род», «Страх – Свобода – Истина», что позволило выявить в полной мере значимую социально-философскую, культурно-историческую информацию в творчестве писателя [Габуниа, 2017]. Произведения Фазиля Искандера, по заключению Т.Х. Табуловой, отражают «опыт интроспекции носителей соответствующего языка», в котором культурными доминантами являются концепты «Бог», «Жизнь», «Смерть» [Табулова, 2005: 3].

В.Е. Кварчия приводит два варианта происхождения значения топонима Чегем: первая интерпретация восходит к объяснению этимологии номинации Чегем – гидронима в Кабардино-Балкарии – от Чеккем, «где чек (балкарское) «граница», и кем «вода», «река», т.е. пограничная река» [Коков, 1983: 103, 104]; второе предположение – от антропонима Чагъам/Чегъем, «существовавшего в Абхазии как собственное родовое имя» [Кварчия, 2006: 275].

Очевидно то, что Чегем как номинация ныне заброшенной местности в селе Джгерда в Республике Абхазия – родины матери писателя – в творчестве русскоязычного писателя Фазиля Искандера занимает особое место, поэтому он не случайно включен автором в название романа «Сандро из Чегема», упоминается в произведении 196 раз, главный герой Сандро имеет патронимы Чегемба / Чегенба (на абхазский манер), Чегемский (был представлен так на афише). В этой связи трудно переоценить его важнейшую роль в формировании концептуальной системы писателя.

Рассмотрим способы вербальной репрезентации концепта «Чегем». Одним из них является использование лексических средств за счет расширения семантического объема концепта «Чегем» комплексом когнитивных признаков, отражающих различные стороны жизнедеятельности чегемцев. Поскольку расположение слоев в структуре

концепта «Чегем» иерархично, нами выделены ядерная и периферийные зоны, участвующие в его полевой организации. По сравнению с однослойной структурой концепта «Сухум» в текстах Фазиля Искандера, включающей исключительно базовый слой [Кварчия, 2024], структуру концепта «Чегем» можно представить как совокупность ядра, ближней и дальней периферии, имеющих ряд когнитивных составляющих.

Для Фазиля Искандера Чегем прежде всего – это местность, на которой живет народ, что согласуется с одной из дефиниций данной лексемы – «люди, группа людей» [Ожегов, Шведова, 1992: 968], поэтому ядро концепта «Чегем» составляет понятие народ, основным признаком которого, как известно, является общность территории, языка, культуры, поэтому Фазиль Искандер подчеркивает, что «*интересы народа превыше всего»* (Сандро 3, 2005: 582), «*Высшая власть села – народная сходка. Если абхазы забудут об этом, они будут наказаны провидением*» (Там же: 537), «*Народ не может жить без святынь,… вера в главную святыню* (быть угодным нашему Богу, Великому Весовщику Нашей Совести – К.В.) *порождает множество малых святынь…: святыню материнства, святыню уважения к старшим, святыню верности в дружбе, святыню верности данному слову и тому подобное*» (Там же: 545).

Ближняя периферия концепта «Чегем» включает следующие значимые лексические компоненты, отражающие специфику мировосприятия жителей:

1. **Психологический портрет чегемцев,** который отражает поведенческий аспект и представлен когнитивными признаками, как: у**веренность чегемцев в себе** («*чегемцы были уверены, что вся Абхазия мечтает с ними породниться*») (Сандро 1, 2005: 590), **кажущаяся простота** («*не такие простые»*) (С[3] 1, 2005: 410), **необидчивость** (*« не так легко укусить»*) (Там же: 349), **позитивность** *(«горцы – конструктивны*») (Там же: 139), **внимательность** *(«глаз острый, вода такая»*) (Там же: 96), **выразительность** («остроязыкие благодаря свободе умственных сил») (Там

[3] С – Собрание сочинений; цифра 1 указывает на номер тома.

же: 600), **жизнестойкость и смелость** (*«не таков чегемец, чтобы сдаваться без боя»*) (Там же: 342), **твердость** («*таинственные оттенки упрямства чегемцев*») (Там же: 245). Согласно подходу Ю.В. Чуфаровского, который можно считать наиболее практичным в составлении схемы изучения личности, психологический портрет, как правило, включает общие данные личности, ее внешние признаки, жизненный путь, жизненные сферы, поведение, темперамент, характер, мотивационное поведение и способности [Головков, Пархимович, 2004]. Как видно, уверенность чегемцев в себе имеет отношение к мотивации поведения, кажущаяся простота, необидчивость, позитивность и твердость – к свойствам характера, внимательность и выразительность – к способностям, а жизнестойкость и смелость – к проявлению воли, регулирующей поведение.

2. **Традиции и устои чегемцев,** представленные следующими когнитивными признаками**:**

гостеприимство («*чегемцы добродушно посмеиваются над долинными людьми, считают их дебиловатыми в вопросах застолья и родственных отношений, при этом уважают. Чегемцы для гостя из города режут козу или курицу, угощают вином, а городской человек чегемцу только чай наливает, как больному*») (Антология, 2003: 36; 72);

соблюдение сложившейся веками культуры винопития («*все пили, но алкоголиков никогда не бывало*…») (Сандро 2, 2005: 295);

культ очажного огня («*Без живого огня дом нежилой, беседовать в таком доме трудно. Чегемец привык, разговаривая, смотреть на огонь»*) (Сандро 1, 2005: 323). Как и у других народов, огонь у чегемцев «представляет собой значимый культурно-семиотический фрагмент, который эксплицирует исторические, культурные, философские, социальные и иные знания народа, полученные в результате познавательной деятельности» [Башиева, 2014: 43]. Так, у Фазиля Искандера встречаем: *«У раздувающего огонь всегда красивое лицо, потому что раздувание огня – угодное Богу дело»* (Сандро 3, 2005: 508). Не только лицо, но и душа человека, его

взаимоотношения с окружающими метафорически сравниваются с огнем: «*Душа человека тоже огонь, который нам надлежит раздувать*» (Там же: 508), «*…ничто так не согревает человека во вселенском холоде, как добрый костер человеческой дружбы*» (Там же: 524) [Кварчия, 2024];

отношение к женщине: женщину хвалить непристойно («*чегемцы… иногда называли своих жен разумницами, но вкладывали в это слово прямо противоположный смысл. Разум жены… обнажать на людях неприлично*») (Там же: 171);

женщина и оружие несовместимы («*женщина оскверняет оружие, а оружие бесчестит женщину*») (Сандро 2, 2005: 289), («*женщина может взять в руки ружье только в одном случае – если в ее роду не осталось мужчин, которые могли бы отомстить за пролитую кровь. Тогда женщина – герой...*») (Там же: 290);

женщину недопустимо избивать («*он избил женщину, что по абхазским обычаям считается очень позорным*») (Там же: 283);

уникальность женщины-хранительницы домашнего очага (*«высшим женским свойством считалось тогда и продолжает считаться до сих пор степень легкости, с которой женщина обслуживает свой дом и особенно гостей»*) (Там же: 139).

3. **Представления чегемцев о неприятном, огорчительном,** когнитивными признаками которого являются **притворство** («*люди в деревне всегда встречают гостя хлебом-солью, хотя не всегда они добры и гостеприимны»*) (Сандро 3, 2005: 506), **показушничество** («*один…дурак… купил жене шубу за четыре тысячи. Мех толще, чем моя нога. Спрашивается, зачем в нашем солнечном крае такая шуба? В марте месяце, чтобы людям показаться, пошла в этой шубе на похороны. Солнечный удар, и свалилась как свинья. Спрашивается, чем теперь хозяевам заниматься – этой кекелкой или своим покойником? Не надо!*») (Там же: 43).

4. **Чувство связи с Богом и природой,** репрезентированное когнитивными признаками **чегемцы** – **любимцы Бога** (**«***чегемцы в этом не*

сомневаются») (Сандро 1, 2005: 611), **тождественность Бога и природы (***«тут чегемцы не видели принципиальной разницы*») (Там же: 684).

Дальняя периферия представлена **пространственно-временным комплексом,** включающим следующие когнитивные признаки:

1**. Чегем – это начало и конец пути, предел расстояния** («*от Чегема до Цабала»*) (С 1, с. 62), («*бежать до самого Чегема»*) (Там же: 250).

2. **Мнимая труднодоступность села** («*Я ведь тоже преувеличивал высокогорность Чегема, не такой уж он высокогорный, наш милый Чегемчик*») (Путь, 2004: 19). Полагаем, что автор пользуется приемом гиперболизации по ряду причин. Во-первых, труднодоступность расположения Чегема объясняется желанием автора оградить «любимцев Бога» от «безумий этого мира», которые медленно, но верно приходят в Чегем (это «кумхоз», коллективизация), то есть, чем выше будет расположен Чегем, тем позже коснутся его советские новшества, уже прижившиеся в городе. Однако писатель признается, что даже «время, в котором стоим», меняется, меняется и Чегем: *раньше «Чегем был чистым»* (С 3, с. 208), *«крестьянский дом не был захламлен добром, как сейчас. Телевизоры, шифоньеры, диваны, чума, холера – кто тогда знал?* (Сандро 3, 2005: 208), *«сейчас и в горах воздух порченый»* (Сандро 1, 2005: 63). Во-вторых, своей высокогорностью Чегем автором приближен к небу, то есть к Богу, ведь это «*самое красивое место, лучшая часть Земли, лишенная некрасивостей»* (Сандро 3, 2005: 506).

3. **Ностальгия по былым временам, безнадежность настоящего (**«*перестали воспринимать свою землю как собственную*» (Сандро 1, 2005: 247), «*стыдились пастушить, чего никогда не стыдились их отцы и деды»*) (Сандро 2, 2005: 389), («*Тогда Чегем был чистым»*) (Сандро 3, 2005: 208), («*не вполне избежал безумий этого мира»*) (Сандро 2, 2005: 282), («*такого воздуха, такой благодати сейчас нет. Сейчас в горах воздух порченый»*) (Сандро 1, 2005: 63).

Как видно, когнитивные признаки ядерного и периферийных компонентов концепта «Чегем» занимают важное место в макрополе концепта и способствуют обогащению его ассоциативно-образного смыслового объема.

Вторым способом вербальной репрезентации концепта «Чегем» является использование стилистических средств выразительности, усиливающих индивидуально-авторское восприятие Чегема. Так, в следующих примерах метафоры отражают глубину авторского восприятия природы: *небо нюхает запах; небо еще не решило, каким из трех своих способов обрушиться на землю; небо раскололось, как гигантский грецкий орех; облака, как белые быки, пасутся на зеленых склонах; лоза разбрасывала свои плети;* эпитет *воздух крепкий и вкусный, как буйволиное молоко,* выполняет функцию моделирования действительности, метонимия способствует усилению выразительности и экономии речевых средств: «*Чегем говорит»* (Сандро 2, 2005: 304), «*на эндурца надо в перевернутый бинокль смотреть»* (Там же: 170), «*чегемца не так легко укусить»* (Сандро 1, 2005: 349);

«Чегемность» апеллирует к ценностям, которые являются гарантией сохранности незыблемых традиций и обычаев – к тысячелетней любви крестьянина к родной земле (*свой* улей, *свой* шелест кукурузы, *своя* яблоня, *своя* корова, *своя* давильня, *свое* поле, *свое* кукурузное поле, *свои* виноградные гроздья) (Там же: 233). Писатель пользуется приемом лексической анафоры, что способствует выделению ключевой мысли (на этой земле все свое, родное), усилению выразительности, нагнетанию интонации. И даже Евангелие у чегемцев свое, чегемское, в котором устами Джамхуха – Сына Оленя прописаны все истины бытия. В данном контексте согласимся с М.Дж. Тагаевым, полагающим, что «среда обитания этноса, уклад жизни, культура и традиции в целом определяют сознание человека», которое «представляет собой результат национально-культурной

интерпретации мира, отраженный в формах национального языка» [Тагаев, 2015: 224].

Таким образом, особенности когнитивной составляющей концепта «Чегем» в произведениях Фазиля Искандера обусловлены индивидуально-авторским видением данного онима Чегем, с помощью которого писатель демонстрирует общенациональные и личностные представления о главном селе романа «Сандро из Чегема», тем самым расширяя смысловой объем конкретного географического объекта до безграничного культурно-нравственного пространства.

2.7.3. Концепт «Сухум»

Проблеме концептуализации творчества Фазиля Искандера посвящено немало фундаментальных работ [Табулова, 2005; Сумарокова, 2013; Габуниа, 2017], однако подробное изучение концептосферы города Сухум осуществляется впервые, что позволяет более детально рассмотреть ономастическое пространство текстов писателя. Обращение к теме вызвано тем, что город Сухум – один из ключевых компонентов лингвокультурологической системы писателя-билингва Фазиля Искандера. Благодаря стилистическим возможностям русского языка как языка-посредника, стала возможной интеграция структурных компонентов языковой личности автора посредством базовых концептов. Особого внимания, как отмечает С.К. Башиева, заслуживает «рассмотрение лингвокогнитивного уровня полилингвальной личности, …так как именно эта составляющая является маркером индивидуальности языковой картины мира человека» [Башиева, 2019: 12].

Нами рассмотрен один из ключевых концептов – город Сухум, как основа языковой картины мира. Материалом исследования послужили роман «Сандро из Чегема», а также циклы рассказов «Детство Чика» и «Путь из варяг в греки», выбор которых объясняется тем, что на наш взгляд, «русскоязычный текст предстает как средство нового типа литературного

творчества и межкультурной коммуникации, способствующее познанию иноязычной культуры носителей соответствующего языка, их менталитета и ценностей» [Габуниа, Улимбашева, 2017: 114]. Однако, несмотря на то, что подобная традиция была сформирована гораздо раньше (Г. Гулиа, Ч. Айтматов, Ч. Гусейнов, Ш. Казиев), по справедливому замечанию А.Х. Галазова и М.И. Исаева, «наиболее выдающиеся произведения русскоязычных национальных писателей могут быть достоянием как своих национальных культур, так и русской культуры» [Галазов, Исаев, 1987: 28–29].

Очевидно, что образ города в языковом сознании его жителей способствует формированию принципов архитектурного мышления. Согласно А.Г. Раппопорт, «города можно назвать аккумуляторами исторической памяти. Архитектура городов не просто часть культуры общества, она такая часть этой культуры, которая поневоле постоянно взаимодействует с живыми людьми. Как и язык, она ежедневно и ежечасно участвует в современности и в то же время вносит в неё историческую память рода» [Раппапорт, 2000].

Нередко в качестве вербального уровня восприятия образа города выступает архитектурная метафора, которая посредством знаков различной природы (формы, цвета) дает представление об окружающей обстановке, выполняя функцию моделирования действительности и эмоциональную функцию: *дом с торчащим над крышей зеленым копьем кипариса; город, рыжея ржавыми крышами, красиво тянулся вдоль дуги залива.* Поскольку Мухус – это прибрежный город с уникальными природными ресурсами, довольно часто архитектурная метафора сочетается с пейзажной, реализующейся посредством антропоцентрического подхода: *ласковая вода, стыдливые струйки песка, море подшутило, приплюснутое солнце, сморщенные плоды мушмулы.*

Сухум – родной город писателя, связанный с его детством, детством Чика, так любившего свой дом, «некоторых родственников» и, конечно, море. Летние каникулы он чаще проводил в высокогорном селе Чегем, у

родителей матери. Это город, который, как справедливо считает критик Н. Иванова, «отображен и на реальной, и на воображаемой литературной карте» [Иванова, 2019: 8].

Уже в самом названии города Сухум – Мухус прослеживается прием анаграммирования, который служит одним из средств языковой игры. Это одновременно и реальный, и вымышленный оним. В данном случае писателем создано авторское новообразование – топоним Мухус, отражающее словотворческие возможности писателя и выполняющее экспрессивную и стилистическую функции. Когнитивные признаки таких искандеровских окказионализмов как *Эндурск/Эндурия, Кенгурск* подробно описаны исследователями в функционально-прагматическом и структурно-семантическом аспектах [Гурцкая, 2011].

Жизнь в Мухусе не ограничена пространством комнаты, квартиры, даже города. Она «вынесена во двор, где готовят пищу, пьют кофе, ведут беседы и философские дискуссии, спорят, ссорятся и мирятся, отдыхают. Здесь квохчут куры, сюда залетает ястреб, заезжают лошади, приходят коровы. Своеобразный Ноев ковчег… И город Мухус – лишь продолжение того же двора. Мухусский двор – неформальная община, неофициальное государство в государстве, вырабатывающее свои законы, свою конституцию» [Иванова, 2004: 592]. Здесь законы равны для всех и каждого, а обостренное чувство справедливости и доверия к миру правят беспрекословно. Известно, что испокон веков строгое следование традициям и обычаям, важными компонентами которых являются гостеприимство, уважение к старшим и сострадание к слабым и больным, составляло основу морального кодекса абхазов – *апсуара* (ведь даже сумасшедший дядюшка Коля чувствует себя в безопасности и окружен любовью и заботой).

Жизнь жителей дворика – тетушки Чика, Богатого Портного и Бедной Портнихи, Алихана, Оника, Соньки, тети Даши и др. – вынесена «через балкончики, распахнутые окна, веранды и галереи – на воздух, на площадку

двора. Она открыта всякому взору, не отчуждена, не занавешена. Жизнь дворика в Мухусе – народная жизнь» [Там же: 593].

В процессе анализа фактического материала нами было выявлено ядро концепта «Сухум» (далее Мухус) в художественных текстах Фазиля Искандера, аккумулирующее следующие когнитивные признаки:

1) **самый центр Абхазии, главный город страны** (*Как же надо было любить, даже учитывая ее* (княгини – К.В.) *природное легкомыслие, чтобы ожидать появление абрека, которого ищут уже более десяти лет, в самом центре Абхазии, в Мухусе?!*) (Сандро 1, 2005: 208);

2) **город, в котором все люди друг другу соседи** (*– Для тебя весь город соседи, – говорила жена все с той же бесполезной грустью…*

– И ты можешь гордиться этим, – заметил дядя Сандро, взглянув на меня) (Там же: 40);

3) **дом, в котором всегда много родственников** (*Дом наш всегда был полон всякими двоюродными братьями и сестрами. Они спускались с гор, приезжали из окрестных деревень поступать в школы и техникумы и, поступая, проходили сквозь наш довольно тусклый дом, как сквозь тоннель*) (Путь, 2004: 40);

4) **малый Вавилон, «котел» языков, где все друг друга понимают –** перифраз-топоним, имеющий оценочный характер (*Я с детства привык к нашему маленькому Вавилону. Я привык слышать в воздухе родины абхазскую речь, русскую речь, грузинскую речь, мингрельскую речь, армянскую речь, турецкую речь…*) (Сандро 2, 2005: 324);

5) **ностальгия по былым временам, печаль о настоящем** (*Сегодня не слышно греческой и турецкой речи на нашей земле, и душа моя печалится, и слух мой осиротел…Теперь, когда из этого сладостного многоголосия, из брызжущего свежестью щебета народов выброшены привычные голоса,… нет упоения воздухом родины!*) (Там же: 324) [Кварчия, 2024: 245];

6) **точка отсчета, мера, начало и конец пути, гиперболизация расстояния (***…я тебя от Мухуса до Еревана на руках понесу*») (Антология,

2003: 97), *«Пусть она* (лошадь – К.В.)*, как я, пройдет от Чегема доМухуса, тогда бы вы посмотрели, рысит она в сторону от нетерпения или шатается, как чучело под ветром!*) (Сандро 1, 2005: 426);

7) **средоточие уникальных привычек, характерных жителям данной местности** (*Внизу на дороге появился милиционер, судя по буханке хлеба, которую он держал под мышкой, местный человек*) (Там же: 40);

8) **маленький город, где все друг друга знают** *«Город маленький, и три-четыре раза в году сталкиваемся на улице*) (Сандро 3, 2005: 45);

9) **противоположность деревне** (*Деревня – это не город. В деревне, если приглашают к столу, нельзя сразу соглашаться. Это в городе могут не повторить приглашение. А в деревне повторяют приглашение до тех пор, пока гость не сядет за стол*) (Антология, 2003: 33);

10) **чегемцы и мухусчане посмеиваются друг над другом** (*Чегемцы тоже посмеивались над жителями Мухуса, но, пожалуй, добродушно. – Когда они к нам приезжают, – говаривали чегемцы, кивая на городских, – мы режем козу или курицу. Ставим на стол вино. А когда мы к ним приезжаем, они нас чаем угощают. Да что мы, больные, что ли, чтобы чай хлестать?*) (Там же: 72), (*С одной стороны, чегемцы посмеивались над городскими людьми за их дебиловатость по части знания обычаев застолья и родственных отношений. С другой стороны, они уважали городских… за то, что они не пашут, не сеют, не пасут скот, а живут вроде не хуже. Чегемцы считали, что сами они ишачат, а городские люди, приловчившись жить не ишача, по конторам расселись*) (Там же: 36).

В «Рассказе о море» концепция города нераздельно связана с темой моря, «огромного и неожиданного». Сам город первоначально репрезентируется через гештальты *стена*, *преграда*, *крепость*, т.е. это замкнутое пространство, имеющее границы. Однако слой гештальтов трансформируется, когда «*запах моря, всегда мощный и свежий, спокойно и даже насмешливо проходит сквозь каменную преграду*» (Путь, 2004: 40). «Могучее и прекрасное» море стирает не только границы между собой и

городом, но и границы свободы, воли, чувств Чика и других ребят со двора, которым «обычно не хватало терпения дойти до него (моря – К.В.) … и они, не успев притормозить, летели в теплую ласковую воду» (Там же: 40–42).

Также город Сухум, концептуализируясь, включает следующие сигнатуры:

- открытые пространства: *двор, улицы, сад, базар*;

- закрытые пространства: *комната, дом, школа, кино, кофейни, рестораны;*

- названия знаковых мест, улиц: *«Брехаловка», ул. Подгорная*;

- персонажи: *любимая тетушка Чика, сумасшедший дядя Коля, добрая тетя Наташа, строгий учитель Акакий Македонович, Богатый Портной, школьный сторож старик Габуниа, девочки Сонька и Ника, болезненный Лесик*.

Фазиль Искандер, назвавший себя «русским писателем, но певцом Абхазии», представил Сухум как средоточие многоязычного социума, где все друг другу родственники и соседи. Это город, в котором так приятно вести неспешные разговоры и пить кофе по-турецки в летнем ресторане «Нарты» или «морском ресторане «Амра», расположенном на старинной пристани… Речь идет о моей «Амре» в моем Мухусе. Там все так, как описываю я…» (Там же: 171) – предупреждает автор. Однако писатель вовсе не идеализирует мухусчан: они разные характерами, со своими положительными и отрицательными качествами, порой странными привычками, люди разных национальностей. Но они терпимо относятся друг к другу, и эта терпимость и уважение позволяют сохранить единство многонационального региона. При необходимости «солидно» вспоминают любимую поговорку мухусчан – Белый хлеб и то надоедает. Несмотря на то, что нами рассмотрены разноплановые тексты, они транслируют одновременно и личное мировосприятие писателя, и общенациональную картину мира.

2.7.4. Концепт «Бог»

Как известно, концепт «Бог» является одной из важнейших составляющих когнитивного сознания общества, так как представления о Боге лежат в основе духовной жизни и религиозных верований людей. Как видно, в настоящем исследовании концепт «Бог» стоит в одном ряду с именами собственными, что согласуется с убедительной позицией А.З. Черняка в вопросе референции слова «Бог» как имени собственного. Мы разделяем точку зрения исследователя о том, что «Бог» как собственное имя, возможно, не вполне типичный представитель вида, однако из невозможности связать собственное имя отношением референции со строго определенным объектом даже в рамках некоего фиксированного способа его употребления, не следует еще, что его референтом при данном способе употребления является что-то иное. Скорее проблемы такого рода демонстрируют уязвимость стандартной теории значения собственных имен вообще, чем неадекватность привычных представлений о том, что сообщают нам те или иные имена, в частности о денотате имени «Бог» [Черняк, 2016: 97].

Так, в «Словаре теологических терминов» даны следующие дефиниции понятия Бог: «Творец Вселенных, Высший Разум. ...верховная личность, атрибутированная тождеством сущности и существования, сверхъестественным могуществом и абсолютным совершенством» [Словарь теологических терминов, 2023]. В коммуникативном пространстве героев Фазиля Искандера нередко встречается обращение к Богу с модальной речью, когда он выступает в качестве адресата устно-речевого дискурса.

При изучении эмпирического материала поднимается проблема репрезентации ключевых культурных аксиологем в благопожеланиях и проклятиях текстов Фазиля Искандера посредством концепта «Бог». Благопожелания и проклятия как особые жанры устно-речевого дискурса призваны реализовывать ценностные представления народа, формировавшиеся в течение длительного времени. В связи с этим комплекс

этнокультурных установок в них нами рассмотрен в рамках концептуальной картины мира русскоязычного писателя Фазиля Искандера.

На сегодняшний день нет специальных исследований данного концепта в творчестве Фазиля Искандера в рамках аксиологического аспекта. Вопросам благопожеланий и проклятий в национальных языках и художественной литературе посвящено несколько фундаментальных исследований [Башиева, 2015; Локъяева, 2020].

Особенности текстов пожелания добра и зла в национальных языках рассмотрены в нескольких исследованиях. Например, в работе проф. С.К. Башиевой благопожелания представлены как лингвокультурные феномены, реализующие ритуализованный опыт того или иного народа [Башиева, 2015]. М.Ч. Кремшокаловой проанализирована когнитивно-дискурсивная парадигма благопожеланий и проклятий как малых жанров устой речи [Кремшокалова, 2014]. По справедливому определению Н.И. Формановской, благопожелание другому человеку связано с моральным проявлением блага [Формановская, 2011]. В отличие от него проклятия определены современной наукой как «устойчивые словесные формулы – пожелания несчастий и наказаний человеку, животному, растению, предметам» [Восточнославянский фольклор, 1993: 291].

Морально-нравственные ценности, являющиеся неотъемлемой частью жанра благопожеланий и проклятий, в художественных текстах Фазиля Искандера транслируются преимущественно посредством базовых концептов культуры. К тому же, концептосфера благопожеланий и проклятий включает как материально-вещественные, так и духовно-нравственные представления народа, составляющие ядро культуры.

В ходе исследования выявлено, что концепт «Бог» в благопожеланиях и проклятиях художественных текстов Фазиля Искандера является константой, т.е. концептом, существующим «постоянно или, по крайней мере, очень долгое время» [Степанов, 2004: 84]. Об этом свидетельствует его актуализация в структуре оптативных конструкций.

В ходе анализа эмпирического материала нами выявлены 34 текста благопожеланий, которые передают оптативную модальность через обращение к концепту «Бог» (включая вариации Господи/Аллах/Отец Небесный) и репрезентируют следующие когнитивные признаки:

1. **Пожелание хорошей жизни** «*Дай Бог*» (Козы, 2004: 546), «*С Богом*» (Сандро 1, 2005: 183), «*Чтобы Бог не отбавлял нам* (Там же: 618), «*Дай Бог нам столько хорошего, сколько вы всякого скрываете от нас*» (Там же: 591), «*Дай Бог не сглазить*» (Софичка, 2004: 269).

2. **Пожелание здоровья и долголетия** «*Дай Бог им здоровья*» (Сандро 2, 2005: 112), «*Дай бог мне столько здоровья, сколько он им* (музыкантам – К.В.) *отвалит*» (Антология, 2003: 94), «*Дай Бог мне столько здоровья, за сколько он эту голову* (коровью – К.В.) *купил*» (Путь, 2004: 566), «*Дай Бог, чтоб он был жив*» (Софичка, 2004: 133).

3. **Пожелание благополучного завершения дела** «*Дай Бог, чтоб получилось*» (Созвездие, 2004: 98), «*Дай Бог, чтобы оно хорошо кончилось*» (Сандро 1, 2005: 197), «*Даст Бог, международное положение*» (Созвездие, 2004: 344), «*Дай Бог, чтобы все живы-здоровы вернулись домой*» (Там же: 344), «*Дай Бог, пленный-военный, жив-здоров вернуться обратно домой*» (Софичка, 2004: 94).

4. **Просьбы о Божьей помощи** «*Господи, не забывай о нас*» (Козы, 2007: 490), «*Господи, пронеси*» (Сандро 1, 2005: 155), «*Отец Небесный, помоги*» (Софичка, 2004: 274), «*Дай, Господи, грешному человеку еще одну попытку! Господи, дай*!» (Там же: 190), «*Да прислушается Аллах к словам твоим*» (Сандро 1, 2005: 402).

5. **Просьбы о предотвращении несчастных случаев** «*Не дай Бог, дядя Миша узнает, убьет*» (Созвездие, 2004: 231), «*Не дай Бог ударит* (большая рыба – К.В.)» (Там же: 420), «*Не дай Бог, такой саданет*» (Там же: 476), «*Не дай Бог, если я заведусь*» (Детство, 2004: 23), «*Не дай Бог еще услышат там* (в бригаде соперников – К.В.)» (Сандро 1, 2005: 641) [Кварчия, 2024: 231].

Реже встречаются пожелания блага без обращения к концепту «Бог», хотя он подразумевается. Они выполняют функцию экономии речевых средств в коммуникативном процессе: «*Добром вас*» (Сандро 2, 2005: 119), «*Хороших вам трудов*» (Сандро 3, 2005: 631), «*Хорошей дороги*» (Путь, 2004: 175), «*Благодати вашему дому*» (Сандро 3, 2005: 649), «*На счастье!*» (Созвездие, 2004: 390). В данную группу следует также отнести название абхазской застольной песни «*Щарда аамта» – «Многие лета*» (Человек, 2004: 598), содержащей пожелание долгих лет жизни и сопровождавшей торжественные празднества на Кавказе.

Нами также выявлены 55 текстов проклятий, которые представлены оптативами-пожеланиями зла, болезней, смерти и прочих несчастий. Лишь дважды в них встречается обращение к Богу, включающее следующий когнитивный признак:

1. **Пожелание смерти**: «*Дай Бог, чтоб мои враги так видели, как покойники видят*» (Сандро 1, 2005: 500), «*Убей меня Великий Весовщик, если я понимаю, о чем они тут спорят*» (Сандро 3, 2005: 576).

Проклятия без обращений к Богу отличаются предельной экспрессивностью и эмоциональностью высказываний, которые реализуются индивидуально-авторскими новообразованиями писателя Фазиля Искандера. Например, «*Чтоб этот кумхоз опрокинулся, как эта рюмка*» (Сандро 1, 2005: 401), «*Чтоб тебя заготовка*» (Сандро 3, 2005: 645).

Как видно, имя Бога находит широкое применение в пожеланиях блага, но не зла. Бог – есть любовь! Именно по этой причине концепт «Бог» становится медиатором желательности здоровья, счастья, добра и прочих благих ценностей, а также адресатом высказывания. Согласимся с позицией Н.Ф. Алефиренко, полагающим, что причиной такого соотношения являются негативные эмоции, порождающие вторичные знаки. А поскольку положительные эмоции воспринимаются как данность, норма, то именно отрицательные чувства будоражат человеческое воображение [Алефиренко, 2006: 66].

Нередко в жанре клятвы Фазиля Искандера принято давать обещание именем Бога: *клянусь Богом*, *клянусь Господом*, *клянусь Аллахом*, *клянусь Великим Весовщиком*. Тем самым обещание становится особенно убедительным, нарушение которого недопустимо. Клятвенные обещания без обращения к Богу в определенных речевых ситуациях могут утрачивать свое прямое назначение и способны выступать в качестве синергем. Например, «*Клянусь мамой, пошутили*» (Сандро 1, 2005: 542), «*…клянусь всеми четырьмя копытами своего коня, не стертыми мировой пошлостью, – не пустой звук*!» (Детство, 2004: 421).

Язык и культура, являясь семиотическими структурами, взаимосвязаны и взаимопроницаемы. Любые языки, подобно мощным механизмам, позволяют проанализировать специфику этнической картины мира, выявить ее ментальные образы и символы. В связи с этим отдельного внимания заслуживают благопожелания и проклятия как особые жанры устно-речевого дискурса в произведениях русскоязычного писателя Фазиля Искандера, которые аккумулируют мироощущение и самобытность абхазов.

Анализ специфики вербальной репрезентации благопожеланий и проклятий, транслирующих в произведениях Фазиля Искандера языковую картину мира абхазов, чрезвычайно важен для понимания их взглядов, системы представлений об окружающем мире, что обусловливает повышенный интерес языковедов. Вопросы благопожеланий и проклятий в национальных языках и художественной литературе детально проанализированы в нескольких фундаментальных исследованиях [Кацнельсон, 1986; Башиева, Геляева, 2011; Кремшокалова, 2014]. Например, в работе С.К. Башиевой и И.А. Геляевой определяются место и роль речевого этикета в формировании культуры толерантности [Башиева, Геляева, 2011]. Ж.М. Локьяевой выявлен функциональный потенциал благопожеланий на материале фольклора карачаевцев и балкарцев [Локъяева, 2020]. Когнитивно-дискурсивная модель благопожеланий и проклятий исследована М.Ч. Кремшокаловой. По ее мнению, в текстах с благими пожеланиями заключена некая общность

коллектива либо всего этноса, так как они формируют коллективное благосостояние [Кремшокалова, 2014].

Исследуя аксиологические аспекты благопожеланий и проклятий как малых фольклорных жанров, Н.Л. Виноградова полагает, что вся тематика обоих жанров базируется на основе общеизвестных «благ» (здоровья, жизни, богатства, семейного благополучия, урожая и т.д.), однако они существенно отличаются внутренней иерархией ценностных установок [Виноградова, 2016: 296]. Одним из важных отличий благопожеланий и проклятий ученый считает также обстановку, в которой произносятся данные речевые формулы: для благопожеланий – это добрососедская, миролюбивая обстановка; для проклятий – спонтанность ситуации, состояние острой вражды и агрессии. Как правило, самые изощренные проклятия адресованы недругу, затрагивая его наиболее важные ценности [Там же: 174]. Несомненно, проклятия несут в себе ту же информацию, что и благопожелания, но «с точностью до наоборот» [Формановская, 2011: 576]. Например, в текстах Фазиля Искандера видим: *Дай Бог, чтоб он был жив* (Софичка, 2004: 133), – *Чтоб я тебя похорони*л (Созвездие, 2004: 308), *Хорошей дороги* (Сандро 1, 2005: 175), – *Пусть этот поезд разобьется* (Сандро 2, 2005: 343), *Дай Бог, чтоб получилось* (Путь, 2004: 98), – *Гори оно огнем* (Сандро 3, 2005: 613).

Рассмотрим некоторые когнитивные признаки благопожеланий, использованных писателем:

1) **пожелание хорошей жизни, счастья:** *Благодати вашему дому* (Там же: 649), *На счастье* (Созвездие, 2004: 390), *Добро тебе* (Сандро 1, 2005: 400), *Добром вам* (Сандро 2, 2005: 119), *Чтобы Бог не отбавлял нам* (Сандро 1, 2005: 618), *Дай Бог нам столько хорошего, сколько вы всякого скрываете от нас* (Путь, 2004: 591), *Дай Бог, чтоб оно* (дело – К.В.) *хорошо кончилось* (Там же: 197). Пожелания *Тьфу-тьфу, не сглазить* (Там же: 96) и *Дай Бог не сглазить* (Софичка, 2004: 269) (да еще если постучать по деревяшке стола, приподняв скатерть), в отличие от прочих, связаны с суеверием людей, с их верой в магические свойства слюны, отпугивающей

злых духов, со страхом нечистой силы сглазить какое-либо доброе намерение;

2) **пожелание здоровья и долголетия:** *Дай Бог им здоровья* (Сандро 2, 2005: 112), *Дай бог мне столько здоровья, сколько он им* (музыкантам – К.В.) *отвалит* (Путь, 2004: 94), *Дай Бог мне столько лет жизни, сколько ты от меня инжиров возьмешь* (Созвездие, 2004: 276);

3) **пожелание благополучного завершения дела:** *Дай Бог, чтоб получилось* (Там же: 98), *Дай Бог, чтобы оно хорошо кончилось* (Сандро 1, 2005: 197), *Даст Бог, международное положение* (Созвездие, 2004: 344), *Дай Бог, чтобы все живы-здоровы вернулись домой* (Там же: 344), *Дай Бог, пленный-военный, жив-здоров вернуться обратно домой* (Софичка, 2004: 94);

4) **пожелание плодотворной работы:** *Хороших вам трудов* (Сандро 3, 2005: 631);

5) **пожелание хорошей дороги:** *Хорошей дороги* (Сандро 1, 2005: 175).

Что касается структуры благопожеланий в творчестве Фазиля Искандера, то следует выделить ядерную модель, используемую в большинстве текстов – «*(Дай) Бог* + частица *чтоб* + предикат», к тому же модальность не выражена субъектом речи, а направлена высшим силам, способным осуществить желание говорящего. Такая возможность реализации желания человека через волю Господа и просьба к Господу об исполнении желания человека позволяет типологически сравнивать жанр благопожеланий с текстом молитвы, при этом оговаривая принципиальные отличия между ними: *Дай Бог, чтоб оно хорошо кончилось* (Там же, 197), *Дай Бог, чтоб получилось* (Софичка, 2004: 98), *Дай Бог, чтоб он был жив* (Там же: 133). Как видно, в системе морально-нравственных ценностей народа в жанре преимущественно благопожеланий текстов Фазиля Искандера ключевым компонентом является концепт «Бог», так как через отношение к Богу реализуется оптативная модальность высказывания.

Как известно, коммуникативный акт и речевая ситуация тесно связаны с использованием определенных дейктических элементов посредством ситуативной референции. В этом смысле дейктические средства «показывают обстоятельства речевой деятельности» [Алферов, 2001: 23]. В связи с этим следует отметить соотнесенность дейктических компонентов с пропозицией высказывания, а именно с его модальностью, являющейся важнейшей составляющей устных речевых жанров.

Очевидно, что в устной форме речи эмоционально-экспрессивный фактор высказывания проявляется в значительной степени, нежели в письменной форме, где эмоциональность, а также все экстралингвистические средства общения нейтральны. По этой причине существенно возрастает возможность передачи пресуппозиций адресата высказывания, даже при условии формальности речи. В этом смысле жанрам благопожеланий и проклятий в максимальной степени присуща модальность, в частности, система иллокутивных модальных значений. Данные сегменты устного народного творчества в художественных текстах Ф. Искандера отличаются значительной эгоцентричностью используемых дейктических средств, так как «эгоцентризм – один из важнейших признаков дейксиса, наряду с ситуативностью, субъективностью, мгновенностью и эфемерностью значения» [Восточнославянский фольклор, 2016: 13]. Эгоцентризм дейксиса реализуется не только указанием на лицо говорящего, но и обозначением степени родства участников коммуникации, оценочной характеристикой, модальным, релятивными значениями и прочим.

В исследуемых художественных текстах эксклюзивный дейксис 1-го лица, выраженный «Я-предложениями» [Локъяева, 2020: 165–167] по модели «Я хочу…», «Я желаю…» не встречается. Продуктивными конструкциями можно считать инклюзивный дейксис «Дай Бог им…», «Дай Бог нам…»: *Дай Бог им здоровья* (Сандро 2, 2005: 122), *Дай Бог нам столько хорошего, сколько вы от нас всякого скрываете* (Сандро 1, 2005: 591). На наш взгляд,

это связано с ментальной культурой данного региона, базирующегося на коллективизме и общности этноса.

Значительную часть проклятий в текстах Фазиля Искандера можно разделить на две основные лексико-семантические группы: 1) проклятия, связанные с инфернально-мифологическим миром; 2) проклятия, выражающие негативное пожелание в отношении физического здоровья и состояния адресата.

Первая группа немногочисленна и включает зложелания с когнитивным признаком **гибель посредством нечистой силы**: *Чтоб тебя дьявол* (Сандро 2, 2005: 681) и *Чтоб ее водяной употребил* (Сандро 1, 2005: 399).

Вторая группа более разнообразна и включает ряд подгрупп, репрезентирующих следующие когнитивные признаки:

1) **пожелание болезни**: *Чтоб твой язык отсох* (Там же: 400), *Чтоб глаза твои повылазили* (Сандро 3, 2005: 645), *Чтоб она ослепла* (Сандро 2, 2005: 333), *Ой, да пусть высохнут сосцы твоей матери* (Сандро 1, 2005: 674), *Чтоб ты подавился своей черникой* (Путь, 2004: 153);

2) **пожелание смерти, гибели лицу или объекту**: *Чтоб я тебя похоронил* (Созвездие, 2004: 308), *Чтоб я похоронил твой смех* (Там же: 74), *Чтоб я оплакал тех мужчин, что выставили тебя на позорище* (Сандро 2, 2005: 287), *Видал я твой вкус в гробу* (Созвездие, 2004: 443), *Чтоб твои враги так были живы, как он* (убитый лейтенант – К.В.) (Сандро 3, 2005: 636), *Чтоб вас куриный мор* (Сандро 1, 2005: 196), *Чтоб она* (алыча – К.В.) *высохла* (Там же: 371), *Чтоб я вынула твое лживое сердце из груди* (Там же: 640), *Чтоб я его* (сердце – К.В.) *поджарила на табачной игле, как на вертеле* (Там же: 640);

3) **пожелание позорной смерти**: *Чтоб я их* (свиней – К.В.) *в твою могилу уложила, вечно тебе мерещатся свиньи* (Сандро 2, 2005: 334), *Чтоб я скормила его* (сердце – К.В.) *нашим собакам*! (Сандро 1, 2005: 641), *Чтоб они* (собаки – К.В.), *чавкая! Чавкая! Поедали его!* (Там же: 641);

4) **родовое проклятие**: *Да чтоб я отрыла кости своих покойников, если во всем Чегеме найдутся такие деньги!* (Сандро 2, 2005: 388), *Чтоб я выкопал старые кости отца и бросил грязным, зловонным собакам!* (Созвездие, 2004: 97);

5) **самопроклятие**: *Да падут твои болезни на мою голову* (Сандро 1, 2005: 556), *Чтоб я умер, если это не орел* (Там же: 665), *Лопни мои глаза* (Сандро 2, 2005: 403), *Разрази меня молния* (Сандро 3, 2005: 516), *Разрази меня молния, если я пойму, что он хочет* (Софичка, 2004: 135), *Убей меня Великий Весовщик* (Сандро 3, 2005: 576), *Чтоб ты меня похоронил, если три–один не будет* (о футбольном матче – К.В.) (Созвездие, 2004: 308).

Как видно, в речи героев Фазиля Искандера чаще встречается группа проклятий с пожеланиями болезней и смерти без участия инфернально-мифологических существ, как мы полагаем, по причине уверенности человека в нерушимой силе его слова, не нуждающейся в помощи потусторонних сил.

Некоторые проклятия с конструкциями *Чтоб твой*/*Что тебя* в функционально-прагматическом плане можно разделить на два типа:

1) проклятия, ситуативно привязанные, произносимые при определенном типе речевой ситуации: *Чтоб твой язык отсох* (Сандро 1, 2005: 400) – говорят человеку, произносящему что-либо плохое, с пожеланием лишиться дара речи;

2) проклятия универсальные, пригодные при любом типе речевого поведения: *Чтоб тебя* (Там же: 652).

Отметим, что проклятие универсального типа *чтоб ты подавился,* распространяясь, приобретает у Фазиля Искандера ситуативно зависимый характер: *Чтоб ты подавился своей черникой, на черта она была нужна* (Путь, 2004: 153).

Отдельно следует выделить группу достаточно распространенных в речи проклятий либо с глаголом в императиве, направленных не к тому, кого проклинают, а к лицу или объекту, который должен выполнить то или иное

зложелание: *Унеси тебя ястреб* (Сандро 1, 2995: 195), *Разрази меня молния* (Сандро 3, 2005: 516), *Гори оно огнем* (Там же: 613), *Разрази меня молния, если я пойму, что он хочет* (Софичка, 2004: 135), *Разрази над миром буря* (Козы, 2004: 87), либо без глагола в императиве для экономии речевых средств: *Чтоб тебя дьявол* (Сандро 2, 2005: 681), *Чтоб тебя заготовка* (Сандро 3, 2005: 645).

В пожелания зла по типу *Чтоб вас/ее…*, как правило, включены предикаты, значение которых устанавливается самим говорящим в зависимости от речевой ситуации и степени агрессии: *Чтоб вас обоих, тебя и твою жену, повесили* (Там же: 507), *Чтоб ее водяной употребил* (Сандро 1, 2005: 399). В проклятиях же *Будь он проклят* (Сандро 3, 2005: 305) или *Проклят нашим родом* (Софичка, 2004: 65) предикат стандартный и не подвергается варьированию.

Как известно, особую опасность представляют собой родительские проклятия, произнесенные в гневе. В такого рода пожеланиях крайне важен характер статусных отношений адресата и адресанта. Участники данного коммуникативного процесса всегда не равны по своему статусу, ведь ребенку не позволительно проклинать родителей. Напротив, пожелание зла может быть адресовано как одному ребенку, так и нескольким детям. Замечено, что в силу своей повышенной природной эмоциональности именно женщина часто сгоряча осыпает свое дитя самыми изощренными проклятиями по поводу той или иной детской шалости. При этом такая ее эмоциональная реакция на проступок ребенка не нарушает привычного ей речевого поведения, часто непреднамеренна и не имеет цели нанесения ущерба дочери или сыну (*Чтоб у тебя руки отсохли*, *Чтоб ты лопнул*, *Чтоб ты провалился*). Однако известно, что слово и мысль матери имеют нерушимую силу. Так, в повести Фазиля Искандера «Созвездие Козлотура» адресатом родительского проклятия является не мать, а отец – шофер Валико, который, желая выяснить, для чего создан козлотур, проклинает свою дочку трех лет, подкрепляя тем самым свое намерение: *Чтоб я этого невинного ребенка*

сварил в котле для мамалыги (Созвездие, 2994: 99), *…и съел ее* (девочки – К.В.) *детское мясо своими руками, если ты мне не скажешь, для чего козлотуры*… (Там же: 100).

Говоря о средствах выражения оптативной модальности в структуре проклятий художественных текстов Фазиля Искандера, следует выделить базовую модель «(Частица) + индикатив», допускающую вариативность словесной репрезентации. Анализируя ядерные модели оптативных конструкций с главным компонентом – частицей, мы предлагаем наиболее продуктивные модели оптативов лексико-грамматического и структурно-синтаксического планов.

Поскольку в передаче оптативности как лексико-грамматической категории большое значение имеют частицы и наречные слова, выступающие в роли частиц, модель «частица + индикатив» можно разделить на ряд подмоделей. Так, в некоторых проклятиях нередко встречаются частицы *пусть* / *да пусть*, используемые лишь в дискурсивном пространстве. Конструкции с таким началом структурно часто двусоставные с глаголом в форме будущего времени: *Пусть этот поезд разобьется!* (Там же: 343), *Пусть этот поезд не доедет до Баку, пусть разобьется* (Там же: 344). Частица *да* в сочетании с междометием *ой* в проклятиях призвана усиливать эмоционально-экспрессивное воздействие высказывания: *Ой, да пусть высохнут сосцы твоей матери, хоть и так они ссохлись давно…* (Сандро 1, 2005: 674).

Самой продуктивной моделью проклятий в произведениях Фазиля Искандера являются конструкции с частицей *чтоб* в сочетании с глаголом в значении будущего времени, но грамматически оформленные в форме прошедшего времени: *Чтоб она ослепла* (Путь, 2004: 159), *Чтоб она высохла* (Сандро 1, 2005: 371), *Чтоб этот кумхоз опрокинулся, как эта рюмка* (Там же: 401), *Чтоб я тебя похоронил* (Путь, 2004: 308), *Чтоб глаза твои повылазили* (Сандро 3, 2995: 645). Частица *да* здесь также усиливает экспрессивность пожелания: *Да чтоб я отрыла кости своих покойников, если*

во всем Чегеме найдутся такие деньги (Сандро 2, 2005: 388). Как видно, в данных структуре чаще представлены глаголы *ослепнуть*, *высохнуть*, *опрокинуться*, *похоронить*, *повылазить*, *отрыть*.

Очевидно, что значение негативной желательности в текстах Фазиля Искандера передается преимущественно с помощью частиц. Это объясняется, прежде всего, тем, что в данных модальных конструкциях именно частицы берут на себя основную функционально-семантическую нагрузку, реализуя и модусное содержание жанра проклятий. Именно благодаря служебным словам выстраивается семантико-прагматическая организация проклятия.

В художественных текстах Фазиля Искандера также нередко встречаются формулы проклятий, которые наряду с функцией небенефактивного пожелания, несут функцию заверения в истинности своих слов. Данная функция реализуется в том случае, когда сам говорящий является адресатом негативного пожелания: *Чтоб ты меня похоронил,* ***если*** *три–один не будет* (о счете в футбольном матче – К.В.) (Созвездие, 2004: 308), *Разрази меня молния,* ***если*** *я пойму, что он хочет* (Козы, 2004: 135), *Да чтоб я отрыла кости своих покойников,* ***если*** *во всем Чегеме найдутся такие деньги* (Сандро 2, 2005: 388), *Разрази меня молния,* ***если*** *ты сам не есть Джамхух – Сын Оленя* (Сандро 3, 2005: 516).

В жанрах благопожеланий и проклятий художественных текстов Фазиля Искандера, как правило, демонстрируется специфика национального менталитета и языкового сознания этноса, поскольку именно к данным жанрам обращаются в минуту предельных эмоциональных переживаний как позитивных, так и негативных. В данном контексте благопожелания и проклятия сродни и созвучны плачам, в которых оплакивающие находят утешение в момент душевной боли и страдания.

Жанр плача тесно связан с жанром поминального речитатива, обладающего повышенной подвижностью его структуры. Начало речитатива имеет большое значение и, как правило, носит импровизированный характер.

Текст речитатива отличается особыми творческими способностями оплакивающего, не запоминается и не устойчив. Он создается по определенным правилам в каждый конкретный момент речи.

Ранее нами было установлено, что «поминальный речитатив в произведениях Фазиля Искандера представляет собой женское причитание – жанр, характерный для многих культур, в том числе и кавказской – с использованием богатого набора речевых средств. Оно исполняется сольно в эмоционально напряженной обстановке по причине грустных или печальных жизненных ситуаций (умыкание невесты, оплакивание покойного). Похоронное причитание рассматривается исследователями как часть похоронного обряда. В нем отражены верования людей в продолжение жизни после смерти. Именно в причитаниях как одном из древнейших жанров обрядового фольклора содержится немало авторских новообразований, способных выразить всю горечь утраты. Так, по поводу умыкания своей 15-летней дочери Тали (Таликоши) жена дяди Сандро, тетя Катя, «десять дней подряд плакала… у кровати своей дочери, разложив на ней ее вещи, фотографии, пластинки с речами товарища Сталина, причем разбитая пластинка тоже лежала возле остальных, как бы символизируя катастрофу…» (Сандро 1, 2005: 673). Поскольку «в поминальном речитативе тети Кати мотив безвременно оборванного детства занимал главное место» (Там же: 675), она затянула его с особой драматичностью в голосе: *Еще не высохли косички на кукурузных початках, которые ты заплетала. Еще не перестали сосать козлята, которых ты впервые ткнула в сосцы их матери… Ой, да пусть высохнут сосцы твоей матери, хоть и так они ссохлись давно… Ой, да еще не высохли чернила в твоей чернильнице, еще хочет ручка твоя клювиком поцокать о дно чернильницы, а ты ее бросила… Как ястреб цыпленочка, растерзал тебя злой лаз, только перышки до бедной матери долетели*… (Там же: 674–675) [Кварчия, 2025: 96].

Как видно, в данных текстах встречаются такие тропы как сравнение и метафора: беззащитная дочь дяди Сандро сравнивается с цыпленочком, а

умыкатель-лаз – с хищным ястребом. Метафорическое выражение *бедная мать* позволяет дать характеристику образа несчастной матери, оставшейся без дочери. Использование частицы *ой* способствует дополнительному выражению сожаления и усиливает эмоциональную насыщенность высказывания.

В рассказе Фазиля Искандера «Чик идет на оплакивание» наглядно продемонстрирован пример причитания. Поскольку причитания имеют особую плачевную мелодику, они передают горе исполнительницы по поводу конкретного несчастного события – смерти близкого человека или иного бедственного положения (война, голод, стихии). В рассказе представлена одна из трех функциональных категорий причитаний – похоронно-поминальная.

Так, тетушка Чика горько оплакивала свою дорогую приятельницу Циалу – настоящую аристократку. В причитании тетушки отражен в том числе многонациональный колорит региона, когда «мелькала одна и та же фраза на всех языках… То по-русски, то по-абхазски, то по-грузински, а то и по-турецки» (Антология, 2003: 78).

– Бедная Циала!

– Циала рыцха!

– Сацкали Циала!

– Язык Циала!

И почти все они обязательно заговаривали о погоде.

– Слава Богу, хоть с погодой повезло, – утешала одна.

– Если погода продержится, обязательно приду на похороны, – обещала другая.

– Счастливая, жила как хотела и после смерти получила такую погоду!..

– Ах, как ей повезло с погодой! (Там же: 78).

Очевидно, что автор с некоторой иронией описывает столь повышенное внимание сочувствующих к погоде. Полагаем, что это вызвано

тесной связью людей с природой и погодными условиями, особенно в былые времена, когда человек был уверен в сверхъестественной силе дождя, ветра, молнии, солнца и других явлений природы. Твердо верил в то, что счастливый человек и после смерти получает хорошую, ясную погоду, а несчастный так и уходит с дождем, хотя, по размышлениям Чика, «можно было подумать, что после смерти некоторых людей начинается наводнение» (Там же: 79).

Кульминацией похоронного причитания тетушки Чика становится речитативное оплакивание покойной. Тетушка, сокрушаясь, слезно обращается к Чику с целью вызвать и у него слезы печали. После слов «*Чик, где наша любимая Циала? Кто тебя осиротил, Чик? Кто теперь будет тебя угощать конфетами, Чик?*» (Там же: 81) в сопровождении траурной музыки Чик разрыдался невыдуманными слезами.

Как видим, структура причитаний открытая, они предназначены для того, чтобы задобрить покойника, отсюда следует их основная тематика: восхваление покойника, сожаление по поводу его кончины и сокрушение о тягостной судьбе живых.

Основными мотивами причитаний в текстах Фазиля Искандера являются:

1) обращение к сочувствующему/сочувствующим с вопросом, где находится в данный момент покойник: *Чик, где наша любимая Циала?* (Там же: 81);

2) вопрошение живых, которые жалуются на свое сиротство: *Кто тебя осиротил, Чик?* (Там же: 81);

3) сокрушение о будущем живых, о их дальнейшей судьбе: *Кто теперь будет тебя угощать конфетами, Чик?* (Там же: 81).

Особого внимания в текстах Фазиля Искандера заслуживают тематически разнообразные клятвенные формулы, тесно связанные с некими обязательствами перед окружающими, укреплением доверия. Коммуникативно-семантическая характеристика клятвенных обещаний в текстах

Фазиля Искандера представлена преимущественно эксплицитными перформативными конструкциями, состоящими из глагола *клянусь* и имени самого дорогого для человека (живого или мертвого), подкрепляя тем самым свое обещание: *клянусь мамой / матерью; клянусь детьми / моими двумя детьми; клянусь всеми; клянусь теми, кто на фронте; клянусь моими погибшими сыновьями; клянусь моим покойным братом*. Как правило, подобные формулы использовались носителями абхазского этноязыкового сознания в повседневном общении и их нарушение было недопустимо.

С древних времен известно также сакральное почитание деревьев, которое тесно связано с укладом жизни абхазов. Такие священные деревья, как дуб, бук, граб, орех и другие являются одним из космогонических образов для кавказского региона, выступают связующим звеном между природой и человеком. В Чегеме самым священным деревом считался молельный орех, выполнявший важнейшую религиозную и общественную функцию (обряды моления, народные собрания, произнесение клятвы). Подобного рода клятвенное обещание имело особую силу. Так, в рассказе «Пастух Махаз» Фазиль Искандер наглядно демонстрирует силу и нерушимость древнего обычая кровной мести, распространенного на Кавказе и требовавшего от горцев строго соблюдения нравственных и морально-этических законов бытия. Как известно, кровник мог быть изгнан из родных мест либо отмщен кровной местью только за тяжкие, по мнению кавказцев, преступления: убийство, надругательство, серьезное оскорбление и другое. Пастух Махаз поклялся у молельного ореха села Чегем выпить кровь того, кто покусится на его дочь Хикур. Он исполнил клятву – выпил кровь убитого им Шалико, обесчестившего сначала одну дочь, а потом и вторую. Тем самым пастух, по собственному признанию, очистил Шалико его «собственной кровью … от скверны собственной жизни» (Сандро 1, 2005: 126).

В рассказе «Дерево детства» писатель отмечает свою любовь к деревьям как одному из самых благородных созданий природы, как

желательную форму нашей души, которая позволила бы, крепко держась за землю, подниматься к небесам. И сегодня особое значение для абхазского народа имеют три лыхненские липы, которые растут на исторической поляне Лыхнашта, и являются символом стойкости народа.

В романе «Сандро из Чегема» следует выделить группу клятвенных формул с онимным компонентом, из которых четыре теонима и один антропоним. Поскольку большинство клятв связано с религиозными традициями людей, с верой в божественное провидение, то, как правило, они обращены к Богу, к высшим силам: *клянусь Богом, клянусь Господом, клянусь Аллахом, клянусь прахом Магомета*. Тем самым обещание становится особенно убедительным, нарушение которого недопустимо. Тем временем произнесение клятвенного обещания именем Нестора Лакобы, выдающегося абхазского политического и общественного деятеля, разрешалось не всякому, а лишь единицам. В их числе был дядя Сандро, который чувствовал покровительство Нестора Аполлоновича, устроившего его комендантом Цика: *клянусь Нестором* (Путь, 2004: 326).

Как видно, проклятия значительно превосходят благопожелания в количественном отношении. Согласимся с позицией Н.Ф. Алефиренко, полагающим, что причиной такого соотношения являются негативные эмоции, порождающие вторичные знаки. А поскольку положительные эмоции воспринимаются как данность, норма, то именно отрицательные чувства будоражат человеческое воображение [Алефиренко, 2006: 66].

Выводы

В настоящей главе исследован лингвокультурологический потенциал ономастикона произведений Фазиля Искандера как фрагмента языковой картины мира. Онимы как репрезентанты ключевых концептов «Сандро», «Чегем», «Сухум», «Бог» выступают в качестве трансляторов национальной ментальности и индивидуально-авторского мировидения писателя.

1. Художественное творчество русскоязычного писателя-билингва представляет собой феномен в том плане, что писатель, пишущий исключительно на русском языке, принес в русскую литературу и культуру богатый мир абхазской бытовой и культурной жизни. Благодаря диалогу двух культур происходит духовное обогащение двух народов и, следовательно, уважительное, доброжелательное отношение к культурному коду другого этноса. Овладение русским языком позволило более отчетливо слышать «голоса» национальных литератур и языковых культур.

2. Функциональный потенциал отапеллятивных онимов в сказке Фазиля Искандера «Кролики и удавы» обусловлен стилистической спецификой и расширением функционального диапазона, когда на первый план выходят экспрессивная, характеризующая, стилистическая и в том числе текстообразующая функции. Будучи неотъемлемым компонентом смысловой организации текста, отапеллятивные литературные онимы являются одним из средств трансляции авторского замысла и эстетического воздействия.

3. Семантика микротекстологии имени собственного в художественных текстах Фазиля Искандера предполагает использование таких способов идентификации поэтонима как расположение апеллятивного идентификатора справа, слева или с обеих сторон от имени. Кроме того, с целью создания коммуникативной ясности в читательском сознании писателем используется ряд текстовых ситуаций интродукции имени и персонажа, как комплексная интродукция, ономастическая антиципация, ономастическая ретардация, введение имени без персонажа, введение персонажа без имени и введение имени посредством прямой речи, что в целом способствует реализации идентифицирующей функции поэтонима.

4. Одним из важнейших разрядов онимов в ономастиконе произведений Фазиля Искандера выступают библионимы, которые, являясь результатом писательской деятельности, определяем как диктемное имя текста. Библионимами называем обобщенные системы заглавий

художественного текста. Библиототонимами, библиопартионимами и интрабиблионимами именуем дифференциальные типы библионимов, выполняющие интеграционную, коммерческую, делимитативную, характерологическую, сюжетообразующую функции.

5. Внешне мотивированные прозвища в художественных текстах Фазиля Искандера образованы, как правило, путем первичной и вторичной номинации. Первичная номинация указывает на свойства характера, привычки и уникальные качества героев. Вторичная номинация включает прецедентные онимы с использованием стилистических эффектов речи как антономазия в ед.ч. и во мн.ч. Прецедентность онимов выступает одним из мощных инструментов смыслообразования. Относительно немотивированные прозвища, в отличие от мотивированных, не позволяют установить мотив создания прозвища.

6. Афористическая система Фазиля Искандера в целом носит антропонимический характер. Основными способами вербализации лингвокультурологической информации в афоризмах и афористических выражениях являются: 1) использование лексических средств за счет расширения семантического объема афористических единиц комплексом аксиологических (Бог, Россия, А.С. Пушкин, Моцарт) и антиаксиологических (Сальери/сальерианство/сальеризм, байронизм) доминантов с применением онимов и отонимных апеллятивов. Универсальные ценности и антиценности (жизнь, добро/доброта, совесть, предательство, убийство) как правило, репрезентируются без онимного компонента с помощью апеллятивов; 2) использование стилистических средств выразительности (градации на основе синтаксической анафоры, антитезы, сравнения, лексических повторов), усиливающих индивидуально-авторское восприятие окружающего мира.

7. Лингвокультурологический потенциал ономастикона художественных текстов Фазиля Искандера базируется на доминантных концептах «Сандро», «Чегем», «Сухум», «Бог», транслирующих общенациональное и личностное мировоззрение. Полевая структура

концептов «Сандро» и «Чегем» включает ядро, ближнюю и дальнюю периферии, представленные рядом когнитивных признаков. Концепт «Сухум» как аккумулятор культурно-исторической памяти этноса представляет собой однослойную структуру, включающую ядро, репрезентированное когнитивными признаками, а также комплексы метафор, гештальтов и сигнатур. Аксиологически обусловленный концепт «Бог» реализует оптативную модель высказывания когнитивными признаками пожелания хорошей жизни, здоровья, долголетия, благополучия и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В соответствии в поставленной целью решены следующие задачи: изучив научные подходы, определяющие семантитический потенциал имени собственного, установлено его функционирование в контексте денотативного и коннотативного значений, имея ввиду способность онимов с помощью лексического значения формировать денотативный каркас, а также дополнительное коннотативное значение, отражающее в том числе культурный код народа, в котором оно функционирует. Признана относительность границы между ономастической и апеллятивной лексикой как в синхронном, так и в диахроническом планах в силу подвижности лексического состава языка. Обоснованы предпосылки становления ономастики как самостоятельной науки расширением терминологической базы и методологического инструментария. Определен лингвокультурологический потенциал ономастикона произведений Фазиля Искандера рядом когнитивных признаков ключевых концептов «Сандро», «Чегем», «Сухум», «Бог» на базе языковой картины мира.

Частотными способами вербальной репрезентации концепта «Сандро» являются

1) лексический способ, представленный комплексом когнитивных признаков, расширяющих семантический объем концепта и демонстрирующих жизненный уклад Сандро;

2) стилистический способ, включающий средства выразительности и образности, которые аккумулируют авторское представление о Сандро.

Полевая структура концепта включает ядро, ближнюю и дальнюю периферии. Ядро концепта «Сандро» формирует понятие «вечный тамада», ближнюю периферию – психологический портрет Сандро, его внешность, социальный и политический статус, негативные представления об эндурцах и чувство связи с Богом, дальнюю периферию – неукоснительное соблюдение обычаев и трепетное отношение к женщине, которые представлены

совокупностью когнитивных признаков, расширяющих смысловой диапазон концепта.

Доминантными способами вербальной репрезентации концепта «Чегем» являются

1) лексический способ, реализующийся за счет наращивания смыслового диапазона концепта рядом специфических когнитивных признаков, транслирующих уклад жизни чегемцев;

2) стилистический способ, представленный средствами выразительности, усиливающими индивидуально-авторское восприятие Чегема.

Полевая структура концепта также включает ядро, ближнюю и дальнюю периферии. Ядро концепта «Чегем» составляет понятие народ, ближнюю периферию – психологический портрет чегемцев, их традиции и устои, представления о неприятном и огорчительном, чувство связи с Богом и природой, взаимоотношения с окружающими, представления о гендерном неравенстве и чувство юмора чегемцев, дальнюю периферию – пространственно-временной комплекс, которые репрезентированы рядом когнитивных признаков, что способствует наращиванию смыслового объема концепта. Выявлен акцент на общенациональных и частных представлениях о родном селе, расширяющим конкретный географический объект до безграничного культурного пространства. Подтверждено, что концепт «Сухум» как аккумулятор культурно-исторической памяти представляет собой однослойную структуру, включающую ядро, репрезентированное когнитивными признаками, а также комплексы метафор, гештальтов и сигнатур. Установлено, что концепт «Бог» является ключевым компонентом в системе нравственных ценностей народа в жанре преимущественно благопожеланий и реже проклятий. Через отношение к Богу реализуется оптативная модальность высказывания. В текстах благопожеланий когнитивными признаками концепта «Бог» являются пожелания хорошей жизни, здоровья, долголетия, благополучного завершения дела и просьбы о предотвращении несчастных случаев. В текстах проклятий когнитивным

признаком концепта «Бог» является пожелание смерти. Конструкции благопожеланий без онимного компонента реализуют функцию экономии речевых средств. Оптативы-пожелания зла без онимного компонента репрезентированы индивидуально-авторскими новообразованиями. Благопожелания и проклятия в текстах Фазиля Искандера являются одним из средств репрезентации этнокультурных установок, также они проецируют когнитивные особенности социума. Основными когнитивными признаками благопожеланий являются пожелание хорошей жизни, счастья, здоровья и долголетия, благополучного завершения дела, плодотворной работы и труда; ключевыми когнитивными признаками проклятий являются пожелание болезней, смерти, позорной смерти, родовое проклятие и самопроклятие. Доминантной моделью в структуре благопожеланий является конструкция «*Дай Бог + частица чтоб + предикат*», в которой через ценностный концепт «Бог» реализуется оптативная модальность высказывания. Инклюзивный дейксис благопожеланий «Дай Бог им…» и «Дай Бог нам…» свидетельствует об общности и коллективизме данного этноса. Наиболее продуктивными моделями проклятий являются конструкции с частицами, т.к. именно они берут на себя основную функционально-семантическую нагрузку:

1) конструкции с частицей *чтоб* в сочетании с глаголом будущего времени, но оформленного формой прошедшего времени;

2) конструкции с «Пусть/ да пусть + императив».

Клятвенные обещания представлены преимущественно эксплицитными перформативными конструкциями «клянусь + имя близкого человека». Причитания, часто сопровождавшие проклятия, отличаются индивидуально-авторскими новообразованиями и транслируют уникальное ценностно-личностное мировосприятие писателя. Заглавия художественных текстов Фазиля Искандера, являясь результатом творческой деятельности писателя, составляют основу диктемной структуры текста и рассматриваются как часть всего текста. Большинство заглавий представлено бинарными оппозициями, построенными на основе антитезы, «ономастической»

антитезы с элементами оксюморона, а также аллегорического олицетворения, что придает заглавиям особый эмоционально-экспрессивный характер. На базе контрастных онимов внутри заглавий автором созданы отонимные апеллятивы, обладающие индивидуально-авторской стилистикой. Основными функциями заглавий в текстах являются именующая, концептуально-содержательная, а также аттрактивная. Определено, что распространеннымы способами онимизации апеллятивов в текстах Фазиля Искандера являются метафорическая онимизация, реже – метонимическая и трансонимизация. Варианты имен, как правило, созданы с помощью эллиптирования уже существующих моделей. Благодаря частотному употреблению отапеллятивные зоонимы в философской сказке «Кролики и удавы» не столько выступают в качестве ономастического фона произведения, сколько являются его текстовой осью. Отапеллятивные онимы, помимо характеризующей, экспрессивной и идентификационной, выполняют текстообразующую функцию, что способствует раскрытию идейного замысла произведения русскоязычного писателя Фазиля Искандера. Для интродукции имени и персонажа писателем используются такие основные текстовые ситуации как комплексная интродукция, ономастическая антиципация, ономастическая ретардация, вводится имя и не вводится персонаж, персонаж вводится без имени. Вопрос определения границ между фразеологизмами и афоризмами решен в рамках фразеологического подхода на основе их смежных признаков. Установлено, что афоризм представляет собой самостоятельную языковую единицу фразеологического порядка, отличную от фразеологизма своей законченностью.

Подтверждено, что распространенными способами вербализации лингвокультурологической информации в афористике Фазиля Искандера являются:

1) лексический способ, представленный наращиванием смыслового объема совокупностью ценностных установок с онимными компонентами

(Бог, Россия, Пушкин, Моцарт, Сальери), отонимными апеллятивами (моцартианство, сальерианство, сальеризм, байронизм), а также апеллятивами (жизнь, добро, совесть, предательство, убийство);

2) стилистический способ, реализующийся средствами выразительности как градация, антитеза, лексический повтор, сравнения, усиливающими авторское восприятие окружающей действительности.

Ввиду того, что литературное творчество Фазиля Искандера представляет собой синтез двух языковых культур, констатируется пополнение русской языковой культуры засчет индивидуально-авторского словотворчества писателя, использующего лексические средства абхазской языковой культуры и адаптирующего их согласно законам русской словообразовательной системы. Потребность в билингвизме на территории Республики Абхазия возникла естественным образом, стала социальной необходимостью для общения представителей разных национальностей и конфессий, когда русский язык стал неотъемлемой частью их коммуникативного пространства. Таким образом, цель работы достигнута, а задачи полностью реализованы.

Исследование подтверждает, что ономастикон произведений Фазиля Искандера как фрагмент языковой картины мира абхазов репрезентирует ценную лингвокультурологическую информацию.

В целом новизна и актуальность настоящего исследования заключается в том, что нами впервые предпринята попытка продемонстрировать соотношение и функционирование имен персонажей с различными апеллятивными конструкциями в произведениях Фазиля Искандера. Это, в свою очередь, способствует изучению поэтонимов как одного из ключевых средств текстообразования.

Перспективы дальнейшего исследования данной темы видятся в нескольких направлениях. Во-первых, актуальным представляется проведение комплексного сравнительного анализа ономастикона произведений Фазиля Искандера и ономастикона произведений других

русскоязычных писателей-билингвов как Чингиз Айтматов. Это позволит средствами ономастических единиц как носителей лингвокультурологической информации выявить специфику билингвального сознания представителей разных языковых культур. Во-вторых, отдельного внимания требует изучение эволюции периферийных зон концептов. Детальное описание того, как «прирастают» или утрачиваются периферийные признаки (например, в концептах «Сандро» или «Чегем»), позволит зафиксировать живые процессы в современном языке и отразить актуальные изменения в мировосприятии носителей культуры. В-третьих, перспективным направлением является расширение круга анализируемых концептов.

Включение в дальнейшую перспективу исследования таких окказиональных отонимых апеллятивов, как эндуристость, эндурство, эндургенция, доендурил, нечегемность, нечегемство, позволит воссоздать более полную и детальную модель национальной концептосферы, репрезентированной в пространстве художественного текста Фазиля Искандера.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абрегов А.Н. Названия растений в адыгейском языке: синхронно-диахронный анализ: автореф. дис. ... доктора филолог. наук. – Майкоп, 2000. – 134 с.

2. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики: Монография. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.

3. Алефиренко Н.Ф. Язык, познание и культура: когнитивно-семиологическая синергетика слова: монография. – Волгоград: Перемена, 2006. – 228 с.

4. Алефиренко Н.Ф., Семененко Н.Н. Фразеология и паремиология. – Москва: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.

5. Алферов А.В. Интеракционный дейксис. – Пятигорск: ПГЛУ, 2001. – 296 с.

6. Античные теории языка и стиля: (антология текстов): [перевод. с древнегреческого и латинского] / [общ. ред. О. М. Фрейденберг; вступ. статьи И. Троцкого, С. Меликовой-Толстой]. (Серия «Античная библиотека»). – Санкт-Петербург: Алетейя, 1996. – 362 с.

7. Аристотель. Сочинения в 4 томах. Т. 2. – М.: «Мысль»,1978. – 684 с.

8. Аристотель. Сочинения: в 4-х тт. / Аристотель. – М.: Мысль, 1981. – Т. 3. – 613 с.

9. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. Под рук. проф. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 276–279.

10. Балов А.В. Великорусские фамилии и их происхождение: историко-этнографический очерк// Живая Старина. 1896. Вып. 2. – С. 158–168.

11. Бартминьский Е. Базовые стереотипы и их профилирование // Стереотипы в языке, коммуникации, культуре: сб. статей / сост. и отв. ред. Л.Л. Федорова. – М.: РГГУ, 2009. – С. 11–21.

12. Бахтикиреева У.М. Творческая билингвальная личность: (особенности русского текста автора тюркского происхождения). Изд. второе, доп. – Астана: изд-во «ЦБО и МИ», 2009. – 259 с.

13. Бахтикиреева У.М. Дом бытия полилингвальных личностей (интервью с Т.Г. Боргояковой и З.А. Кучуковой) // Новые исследования Тувы. 2024, № 1. С. 276–290.

14. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров; Текст подгот. Г.С. Бернштейн и Л.В. Дерюгина; Примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.

15. Башиева С.К.. Геляева И.А. Место и роль речевого этикета в формировании культуры толерантности // Язык. Словесность. Культура. – 2011. – №1. – С. 45–55.

16. Башиева С.К. Формирование билингвальной личности как сложный когнитивный процесс // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2014. – № 16. – С.150–156.

17. Башиева С.К. Фразеологические единицы с компонентами, обозначающими религиозные воззрения, как трансляторы лингвокультурной информации // Научная мысль Кавказа. 2021, № 4. – С. 101–107.

18. Башиева С.К., Дохова З.Р. Билингвизм и полилингвизм как объединяющие начала различных социокультурных сообществ Северного Кавказа (на примере Кабардино-Балкарской Республики) // Вестник РУДН. Серия Вопросы образования: языки и специальность, 2015, № 5. – С. 371.

19. Башиева С.К. Благопожелание как лингвокультурный феномен // Национальные образы мира в художественной культуре: материалы Международной научной конференции, посвященной 85-летию со дня рождения литературоведа, философа, культуролога Г.Д. Гачева (1929–2008) (24-2 октября 2014 года). – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2015. – С. 536–546.

20. Башиева С.К., Дохова З.Р., Шогенова М.Ч. Инонационально-русское двуязычие в системе школьного образования Кабардино-Балкарской

Республики // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 2. С. 264–274.

21. Башиева С.К., Кетенчиев М.Б. Концепт «огонь» как фрагмент этнической картины мира // Cuadernos de Rusística, 2014. № 10. – С. 37–44.

22. Башиева С.К. Концепты «Семья», «Кавказ» как базовые единицы лингвокогнитивного уровня языковой личности поэта // Научные известия. 2019, № 16. – С. 11–15.

23. Башиева С.К., Дохова З.Р., Чернышова Е.Б. Репрезентация ценностных ориентиров русского этноса во фразеологических единицах с семой 'жизнь' // Научная мысль Кавказа. – 2024. – № 3 (119). – С. 79–86.

24. Башиева С.К., Шогенова М.Ч. Статусы-афоризмы в коммуникативном поведении современной языковой личности // Cuadernos de Rusística Española, 2023. № 19. С. 95-109.

25. Беданокова З.К. Эвокативность рекламного текста. Когнитивно-семиотические характеристики сложных семантических форм. – Майкоп: Изд-во О.Г. Магарин, 2016. – 320 с.

26. Белецкий А.А. Лексикология и теория языкознания: (Ономастика). – Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1972. – 209 с.

27. Блох М.Я. Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания. 2000. № 4. – С. 56–67.

28. Болховитинов Е. О личных собственных именах славяноросов // Вестник Европы. – М., 1813. – Ч. 60. – С. 16–20.

29. Бондалетов В.Д. Русская ономастика. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.

30. Бондалетов В.Д. Русская ономастика. – М.: ЛЕНАНД, 2023.– 312 с.

31. Бугакова Н.Б. Модель ономастического творчества в индивидуально-авторской картине мира А. Платонова: дис. ... доктора филолог. наук. – Воронеж, 2023. – 420 с.

32. Буевская М.В. Поэтонимосфера художественно-го текста. – Киев. Изд. дом Дмитрия Бураго, 2012. – 288 с.

33. Булаховский Л.А. Введение в языкознание: в 2 ч. Ч. 2. – М.: Учпедгиз, 1953. – 179 с.

34. Вайсгербер Л. Родной язык и формирование духа. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1993. – 224 с.

35. Вайсгербер Йоханн Лео Родной язык и формирование духа = Muttersprache und geistesbildung: Muttersprache und geistesbildung / Й.Л. Вайсгербер; пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О. А. Радченко. – Изд. 3-е. – М.: URSS: Либриком, 2009. – 229 с. .

36. Васильева Н.В. Собственное имя в мире текста. – М.: ЛЕНАНД, 2021. – 224 с.

37. Веселовский С.Б. Топонимика на службе у истории// Исторические записки АН СССР, 1945, № 17. С. 24–52.

38. Веселовский С.Б. Ономастикон. – М., 1974. – 384 с.

39. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. – М.: Русский язык, 1980 – 320 с.

40. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М.: 1963. – 255 с.

41. Виноградова Л.Н. Мифологический аспект славянской фольклорной традиции. – М.: Индрик, 2016. – 384 с.

42. Витгенштейн Л. Культура и ценность. О достоверности. Пер. с англ. Л. Добросельского – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 250 с.

43. Востоков А.Х. Рассуждения о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим онаго письменным памятникам // Труды ОЛРС при Московском ун-те. М., 1820. – Ч. XIX (Т. XVII). – С. 5–61.

44. Габуниа З.М. Русскоязычные художественные произведения Фазиля Искандера как новый тип творчества. – Нальчик: Печатный двор, 2017. – 360 с.

45. Габуниа З.М., Улимбашева Э.Ю. К проблеме об основных особенностях русскоязычного художественного текста Ф. Искандера // Cuadernos de Rusística Española, 2017. № 13. – С. 113–121.

46. Галазов А.Х., Исаев М.И. Народы братья, языки братья (русско-осетинские лингвокультурные контакты). –Орджоникидзе: Ир, 1987.– 263 с.

47. Галкина-Федорук Е.М. Слово и понятие. – М.: 1956. – 54 с.

48. Gardiner A. The theory of proper names: A controversial essay. – London: Oxford University Press, 1954. – 76 p.

49. Гачев Г. Д. Национальный космос // Современная драматургия, 1990. – № 2. – С. 178 – 188.

50. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Кавказ. Интеллектуальные путешествия из России в Грузию, Азербайджан и Армению. – М.: Издательский сервис, 2002. – 416 с.

51. Гачев Г. Д. Космо-Психо-Логос: национальные образы мира. – М.: Академический Проект, 2007. – 510 с.

52. Гвоздарев Ю.А. Основы русского фразообразования. Монография. 2-е изд., испр. и доп. / Отв. ред. проф. Л.Б. Савенкова. – Ростов-на-Дону: НМЦ «Логос», 2010. – 246 с.

53. Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. Т. 1 / пер. с лат. и англ. Н. Федорова, А. Гутермана; сост., ред. изд., авт. вступ. ст. и примеч. В.В. Соколов. – М.: Мысль, 1989. – 622 с.

54. Головков Д.А., Пархимович П.И. Юридическая психология / Авт. - сост.: Д. А. Головков, П.И. Пархимович. – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2004. – 144 с.

55. Голомидова М.В. Искусственная номинация в русской ономастике. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1998. – 232 с.

56. Горбаневский М.В. Ономастика в художественной литературе: Филол. этюды. – М.: Изд-во Ун-та дружбы народов, 1988. – 87 с.

57. Гройле А. Ономастическая археология (на материале топонимии Германии) // Вопросы ономастики. – 2015. – № 2 (19). – С. 101–113.

58. Грот Я.К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне: Филологический розыск. – СПб.: 1986. – 159 с.

59. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечестват // Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 400 с.

60. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. / Общ. ред. Г.В. Рамишвили; Послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. – 400 с.

61. Гундарин М.В. Фазиль: опыт художественной биографии / Михаил Гундарин, Евгений Попов. – М.: Издательство АСТ, 2022. – 461 с.

62. Гурцкая В.Б. Типы прозвищных имен в произведениях Ф. Искандера // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 36 (77). Аспирантские тетради: Научный журнал. – СПб., 2008. – С. 46–50.

63. Гурцкая Г.Б. Авторские новообразования Ф.А. Искандера: функционально-прагматический и структурно-семантический аспекты. Автореферат дис… канд. филолог. наук. – Майкоп: АГУ, 2011 – 25 с.

64. Гурцкая Г.Б. Авторские новообразования Ф.А. Искандера: функционально-прагматический и структурно-семантический аспекты: дис. … канд. филол. наук. – Майкоп, 2011. – 152 с.

65. Данилина Е.Ф. Прозвища в современном русском языке // Восточнославянская ономастика: Исследования и материалы / отв. ред. А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1979. – 349 с.

66. Дащинский В.В. Система библионимов в русской прозе: квантитативное и синтаксическое развитие; функции и семантика заголовочных единиц (на материале произведений Е.Ю. Лукина): автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2026. – 25 с.

67. Иванова Н.Б. Смех против страха, или Фазиль Искандер. – М.: Советский писатель, 1990. – 312 с.

68. Иванова Н.Б. Мир и миф Фазиля Искандера // Вестник Литературного института имени Ф.М. Горького. 2019. № 4. – С. 8–12.

69. Каган М. С. Введение в историю мировой культуры: в 2 кн. Кн. 1. / М. С. Каган. – 2-е изд. – СПб.: Петрополис, 2003. – 383 с.

70. Калинкин В.М. Поэтика онима. – Донецк: Юго-Восток, 1999. – 408 с.

71. Карасик В.И. Лингвосемиотическое моделирование ценностей // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2012. – Вып. 1 (39). – С. 43–50.

72. Карасик В.И. Языковая пластика общения. Монография: – М.: Гнозис, 2021. – 536 с.

73. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.

74. Карпенко Ю.А. Имя собственное в художественной литературе // Филологические науки. 1986. № 4. С. 34–40.

75. Катермина В.В. Личные имена собственные в художественном тексте: процессы концептуализации // Ономастика Поволжья: материалы XVIII Международной науч. конф. (г. Кострома, 9–10 сентября 2020 г.): в 2 т. Т. 1. – Кострома: Костром. гос. ун-т, 2020. С. 58–63.

76. Кацнельсон С. Д. Общее языкознание. – Л.: Наука, 1986. – 297 с.

77. Кварчия В.Е. Историческая и современная топонимия Абхазии (Историко-этимологическое исследование). – Сухум: РГПП «Дом печати», 2006. – 328 с.

78. Кварчия В.Б. Афоризмы и афористические выражения в художественных текстах Ф. Искандера: лингвокультурологический аспект // Тибиловские чтения: Материалы II Международной научно-практической конференции «Тибиловские чтения» [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые дан. – Владикавказ: ИПЦ Сев. Осет. гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова, 2026. – 624 с. – 4,86 Мб.: 1 эл. опт. диск (CD-ROM). – С. 180–189.

79. Кварчия В.Б. Заглавия художественных произведений Ф. Искандера в аспекте диктемной структуры текста // Философия и культура народа сквозь

призму языка. Материалы Всероссийской конференции с международным участием, приуроченной к 30-летию Закона «О языках народов КБР». Нальчик, 2024. С. 144–151.

80. Кварчия В.Б. Концептуализация города Сухум в творчестве русскоязычного писателя Ф. А. Искандера // Язык, литература и культура в современном мире. Международный сборник научных статей, посвященный 75-летию педагога, переводчика Абдыханова Уалихана Кибраевича. Шымкент, 2024. С. 196–202.

81. Кварчия В.Б. Онимизация апеллятивов в философской сказке Ф.А. Искандера «Кролики и удавы»: текстообразующая функция // Научная мысль Кавказа. 2023. № 3 (115). С. 130–134.

82. Кварчия В.Б. Специфика репрезентации концепта «Чегем» в творчестве русскоязычного писателя Ф. Искандера // Научная мысль Кавказа. – 2024. - № 3 (119). – С. 122–128.

83. Кварчия В.Б. Специфика вербальной репрезентации концепта Сандро в романе Ф. Искандера «Сандро из Чегема» // Русский язык в поликультурном мире: Материалы международного научного семинара. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2025. – С. 77–87.

84. Кварчия В.Б. Специфика репрезентации жанров устно-речевого дискурса в произведениях русскоязычного писателя Ф. Искандера (на материале благопожеланий, проклятий, клятв и причитаний) // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 2. – С. 91–100.

85. Кварчия В.Б. Способы и функции идентификации поэтонимов как средства микро- и макротекстологии имени в произведениях Ф. Искандера// Парадигма современной гуманитарной науки и образования: традиции и перспективы. Сборник трудов II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Нальчик, 2024. – С. 152–156.

86. Кварчия В.Б. Феномен Фазиля Искандера в контексте двух языковых культур // Би-, поли-, транслингвизм и лингвистическое образование.

Материалы X Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения Г. Д. Гачева. – М.: 2024. – С. 70–76.

87. Кварчия В.Б. Ценностный концепт «Бог» в благопожеланиях и проклятиях художественных текстов Ф. Искандера // Выдающиеся русисты Кыргызстана: сборник статей Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Л.А. Шеймана и Г.С. Зенкова. – Бишкек: КРСУ, 2024. – С. 199–205.

88. Ковалев Г.Ф. Аспекты изучения имен собственных в художественных произведениях // Избранное. Литературная ономастика; Воронежский государственный университет, Кафедра славянской филологии. – Воронеж: Научная книга, 2014. – 447 с. – С. 3–27.

89. Кожин А.А. Именование в мире литературных персонажей // Русский язык за рубежом. 2004. № 4. – С. 52–55.

90. Козэль О.С. Проза Фазиля Искандера. Мировидение писателя. Поэтика: автореферат дис. ... канд. филолог. наук. – Москва, 2006. – 19 с.

91. Коков Дж.Н. Из адыгской (черкесской) ономастики. – Нальчик: Эльбрус, 1983. – 304 с.

92. Колесов В.В. Философия русского слова. – СПб.: ЮНА, 2002. – 448 с.

93. Колесов В.В. Слово и дело: Из истории русских слов. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. – 703 с. С. 10, 13, 18.

94. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. – М.: Наука, 1990. – 103 с.

95. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. – М.: КомКнига, 2018. – 142 с.

96. Кондратьева Т.Н. М.В. Ломоносов о собственных именах как стилистическом средстве // Очерки по истории русского языка и литературы XVIII века. – Вып. 1. – Казань, 1967. – С. 97–115.

97. Королькова А.В. Русская афористика в контексте фразеологии: автореферат дис. ... доктора филолог. наук. – Елец, 2006. – 34 с.

98. Косиченко Е.Ф. Лингвосемиотическая концепция ономастикона (на материале художественных текстов): дис. ... доктора филолог. наук. – М., 2017. – 200 с.

99. Кочнова К.А. Языковая картина мира писателя: аспекты и методы исследований // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2015. – № 3. – С. 53–56.

100. Кремшокалова М.Ч. Когнитивно-дискурсивная модель малых жанров устной речи: на материале благопожеланий и проклятий: автореферат дис. ... доктора филолог. наук. – Нальчик, 2014. – 39 с.

101. Кржижановский С.Д. Поэтика заглавий. – М.: 1931. – 34 с.

102. Кузнецова Т.Б. Русский ономастикон ставропольского края как фрагмент русской языковой картины мира (на материале антропо-, топо- и зоонимов Шпаковского, Кочубеевского и Грачевского районов): автореф. дис. … канд. филолог. наук. – Ставрополь, 2005. – 18 с.

103. Lamping D. Der Name in der Erzählung. Zur Poetik des Personennamens. – Bonn: Bouvier, 1983. – 135 s.

104. Лачинов А.В. Человек и мир в художественной системе Ф. И. Искандера: автореферат дис. ... канд. филолог. наук. – Нальчик, 1998. – 19 с.

105. Чингиз Гусейнов. Лета к воспоминаньям клонят: фрагмент книги мемуаров // Дружба народов. – (Нация и мир). – 2004. № 4. – С. 160– 181.

106. Лихачев Д.С. Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология // Под рук. проф. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 280–287.

107. Локъяева Ж. М. Особенности и функциональная роль благопожеланий (алгъыш) (на материале карачаево-балкарского фольклора) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2020, № 6 (98). – С. 302–311.

108. Ломоносов М.В. Российская грамматика Михайла Ломоносова. – Санкт-Петербург: Императорская Академия наук, 1755. – 210 с.

109. Лурье С.В. Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы. – М.: Академический Проект, 2020. – 624 с.

110. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. – Минск: ТетраСистемс, 2005. – 254 с.

111. Маслова В.А. Концепты и ценности: содержание понятий, языковая репрезентация// Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Т. 24 (63) 2011. № 2. Ч. 1. – С. 383–387.

112. Маслова В.А. Лингвокультурология. Введение: учебное пособие для вузов / В.А. Маслова; ответственный редактор У.М. Бахтикиреева. – 2-изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2024. – 208 с.

113. Матвеев А.К. Апология имени // Вопросы ономастики. 2004. № 1. С. 7–13.

114. Матвеев А.К. Ономастика и ономатология: терминологический этюд // Вопросы ономастики. 2005. № 2. С. 5–10.

115. Молчкова Л.В. Модели повтора во фразеологии//Актуальные вопросы современной науки. – Вып. 28. – Новосибирск, 2013. – С. 194–202.

116. Милль Дж.Ст. Система логики. Сочинение. В 2 т. [С 5-го доп. лондонского изд. переведено под ред. и с примеч. П.Л. Лаврова, Ф. Резенером] – СПб.: Изд. М.О. Вольфа, 1865-1867. Т. 1: [4], XXXII, 554, XII, VIc. Т. 2: [4], 538, VII с.

117. Morgan J., O'Neill Ch., Harre R. Nicknames. Their Origins and Social Consequences. – London, Boston, and Henley: Routledge and Kegan Paul, 1979. – 153 p.

118. Намитокова Р.Ю. В мире имен собственных. Лингвистические беседы по краеведению. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2016. – 292 с.

119. Намитокова Р.Ю., Абрегов А.Н. В мире имен собственных: методические рекомендации к факультативному курсу: пособие для учителей школ Республики Адыгея – Майкоп: Качество, 1998. – 116 с.

120. Нахимова Е.А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования: монография / Е. А. Нахимова; ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2011. – 313 с.

121. Николаева Т.М. Имена собственные в русской культуре и литературе (к вопросу об эволюции культурных коннотаций) // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст: в 2 ч. Ч. 1. – М., 2001. – С. 34–38.

122. Никонов В.А. Введение в топонимику. – М.: Наука, 1965. – 172 с.

123. Никонов В.А. Имя и ощество. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1974. – 278 с.

124. Никонов В.А. Введение в топонимику. Изд. 2-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2011. – 184 с.

125. Общая риторика. – М.: Прогресс, 1986. – 392 с.

126. Общее языкознание. Методы лингвистических исследований / [Отв. ред. чл.-кор. АН СССР Б.А. Серебренников]; АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1973. – 318 с.

127. Платон. Диалоги. – М.: Наука, 1986. – 547 с.

128. Подольская Н.В. Проблемы ономастического словообразования (к постановке вопроса) // Вопросы языкознания. 1990. № 3. – С. 40–54.

129. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999. – 30 с.

130. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2010. – 314 (б) с.

131. Рассадин Ст. Древо сознания // Искандер Ф. Детство Чика. – М.: Книжный сад, 1994. – 459 с.

132. Раппапорт А.Г. К пониманию архитектурной формы: автореферат дис. ... доктора искусствоведения. – Москва, 2002. – 38 с.

133. Реформатский А.А. Что такое термин и терминология/ Акад. наук. СССР. Ин-т языкознания. – М. [б.и.], 1959. – 14 с.

134. Реформатский А.А. Термин как член лексической системы языка / Проблемы структурной лингвистики. 1967: [Сборник статей] / АН СССР. Институт русского языка. – М.: Наука, 1968. – 411 с.

135. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. – М.: Наука, 1988. – 216 с.

136. Русская грамматика. В 2 т. – М.: 1980. – 792 с.

137. Рут М.Э. Антропонимы: Размышления о семантике // Известия Уральского государственного университета. 2001. – № 20. С. – 59-64.

138. Савенкова Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 2002. 239 с.

139. Селищев А.М. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ// Ученые записки МГУ. – Вып. 128. Труды кафедры русского языка. – Кн.1. – М., 1948. С. 128–152.

140. Скуридина С.А. Ономастический код художественных текстов Ф.М. Достоевского: дис. ... доктора филолог. наук. – Воронеж, 2020. – 392 с.

141. Скуридина С.А. Ономастический код художественных текстов Ф. М. Достоевского: монография / Скуридина С.А. – Воронеж: Воронежский государственный технический университет, ЭБС АСВ, 2022. – 342 с.

142. Смирнова В.Е. Онимы России в дискурсе французских путешественников XVI–XVIII вв.: референтная соотнесенность и социокультурная направленность: автореф. дис. … канд. филолог. наук. –М., 2024. – 32 с.

143. Срезневский И.И. Древний русский календарь по месячным минеям XI– XIII века: Заметка акад. И.И. Срезневского. – Санкт-Петербург, 1863. – 21 с.

144. Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения (Семасиологическая грамматика). – М: Наука, 1981. – 361 с.

145. Стрельцова М.Ю. Прозвищные именования в русском языке (денотативные типы и структурно-семантические модели): автореф. дис. ... канд. филолог. наук. – Владивосток, 2010. – 25 с.

146. Сумма теологии/ Фома Аквинский; Пер. с лат. С.И. Еремеева, А.А. Юдина. Ч. 1, вопросы 1–43. – Киев: Эльга, Ника-Центр, Элькор-МК, 2002. – 561 с.

147. Суперанская А.В. Общая теория имени. – М.: URSS, 2007. – 366 с.

148. Суперанская А.В., Сталтмане В.Э., Подольская Н.В., Султанов А.Х. Теория и методика ономастических исследований / Отв. ред. А.П. Непокупный. Изд. стереотип. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2019. – 256 с.

149. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного / Отв. ред. А.А. Реформатский. Изд. стереотип. – М.: ЛЕНАНД, 2023. – 366 с.

150. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. – Волгоград: Перемена, 2000. – 171 с.

151. Сухова К.И. Семантический потенциал библионимов в творчестве В.А. Солоухина // Имя в пространстве культуры: коллективная монография к 80-летию профессора Г.Ф. Ковалева; Воронеж: АО «Воронежская областная типография», 2023. – С. 306–311.

152. Табулова Х.Т. Концептуализация мира в художественном тексте: на материале произведений Ф. Искандера. Автореферат дис. канд. филолог. наук. – Нальчик, 2005 – 24 с.

153. Тагаев М. Дж. Билингвальное языковое сознание и типы языковых личностей //Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4 (64). Т.4. – С. 224–228.

154. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический, культурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 284 с.

155. Теория и методика ономастических исследований / А.В. Суперанская [и др.]. – М.: ЛИБРОКОМ, 2019. – 256 с.

156. Устинова Н.Н. Аспекты изучения библионимов // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022. № 4 (47). – С. 60–63.

157. Фатеева Н.А. Синтез целого. На пути к новой поэтике. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 351 с.

158. Федотова К.С. От о. Цитеры до Парижа (трансформация топопоэтонимов в художественном мире Г. Иванова) // Имя собственное в жизни и литературе: Материалы IX Международных Святогорских ономастических и IX Международных Михайловских литературно-ономастических чтений. – Киев: Изд. дом Дмитрия Бураго, 2015. – С. 332–342.

159. Фонякова О.И. Имя собственное в художественном тексте. – Л.: 1990. – 104 с.

160. Формановская Н.И. Благопожелание как концепт в основе речевого этикета // Благопожелание в современной российской православной телекоммуникации (на материале передачи «Церковный календарь» с о. Евгением Попиченко) Речевое общение: специализированный вестник / под ред. А.П. Сковородникова. – Красноярск: СФУ, 2011. Вып. 12 (20). – С. 69–76.

161. Фрагменты ранних стоиков. Т. 2. Хрисипп из Сол. Ч. 1. Логические и физические фрагменты / пер. и коммент. А. А. Столярова. – М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1999. – 280 с.

162. Фразеология в контексте культуры. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 336 с.

163. Фролов Н.К. Избранные работы по языкознанию: в 2 т. Т. 1. – Тюмень, 2005. – С. 3.

164. Хаджиева Т.М. Фольклор // Карачаевцы. Балкарцы. – М.: Наука, 2014. – С. 522–524.

165. Хазагеров Т.Г. Общая риторика: Курс лекций: Слов. ритор. приемов: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению "Филология" / Т.П. Хазагеров, Л.С. Ширина. – 2. изд., перераб. и доп.– Ростов н/Д: Феникс, 1999. – 316 с.

166. Цколия К.Р. Национальная специфика и ее художественное воплощение в творчестве Фазиля Искандера: автореферат дис. ... канд. филолог. наук. – Москва, 2014. – 19 с.

167. Чернявская В. Е. Интерпретация научного текста. – М.: изд-во ЛКИ, 2007. – 49 с.

168. Черняк А.З. «Бог» как имя собственное: проблема референции // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2016. Вып. 1 (63). – С. 79–98.

169. Чичагов В.К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий (вопросы русской исторической ономастики XV-XVII вв.). – М., 1956. – 123 с.

170. Шмелёва Т.В. Терминологические записки (лексикон и другие) / Т.В. Шмелёва // Лингвистический ежегодник Сибири, 2000. – Вып. 2. – С. 23–31.

171. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность: сборник работ / Л.В. Щерба; редактор Л.Р. Зиндер, М.И. Матусевич; АН СССР. Отделение литературы и языка. Комиссия по истории филологических наук. – Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1974. – 427 с.

172. Щербак А.С. Когнитивные основы региональной ономастики: дис. … доктора филолог. наук. – Тамбов, 2008. – 452 с.

173. Щербак А.С. Основные типы ономастических концептов (на материале региональной концептосферы) // Вестник ТГУ. Выпуск 10 (78), 2009. – С. 169-175.

174. Щербак А.С. Картина мира – языковая картина мира – региональная ономастическая картина // Когнитивные основы региональной

ономастики. – Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, 2012. – С. 67–71.

175. Щукина Г.О. Продуктивный способ идиоматической номинации в английском языке // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Том 18, № 2. – Кострома, 2012. – С. 110–112.

176. Харузин Н.Н. К вопросу об употреблении некалендарных имен в допетровской Руси. Оттиск из II тома Сборника Историко-Филологического Общества при Институте князя Безбородко. Печатано с разрешения Общества. – Нежин: Типо-Литография Е.Ф.Венгера. 1898. – 24 с.

177. Эдельман Д.И. Основные вопросы лингвистической географии. На материале индоиранских языков. – М.: Наука, 1968. – 113 с.

178. Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. – М., 1961, Т. 20. –С. 527–528.

179. Якобсон Р. Лингвистика в ее отношении к другим наукам // Якобсон Р. Избранные работы / сост. и общ. ред. В.А. Звегинцева, предисл. Вяч. Вс. Иванова. – М.: Прогресс, 1985. – С. 369– 420.

180. Ячин С. Е. Язык как основание и универсальная модель культуры // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2010. – № 1. – С. 14–31.

181. Zgusta L. [Рец. На сб.] Theorie und Praxis der Zusammenarbeit zwischen den anthropologischen Disziplinen. – Horn, 1961. «Archivorientalni». Praha, 1962, t. 30, № 1. S. 173–177.

Словари

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – Изд. стереотип. – М.: Классический учебник МГУ, 2025. – 576 с.

2. Восточнославянский фольклор: Словарь научной и народной терминологии / Отв. ред. К.П. Кабашников. – Минск: Наука и техника. 1993. – 478 с.

3. Касландзия В.А., Джонуа Б.Г. Русско-абхазский словарь. В трех томах. Том первый. А–М / состав. В. А. Касландзия, Б. Г. Джонуа. – Сухум: «Дом печати», 2016. – 800 с.

4. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – Москва: Филол. фак. МГУ, 1996. – 245 с.

5. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник/ Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 840 с.

6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. –М.: Издательство «Азъ», 1992. – 2314 с.

7. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен. – Донецк: Юго-Восток, 2004. – 410 с.

8. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – 192 с.

9. Руднев В.П. Энциклопедический словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. – М.: «Аграф», 2009. – 543 с.

10. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.

11. Словарь теологических терминов: приложение к учебному пособию «Основы теологии» / сост.: И. Д. Сердюкова: электронное издание. 3-е изд. испр. и доп. – Брянск, 2023. – 138 с.

12. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2004. – 992 с.

13. Суперанская А.В. Современный словарь личных имен: Сравнение. Происхождениею Написание. – М.: Айрис-пресс, 2005. – 384 с. – (От А до Я).

14. Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен / Н.М. Тупиков. – СПб., 1903. – 857 с.

Источники

1. Искандер Ф. Собрание сочинений в 10 т. Т. 1. Путь из варяг в греки. – М.: Время, 2004. – 700 с.

2. Искандер Ф. Собрание сочинений в 10 т. Т. 2. Созвездие козлотура. – М.: Время, 2004. – 684 с.

3. Искандер Ф. Собрание сочинений в 10 т. Т. 3. Детство Чика. – М.: Время, 2004. – 684 с.

4. Искандер Ф. Собрание сочинений в 10 т. Т. 4. Сандро из Чегема 1. – М.: Время, 2005. – 684 с.

5. Искандер Ф. Собрание сочинений в 10 т. Т. 5. Сандро из Чегема 2. – М.: Время, 2005. – 700 с.

6. Искандер Ф. Собрание сочинений в 10 т. Т. 6. Сандро из Чегема 3. – М.: Время, 2005. – 668 с.

7. Искандер Ф. Собрание сочинений в 10 т. Т. 7. Софичка. – М.: Время, 2006. – 731 с.

8. Искандер Ф. Собрание сочинений в 10 т. Т. 8. Человек и его окрестности. – М.: Время, 2004. – 733 с.

9. Искандер Ф. Собрание сочинений в 10 т. Т. 9. Козы и Шекспир. – М.: Время, 2007. – 703 с.

10. Искандер Ф. Собрание сочинений в 10 т. Т. 10. Паром. – М.: Время, 2004. – 667 с.

11. Антология Сатиры и Юмора России XX века. Том 14. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 704 с.